

ТАТАРЫ

Эдуард Паркер

История
возникновения
великого народа

Эдуард Паркер

**Татары. История
возникновения великого народа**

«Центрполиграф»

Паркер Э.

Татары. История возникновения великого народа / Э. Паркер —
«Центрполиграф»,

Увлекательный экскурс известного ученого Эдуарда Паркера в историю кочевых племен Восточной Азии познакомит вас с происхождением, формированием и эволюцией конгломерата, сложившегося в результате сложных и противоречивых исторических процессов. В этой уникальной книге повествуется о быте, традициях и социальной структуре татарского народа, прослеживаются династические связи правящей верхушки, рассказывается о кровопролитных сражениях и создании кочевых империй.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	35
Глава 7	41
Часть вторая	45
Глава 1	45
Глава 2	48
Глава 3	52
Глава 4	57
Часть третья	59
Глава 1	59
Глава 2	63
Часть четвертая	65
Глава 1	65
Глава 2	72
Глава 3	78
Глава 4	82
Часть пятая	84
Глава 1	84
Глава 2	89
Глава 3	91
Глава 4	93
Глава 5	96
Часть шестая	97
Глава 1	97
Глава 2	102
Глава 3	103
Часть седьмая	105
Глава 1	105
Глава 2	108
Глава 3	110
Глава 4	113
Глава 5	115

Эдуард Паркер

Татары. История

возникновения великого народа

Часть первая

Империя хунну

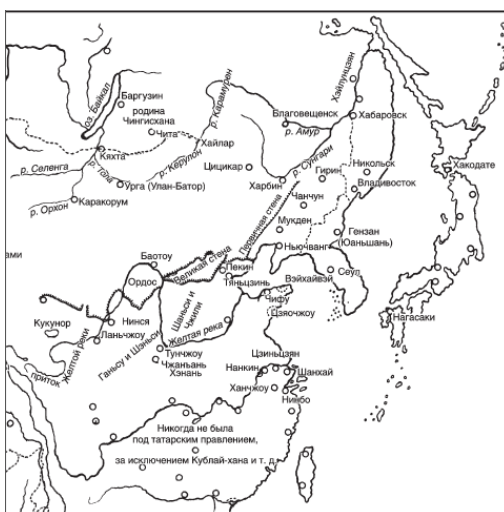
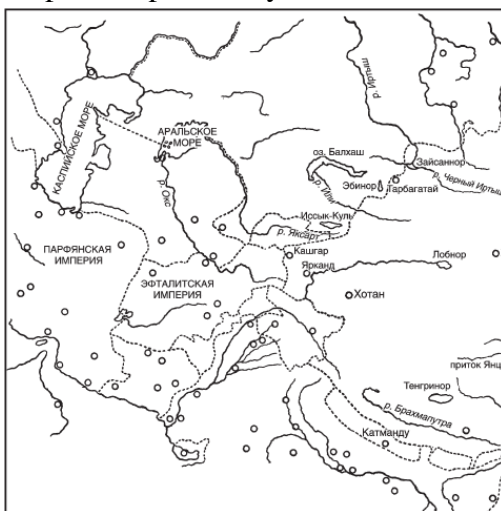
Глава 1

Ранние сведения о хунну

Подлинная история кочевых племен Восточной Азии ведет свой отсчет приблизительно с того же времени и развивается почти тем же путем, что и история северных народов Европы. Китайская империя, подобно империи Римской, обязана своим процветанием открытиям и завоеваниям, результатом которых стали более тесные контакты между народами и их взаимная ассимиляция, непрестанные пограничные конфликты и глобальное смещение политических центров. Подобные процессы происходили также в Греции и Персии. В отличие от китайских и римских авторов Геродот, рассказывая о скифах, делал акцент скорее на воссоздании картины жизни и обычаев этого народа, чем на изложении его политической истории. И все же рассказ Геродота соответствует нарисованному китайцами портрету хунну, с одной стороны, и представлению римлян о гуннах – с другой. Поскольку этимологическая связь хунну Китая с гуннами Запада едва ли может быть подкреплена неопровержимыми доказательствами, ограничимся простым изложением фактов, зафиксированных в китайских источниках, оставляя за читателем право на собственную точку зрения и стараясь не выдвигать беспочвенных гипотез.

В тот период, к которому относится начало нашего рассказа, китайцы ничего не знали о японцах, бирманцах, сиамцах, индусах, туркестанцах. Они имели весьма слабое представление о Корее, тунгусских племенах, народах, населяющих территорию к югу от великой реки Янцзы, и тибетских кочевниках. Внешние сношения Китая фактически ограничивались контактами с верховыми кочевниками севера. В древности они были известны под разными именами, более или менее близкими по звучанию к вышеупомянутому названию, принятому во всеобщей истории. Однако ошибочно было бы предполагать, как это делают многие европейские авторы, что название «хунну» вошло в употребление лишь со II века до н. э. Историк Ма Дуаньлинь, живший шестьсот лет назад, сам опровергает этот факт и приводит цитаты из двух источников, стремясь доказать не только то, что название это было в ходу задолго до указанного времени, но также и то, что общность, о названии которой идет речь, уже стала довольно значительной. Сами китайцы не уделяли большого внимания хунну вплоть до 1200 года до н. э., когда член правящей семьи, возможно совершивший какой-то проступок, бежал к кочевникам севера и основал там что-то вроде династии. Несмотря на то что на протяжении многих столетий, до 200 года до н. э., северные государства Китайской империи конфликтовали с этими кочевниками, не осталось письменных свидетельств об их племенах и престолонаследии. О них известно столько же, сколько о скифах из рассказов Геродота. Столь же мало было известно о тунгусах или восточной ветви кочевников, с которыми китайцы вступили в тесный контакт лишь двумя столетиями позднее. Куда большими сведениями китайцы располагали о великом кочевом народе хунну. Позднее для обозначения различных однородных племен, формировавших империю хунну, использовались слова «тюркский» и «тюрко-скиф-

ский». Однако слово «тюрк» было совершенно неизвестно до V века н. э., следовательно, мы пока не можем говорить о «тюрках», поскольку это было бы хронологической ошибкой. Так же обстоит дело со словом «татары». Любопытно, но китайцы использовали его, наделяя тем же неопределенным смыслом, что и мы. Это слово не встречалось в истории в какой бы то ни было форме до II века н. э., но и после этого, как и впоследствии с «тюрками», оно употреблялось в отношении одного небольшого племени. Таким образом, что бы мы ни думали об отождествлении слов «хунну» и «гунны», совершенно ясно, что у китайцев не было другого названия для верховых кочевников Северной Азии, едящих мясо и пьющих кумыс, точно так же как и у европейцев название «гунны» являлось единственным для верховых кочевников из Северной Европы, едящих мясо и пьющих кумыс. Эти кочевники появились в Европе после того, как правящие касты хунну были изгнаны из Китая. Более того, скифы Геродота, столкнувшиеся с греками и персами, вели в точности такой же образ жизни, как хунну из Китая и гунны из Европы. Таким образом, мы можем прийти к выводу, подкрепленному разрозненными свидетельствами, что между этими тремя народами существовала некая этнографическая связь.

Карта 1

Набросок карты, основанный на карте Азии, составленной Варти

Кочевой народ хунну жил на коне. «Их страной была лошадиная спина». Они переезжали с места на место, перегоняя свои стада и отары в поисках новых пастбищ. Лошади, крупный

рогатый скот и овцы – вот их обычное имущество. Однако время от времени в их стадах появлялись верблюды, ослы, мулы и другие представители семейства лошадиных, которых невозможно идентифицировать. Возможно, одним из них был онагр (дикий осел) из Ассирии и Центральной Азии. Хунну не строили городов и других поселений подобного рода, но, хотя они и не задерживались подолгу на одном месте, каждому племени отводилась определенная территория. Поскольку они не занимались земледелием, у каждого шатра, или семейства, был свой персональный участок земли. У хунну не было письменности, и потому все приказы и прочие административные акты передавались изустно. С самого раннего детства хунну учились ездить верхом на овцах и охотились на крыс или птиц при помощи крошечного лука и стрел. По мере взросления объекты охоты менялись, теперь целью охотников были лисы и зайцы. Каждый взрослый мужчина, способный натянуть лук, становился воином. Все, стар и млад, питались мясом и молоком. В качестве одежды они использовали шкуры убитых животных, а поверх них набрасывали войлочные накидки. Полные сил воины всегда получали лучшее, старых и немощных презирали, им доставались крохи. На протяжении тысячи лет в Татарии процветал обычай, по которому к сыну переходили жены умершего отца (за исключением родной матери), а в наследство младшим братьям доставались жены старших. Достоверно неизвестно, кому предоставлялось право выбора – сыну или брату: возможно, брат получал наследство лишь при отсутствии сына или заменяющего его. В мирное время помимо ухода за скотом хунну много времени уделяли охоте и стрельбе. Каждый мужчина был готов к сражению или набегу. Отступление перед врагом не считалось позором. Фактически, тактика ведения боевых действий заключалась во внезапных, плохо согласованных набегах, ложных маневрах и засадах. По мнению китайцев, хунну были совершенно лишены чувства сострадания или справедливости: они подчинялись единственному закону – силе. Хунну пользовались не только луками. В рукопашных схватках они демонстрировали столь же блестящее владение мечом и ножом. В некоторых древних источниках встречается упоминание о хунну, обитавших в зимнее время в пещерах; впрочем, это утверждение относится скорее к тунгусским племенам.

Нет необходимости рассматривать ранние сведения о татарских войнах, описание которых довольно смутно. Достаточно сказать, что с 1400 г. до н. э. до 200 г. н. э. встречаются краткие упоминания о столкновениях китайцев с кочевниками. В каждом случае называются приблизительные даты, поэтому эти сведения вполне можно считать историческими. Следует, однако, помнить, что ежегодная датировка китайской истории начинается лишь с 828 г. до н. э. Северные районы провинций, ныне известных как Шаньси, Шэньси и Чжили¹, находились тогда во власти кочевников. На протяжении многих столетий, во время так называемого периода «сражающихся царств», силой кочевники не уступали Китаю. Император Китая, как и его беспокойные вассальные царьки, в разные периоды заключали брачные союзы с правящими семействами кочевников, и по крайней мере один китайский властитель сознательно заимствовал татарский костюм и образ жизни. Теперь возникает другой этимологический вопрос, а именно: имеет ли китайское слово «тунг-ху», или «восточные татары» (термин так же часто применяемый к предкам катаев, маньчжуров и корейцев, как название «хунну» употребляется в отношении предков тюрков, уйгуров, киргизов и т. п.), какую-либо этимологическую связь с европейским словом «тунгус». Если два этих слова никак не связаны между собой, значит, перед нами чрезвычайно любопытное совпадение, поскольку оба слова и в русском, и в китайском языках имеют одинаковое значение. В источниках упоминается и другой случай, который призван показать, что приграничные государства Китайской империи были глубоко затронуты татарским влиянием. У одного из вассальных владык был кубок, сделанный из черепа правителя–соперника, – факт столь же противоречащий конфуцианским идеям, сколь соответствующий всему, что мы знаем об обычаях хунну и скифов. В конце III века до н. э., непо-

¹ Чжили – название китайской провинции Хэбэй до 1928 г. (Примеч. пер.)

средственно перед тем, как западному царству Цинь удалось разрушить старую феодальную систему и объединить Китай в единую империю, вассальное государство, под властью которого находились теперешние провинции Шаньси, Шэньси и Чжили, оказывало систематическое сопротивление вторжениям кочевников и в конце концов вынудило татарского царя вступить в открытое сражение, в ходе которого татарские войска были наголову разбиты. Потери татар составили 100 000 человек. После этого император Цинь присоединил это государство к остальным, а прославленный военачальник Мэн Тянь во главе нескольких сотен тысяч воинов был отправлен в поход на татар. Ему удалось отвоевать Желтую реку (Хуанхэ) на всем ее протяжении, включая участок излучины, теперь известный как плато Ордос. Татары были оттеснены к северу от Великой степи. Бесчисленные отряды преступников и других горемык были направлены на север для строительства военной дороги и несения гарнизонной службы. Вдоль границы было возведено около сорока крепостей и укрепленных городов. Наконец, от окрестностей современной столицы провинции Ганьсу – города Ланьчжоу – до моря протянулась Великая стена. Поскольку она отмечена почти на всех современных картах Китая, читатель облегчит себе задачу, если будет держать перед глазами такую карту. Это избавит нас от необходимости приводить многочисленные и причудливые китайские географические названия – а также и имена, которые часто варьируются в зависимости от местонахождения каждой последующей династии. Великая стена – это кровавый след, вдоль которого белеют миллионы человеческих скелетов, знаменуя собой тысячелетнюю борьбу. Надо отметить, впрочем, что Мэн Тянь с полумиллионом рабов всего лишь укрепил уже существующую стену, поскольку нам известно, что китайский царь, перенявший татарские обычаи, уже построил Великую стену с северо-востока Шаньси до самой западной точки излучины Хуанхэ. А незадолго до этого набирающие силу правители Цинь дальше к западу построили другую стену. К востоку приграничное царство Янь, располагавшееся на территории современного Пекина, построило Великую стену приблизительно на долготе Пекина до моря, так что Мэн Тяню пришлось лишь достроить или укрепить существующие фортификации. Позднее внесли свою лепту и различные северные династии – они добавили к Великой стене новые участки или продлили ее линию в сторону, к Пекину. Так что великолепное и почти совершенное сооружение, которое современные путешественники видят на расстоянии почти пятидесяти километров от столицы, имеет мало общего с древней Великой стеной, построенной две тысячи лет назад. Большая часть древней стены сейчас в полуразрушенном состоянии.

Глава 2

Правление завоевателя Модэ

Как мы видели, хунну вынуждены были отступить перед внушительной силой китайского императора, человека бескомпромиссного и полного великих замыслов. Можно допустить, что приписываемое ему чудовищное злодеяние – уничтожение всей литературы и ученых людей – косвенно сыграло на руку китайской культуре. Необходимость восстановления литературы и создания более удобного письменного общения для государственных нужд заставила китайцев изобрести предметы более удобные в обращении, нежели древние бамбуковые таблички, бамбуковые кисточки и заостренные стили, а также провести реформу письменности, упростив иероглифы. Как бы то ни было, Мэн Тянь, с одной стороны, считается первым строителем Великой стены, а с другой – недооцениваются его заслуги как изобретателя современной волосной кисточки для письма. Однако компетентные китайские критики доказывают: самое большее, что он сделал, в условиях недостатка материалов, усовершенствовал бамбуковую или щетинную кисточку, уже использовавшуюся в течение некоторого времени. Хунну вынуждены были противостоять и другой, не менее мощной силе. Это был кочевой народ, известный китайцам под названием юэчжи, чья власть тогда распространялась на западную половину крупной провинции, теперь называемой Ганьсу. Судя по всему, китайцы ничего не знали об этом народе до того, как начался период слияния феодальных государств в империю Цинь. И это неудивительно, поскольку до этого важнейшего события государство Цинь единственное из всех имело хоть какие-то контакты с Западом. В то время хунну вынуждены были отступить перед всепроникающей мощью императора. Владыку кочевников (или «шаньюй», как он сам себя именовал) звали Тумань. Можно сказать, что с него и начинается писаная история кочевых империй. Новая китайская единая империя распалась почти сразу после смерти в 210 году до н. э. ее талантливого основателя. Несмотря на внебрачное происхождение, он многим был обязан правлению своего великого деда, практически своего непосредственного предшественника, который за 56-летнее правление проделал огромную работу по объединению страны. За четыре года анархии, последовавшие за крушением империи, Тумань сумел восстановить и укрепить свое пошатнувшееся могущество. Китайские военачальники, поглощенные борьбой за трон, на какое-то время забыли о северных рубежах. Тумань же, чья неприступная цитадель располагалась к северу от Великой степи, постепенно продвигался на юг и, наконец, перешел северную излучину Желтой реки, вернув себе территорию Ордоса и восстановив прежние границы с Китаем: другими словами, он снова занял восточную часть современной провинции Ганьсу. Тумань был уже немолод и, к сожалению, находился под сильным влиянием горячо любимой им молодой супруги. По ее совету Тумань объявил своим наследником ее сына в обход законного претендента, своего сына – талантливого военачальника Модэ. Чтобы устранить Модэ, Тумань послал его в качестве заложника в соседнее государство Юэчжи, а затем напал на это государство, надеясь, что возмущенные этим обстоятельством юэчжи казнят Модэ. Однако Модэ был далеко не глуп. Вскочив на резвого коня, он целым и невредимым добрался домой. Тумань, по достоинству оценивший отважный поступок сына, незамедлительно поставил его во главе десятитысячного войска. Модэ, однако, вовсе не готов был простить отцу его предательство, совершенное под влиянием коварной жены. Он разработал план по устранению Туманя. Прежде всего, он усовершенствовал конструкцию «поющей стрелы» – *нари-кабуры* древних японцев. Модэ должен был пустить одну из таких стрел в намеченную жертву, и это являлось сигналом для слуг Модэ, они должны были немедленно стрелять в тот же объект. Опробовав свой план сначала на своей лучшей лошади, а потом на любимой супруге, наказав за неповиновение нескольких воинов, Модэ выждал, когда старый Тумань отправится на охоту, и пустил в него «поющую стрелу». Шаньюй, пронзенный стрелами, упал замертво, а

Модэ немедленно возвели на трон. За его воцарением последовала массовая резня, в ходе которой погибла вся семья покойного отца Модэ. Лишь одну из вдов отца пощадил Модэ, чтобы согласно обычаю взять ее в жены.

В этот период тунгусы лишь немногим уступали хунну в могуществе, а между двумя народами лежало почти 500 километров степной равнины, служившей чем-то вроде нейтральной зоны. Услышав о том, что Модэ убил отца и узурпировал его трон, тунгусы направили к нему послов с требованием отдать лучших лошадей в качестве платы за невмешательство во внутренние дела хунну. Модэ был не только талантливым военачальником, но и искусным дипломатом. Он не стал слушать своих советников, выступавших за военные действия, а сделал вид, что, стремясь умиротворить тунгусов, готов удовлетворить их просьбу. Как Модэ и ожидал, тунгусы, злоупотребив его расположением, потребовали отдать им одну из его любимых жен. Желая соорудить ловушку попрочнее, Модэ, к ужасу военного совета, пожертвовал и своей женой. После этого тунгусы начали стягивать войска к своей западной границе и, придя к выводу, что положение Модэ непрочно, бесцеремонно потребовали уступить им нейтральную до того землю. Некоторые из советников Модэ готовы были отдать то, что они называли бесполезной территорией, но поплатились головами за свою неспособность постигнуть всю глубину политики, проводимой их владыкой. Модэ незамедлительно объявил войну. Всякий боеспособный гражданин государства, не успевший встать «под ружье», подлежал немедленному обезглавливанию. Дальновидные расчеты Модэ полностью оправдались: сочтя Модэ трусливым, тунгусы пренебрегли мерами предосторожности. Их войско было жестоко разбито в ходе одной короткой кампании, стада угнаны, а большая часть населения превращена в рабов. Жалкие остатки некогда сильного народа нашли прибежище на Монгольском плато к северо-востоку от современного Пекина, где, как мы увидим позже, постепенно превратились во внушительную силу. Здесь следует обратить внимание на феномен в истории кочевых народов, который объясняет способ формирования каждого последующего государства гуннов, тунгусов, тюрков, уйгуров, китайцев, монголов и маньчжуров и в то же время доказывает невозможность определения точного местопребывания или национальной принадлежности конкретного народа. В результате этого великого сражения многие женщины перешли к новым хозяевам. Пленные юноши стали воинами. Они находились в подчинении своих командиров, но со стороны победителя осуществлялся контроль. Старики присматривали за стадами, сменившими хозяев на несколько лет, до очередного переворота. Условия жизни раба и его хозяина были схожи, единственное различие между ними состояло в том, что один выполнял работу слуги, а другой наслаждался жизнью. Тем временем женщины, смилившиеся с переходом от одного мужчины к другому, что случалось даже и в их собственных племенах, вынуждены были забыть о возможности свободного выбора. В подобных обстоятельствах основные отличительные особенности хунну и тунгусов хотя и сохранялись, но языки их и племена смешались, обычаи взаимно ассимилировались. Могущество тунгусов исчезает. До этого китайцы мало что знали о тунгусах, да и те немногие сведения, которыми располагали, получали от хунну. По меньшей мере на протяжении двух столетий китайцы пребывали в неведении относительно этих племен. У тунгусов, насколько нам известно, не было никаких отношений с Китаем.

Модэ был одним из величайших завоевателей в мировой истории, его по справедливости можно назвать Ганнибалом Татарии. Даже от самых образованных европейцев нередко можно услышать высокопарные фразы о «владыке мира», об «установлении контроля над всеми народами земли», хотя в действительности речь шла о небольшом уголке Средиземноморья или кратковременной экспедиции в Африку, Персию или Галлию. Кир и Александр, Дарий и Ксеркс, Цезарь и Помпей – все они предпринимали чрезвычайно значимые в истории походы, но они не идут ни в какое сравнение с масштабом кампаний, проходивших в восточной части Азии. Западная цивилизация могла похвастаться достижениями в искусстве и науке, которым в Китае уделяли не столь много внимания, зато китайцы развивали историческую и

критическую литературу, искусство этикета и административную систему, которой могла бы гордиться и Европа. Одним словом, история Дальнего Востока интересна не меньше истории Запада. Нужно лишь уметь читать ее.

Устранив тунгусов, Модэ обратил свое внимание на народ юэчжи, который считал за благо отойти дальше на юг и запад. Модэ отвоевал все спорные территории, аннексированные Мэн Тянем, и отодвинул границы своего государства далеко на восток, в направлении современных Калгана и Джехола. Если учесть, что под командованием Модэ находилось войско в 300 000 солдат, можно предположить, что численность населения его государства оценивалась в то время приблизительно в такое же количество юрт. Все северные племена, жившие на берегах озера Байкал и реки Амур, находились под властью Модэ. Однако поскольку китайцы в то время ничего не знали об этих отдаленных племенах, мы лишь по обрывочным сведениям можем судить о том, что киргизы (в будущем «высокие телеги», или уйгуры), и племя орунчун (орочоны) были в числе народов, покоренных Модэ.

Хотелось бы сказать несколько слов и об административной системе хунну. Полный титул правителя звучал как «тенгри куду шаньюй», что означает «величайший сын неба». Слово «тенгри» и в тюркском, и в монгольском языках по-прежнему означает «небо», однако тюркские ученые пока не пришли к единому мнению по поводу слова «куду». Самое высокое после шаньюя положение занимали два чжуки-князя: один управлял востоком, другой западом, сам шаньюй управлял центральной частью империи кочевников. Китайцы говорят нам, что слово «чжуки» означает «мудрый», а поскольку восток и запад в китайском разговорном языке являются эквивалентом левого и правого, китайцы в переводе обходятся без татарских слов и говорят «левый и правый мудрейшие правители». Из этих двоих восточный чжуки-князь был выше по положению и обычно являлся наследником трона. Затем шли левый и правый лули-князя, левый и правый великие предводители, левый и правый великие дуои, левый и правый великие данху, а также еще несколько пар сановников. По положению левый лули-князь стоял выше правого чжуки-князя. Всего было двадцать четыре сановника, имевшие ранг «дека-хилиархов», то есть каждый из них имел право командовать десяти тысячным войском. Правый и левый чжуки-князя, а также лули-князя образовывали «четыре рога». Затем шли три другие пары, именовавшиеся «шестью рогами». Все они были родственниками шаньюя. Возможно, «белый рог» Чингисхана и Великого Могола как-то связаны с административной системой хунну. Известно, что два великих данху занимались административной работой, а каждый из двадцати четырех офицеров первого ранга наделялся участком земли – пастбищем, а также имел право назначать своих собственных военачальников, командующих тысячей, сотней и десятком воинов. Супруга шаньюя имела титул яньчжи и могла быть избрана из трех-четырех крупных кланов, которые наряду с кланом шаньюя формировали аристократию государства. Нет необходимости перечислять все второстепенные титулы, уместно будет упомянуть лишь титул цугу, который, как мы увидим позже, является связующим звеном между хунну и поздними тюрками. С наступлением каждого нового года шаньюй устраивал большое религиозное празднество в месте, которое китайцы называют Городом Дракона: очевидно, событие это было сродни монгольскому «курултаю» времен Марко Поло. В честь предков, неба, земли, духов и местных покровителей совершались жертвоприношения. Этот факт, вкуче с титулом шаньюй – «сын неба», – определенно указывает на общность религиозных идей татар и китайцев. Осенью устраивалось еще одно крупное собрание для своеобразной «переписи населения» и взимания налога с собственности и скота. Уровень преступности в государстве был чрезвычайно низок, и все имевшие место преступления рассматривались на одном или обоих великих собраниях. В это же время проводились конные скачки и состязания на верблюдах, проходившие под покровительством шаньюя. За преступление против человека самым распространенным наказанием была смертная казнь или перелом щиколотки, а за преступления против собственности, в качестве компенсации ущерба, членов семьи преступника продавали в рабство.

Каждое утро шаньюй приветствовал солнце, а вечером выполнял тот же ритуал по отношению к луне. Как и у китайцев, восточная или левая сторона были наиболее почетными. Стоит, однако, отметить, что в некоторых текстах говорится противоположное, а именно что самой почетной являлась правая сторона. В связи с этим приводит в замешательство утверждение, что шаньюй восседал, обратившись лицом к северу, в то время как нам известно, что китайские императоры сидели лицом к югу. Впрочем, с уверенностью можно утверждать, что из двух чжуки-князей левый чжуки-князь считался более почетным. Нельзя не упомянуть о суевериях, связанных с положением солнца на небе и определенными днями календаря. Во всех важных предприятиях учитывались фазы Луны. Так, прибывающая Луна считалась благоприятной для начала дел, а убывающая Луна благоволила возвращающимся домой. По-видимому, личная храбрость в бою поощрялась тем, что воин получал в собственность все захваченное им имущество и людей, становившихся его рабами. Кроме того, в качестве особой награды воину, отрубившему голову врагу, даровался кубок с крепким напитком. В текстах также встречаются сомнительные упоминания о том, что, если воин выносил с поля битвы тело своего убитого друга, в качестве награды к нему переходила вся собственность погибшего. Говорится и о том, что за гробом шла процессия, состоявшая из слуг покойного, его жен и близких друзей (скорее всего, они выполняли роль плакальщиков, а не жертв, которые должны были быть погребены вместе с умершим, хотя Гиббон упоминает подобного рода жертвоприношения, совершаемые «белыми» гуннами из Согдианы; кроме того, этот обряд не был чужд и полутатарской династии Цинь). Вместе с умершим в могилу опускались ценные предметы, но традиции носить траур не было. Место упокоения не отмечалось могильным холмом, плитой или деревом.

Теперь народ считал Модэ великим человеком, и он значительно упрочил свое положение, спасая жизнь одного из лучших военачальников новой династии Хань, который сдал свою армию хунну вместе с одним из самых крупных приграничных городов на севере Шаньси. Основатель прославленной династии Хань, сам талантливый военачальник, только что расправился со своими основными соперниками и, не успев утвердиться на китайском троне (202 г. до н. э.), лично отправился освобождать другие крупные города области, которым в то время угрожали татарские орды. Зима была морозной и снежной, и почти четверть огромного китайского войска отморозила пальцы. Модэ не преминул воспользоваться удобным случаем и прибег к излюбленной тактике хунну. Притворившись побежденным, он отступил. 320-тысячная китайская армия, большую часть которой составляла пехота, не устояла перед искушением и начала преследовать войско Модэ, направляясь на север. Китайский император достиг хорошо укрепленного форта, находившегося менее чем в двух километрах от современного города Датун в провинции Шаньси, прежде чем туда прибыла основная масса его армии, на которую Модэ выпустил свое 300-тысячное отборное войско. Он окружил императора и на семь дней отрезал ему все пути сообщения с его армией. Должно быть, это было весьма красочное зрелище, если верить текстам, которые гласят, что белые, серые, черные и гнедые кони татар собрались в четыре соединения, по одному на каждую сторону света. Подобно Аттиле в битве при Шалоне, состоявшейся шестью веками позже, Модэ все же упустил великолепную возможность из-за страха попасть в ловушку. Тем временем китайцы воспользовались его нерешительностью, чтобы вызволить императора. История не говорит нам, как именно это было сделано, но, судя по некоторым намекам, император и яньчжи вступили в подозрительные переговоры, в результате которых Модэ убедили открыть один участок осадной цепи. Император совершил удачный побег и вскоре присоединился к своей армии. На время Модэ оставил попытки завоевания новых территорий. К нему был направлен китайский посол, предложивший Модэ заключить брачный союз с женщиной знатного происхождения и посуливший ежегодные выплаты в виде кусков шелка, в том числе шелка для подбивки одежды, рисового вина и различных деликатесов. На роль посла был выбран тот, кто рекомендовал императору придерживаться этой разумной политики. Идея ее состояла в том, чтобы в будущем исполь-

зовать отпрысков китайской яньчжи в интересах империи. Однако, как мы увидим, эта опасная дипломатия оказалась обоюдоострым оружием и через пятьсот лет возымела противоположный эффект – несколько императоров хунну взошли на китайский трон как единственные законные наследники.

На протяжении правления основателя династии Хань Модэ продолжал совершать набеги, которые, впрочем, сдерживались из соображений ежегодных субсидий. В старости император Хань уподобился подкаблучнику Туманю и, околдованный чарами наложницы, чуть было не обошел законного наследника в пользу ее сына. Однако императрица, женщина по-мужски решительная, не только сумела посадить на трон своего сына, казнив при этом соперницу, но и сама, после смерти супруга, на протяжении десятилетия правила империей в качестве официально признанного монарха. Модэ, очевидно по подсказке одного из многочисленных китайских перебежчиков, находившихся у него на службе, направил вдовствующей императрице довольно непочтительное письмо с предложением руки и сердца. Это послание вызвало при императорском дворе большой переполох. Перед советниками императрицы стоял вопрос – отправить ли дерзкому Модэ голову его посла или же дать вежливый ответ. «Бравые» генералы не желали навлечь на себя гнев императрицы. Впрочем, она немного остыла, когда один осмотнительный старый государственный деятель напомнил ей, что народ на улицах до сих пор распевает песню о том, как ее покойному супругу едва удалось бежать из осажденного города. Модэ был направлен чрезвычайно дипломатичный ответ, в котором шаньюя благодарили за оказанную честь, но указывали на то, что состояние зубов и волос вдовы вряд ли внушит ему должные чувства. Кроме того, шаньюю были направлены два императорских экипажа и табун лошадей. Модэ, по всей видимости устыдившись своего поступка, отправил императрице свои извинения вместе с табуном татарских лошадей. Мир и спокойствие не нарушались до 180 года до н. э., когда на трон взошел сын наложницы – император-философ Вэньди, Марк Аврелий китайской истории. Модэ, очевидно, решил, что восшествие на престол незаконнорожденного монарха – это благоприятный момент для возобновления опустошительных набегов. Старый владык Кантона, китайский искатель приключений, правивший аннамскими племенами, придерживался того же мнения. Однако при помощи вежливой, но твердой дипломатии Вэньди сумел усмирить обоих соперников. Его письма останутся в анналах истории как образцы изощренной дипломатической игры. В одном из своих посланий императору Модэ, воспользовавшись случаем, поведал, что ему удалось объединить под своей властью всех татар – или, как их назвал Модэ, «все народы, стрелявшие из лука с лошади». Могуществу юэчжи пришел конец, а три племени, жившие близ Тарбагатая, Лобнора и Сайрамнора, наряду с двадцатью шестью другими соседними государствами были значительно ослаблены. Другими словами, Модэ владел теперь территорией, которая до 1911 года принадлежала Китайской империи и находилась за пределами Великой стены, но за исключением Тибета. Модэ добавил, что если император не желает, чтобы хунну посягали на территорию за Великой стеной, то он не должен позволять китайцам подниматься на Великую стену. Кроме того, его послы, писал Модэ, не должны содержаться в заключении, их следует немедленно отправлять назад. Разумеется, надменность Модэ пришлась не по вкусу китайцам. Спешно было созвано несколько советов, призванных решить вопрос о военных действиях. Проблему решил сам китайский император – супруга отговорила его от военного похода. Вместо этого Модэ было направлено письмо, в котором император «осведомлялся о здоровье его величества шаньюя», а также богатые дары: великолепные одеяния, застежки, шпильки для волос, превосходные ткани и многое другое. Вскоре после этого, в 173 году до н. э., Модэ скончался. Он успешно правил своей империей на протяжении 36 лет. После него на трон взошел его сын Гиуй.

Глава 3

Период борьбы за власть с Китаем

Гиюю дали прозвище «Лаошань шаньюй». Узнав о его восшествии на престол, китайский император направил к нему принцессу, в свите которой был дворцовый евнух, или личный камергер. Этот человек был настроен против татар и их образа жизни и энергично протестовал против такого унижения. Император, однако, стоял на своем. Евнух стал ворчать, что хунну является «занозой в боку Китая». Но как только он достиг двора татарского владыки, то тут же отрекся от своего подданства и вскоре стал доверенным лицом шаньюя, к которому обратился со следующей речью: «Вся твоя орда едва ли сравнится числом с населением двух китайских префектур, но секрет твоего могущества кроется в твоей абсолютной независимости от Китая. Я замечаю все более возрастающее пристрастие к китайским товарам. Подумай, ведь одной пятой китайского богатства будет достаточно, чтобы купить всех твоих людей. Шелка и атласы и вполтину не так хороши, как войлок, лучше прочего подходящий для той жизни, которую ты ведешь, а лакомства из Китая не сравнятся с сыром и кумысом». Евнух продолжал наставлять шаньюя в финансовых премудростях, а также предложил направить китайскому императору письмо, которое следовало написать на табличке на одну пядь длиннее, чем прежде, а конверт должен был поражать своими размерами. Евнух также дал шаньюю несколько советов по части титулования: «Великий шаньюй хунну, сын Неба и Земли, равный Солнцу и Луне и прочая, и прочая». Один из китайских посланников как-то осмелился критиковать татарский обычай презирать старых людей. «Когда китайская армия отправляется в поход, разве у родственников воинов не отбирают лучшее, чтобы обеспечить армию?» – спросил у него евнух. «Да». – «Что ж, – продолжал евнух, – война для татар – дело всей жизни: слабые и старые не в силах сражаться, поэтому лучшую пищу получают их защитники». – «Но отец и сын делят один шатер! – настаивал посланник. – Сын берет в жены свою мачеху, а брат женится на невестке. У хунну нет ни хороших манер, ни ритуалов». Евнух отвечал: «Обычай их в том, чтобы есть мясо и пить молоко своих стад и табунов, передвигающихся с пастбища на пастбище в зависимости от времени года. Каждый мужчина – искусный лучник, в мирные же времена он ведет жизнь простую и счастливую. Принципы управления государством просты. Отношения между правителем и его народом крепки и долговременны. Управлять государством – все равно что управлять одним человеком. И хотя сыновья берут в жены супруг братьев, делается это для того, чтобы удержать родственников в семье: обычай этот можно назвать кровосмешением, но он укрепляет клан. В Китае же сыновей и братьев нельзя уличить в кровосмешении (по крайней мере, номинально), но каков результат? Отчужденность, неприязнь, разбитые семьи. Всем правит корысть и классовая вражда, одного человека превращают в раба ради того, чтобы другой вел роскошную жизнь. Пищу и одежду можно добыть только обрабатывая землю и разводя шелковичного червя. Обнесенные высокими стенами города призваны обеспечить личную безопасность. И вот во времена тревог люди не умеют обращаться с оружием, а в мирное время каждый существует сам по себе. И не говори больше ничего, ты – ограниченный человек, раб вещей! Что пользы в мишурном блеске твоей шляпы?» Подобный стиль языка (напоминающий о стиле фаворита Аттилы, римского перебежчика, вольноотпущенника Онегезия, обратившегося к помощнику посланника Приска с речью, обличавшей пороки Римской империи) употребляется всякий раз, когда китайские посланники критикуют татар.

Евнух говорит: «Вам, посланникам, следует поменьше разглагольствовать. Лучше следите за тем, чтобы мы в срок получали причитающееся нам: шелк наилучшего качества, шелк-сырец, рис и напитки». «Разговоры излишни, если к качеству поставляемых товаров нет претензий. Если же случится обратное, мы не станем тратить время на пустые разговоры, мы совершим набег на вашу территорию». Евнух сдержал свое слово: наставляя шаньюя и пока-

зывая ему, где сосредоточены истинные интересы хунну, он действительно стал занозой в боку Китая.

Просидев на троне без малого семь лет, Лаошань шаньюй во главе 140-тысячного войска совершил набег на долину реки Цзин, текущей на юго-восток, к древней китайской столице в Южной Шэньси: его разведчики дошли почти до стен города Чжанъань, захватив бесчисленное количество людей и скота. Китайцы собрали все свои силы, чтобы изгнать захватчиков, но те, словно по мановению волшебной палочки, исчезали при приближении китайской армии. На протяжении нескольких лет Великая стена на всем ее протяжении поддерживалась в состоянии боеготовности. Наконец, стороны прибегли к дипломатическим переговорам, в ходе которых было установлено, что «вся территория к северу от Великой стены принадлежит лучникам, а территория к югу – шляпам и поясам» – или, как сказали бы римляне, «тогам».

Именно в правление Лаошаня юэчжи были окончательно изгнаны со своей древней территории, расположенной между озерами Лобнор и Кукунор. Они перешли великий Небесный хребет близ Кульджи, с боем проложив себе дорогу через территорию своих соплеменников – государство усуней, расположенное близ современных рек Кобдо и Или. Усуни также переселились из Ганьсу. Отсюда юэчжи, судя по всему, направились мимо Иссык-Куля и Ташкента к Аральскому морю. Повернув на юго-восток, они захватили государство тохаров. В течение некоторого времени их столица, как определили китайцы, находилась к северу от реки Окс (современная Амударья).

Последний из греческих правителей Бактрии, Гелиокл, умер примерно в это время, а юэчжи и парфяне, судя по всему, поделили между собой его царство. Постепенно империя Юэчжи разрослась и достигла Памира, Кашмира и Пенджаба. Забыв о кочевом образе жизни, юэчжи создали мощное государство, известное на Западе как империя хайталов, абдалов, эфталитов, или гепталитов. Европейские, персидские и китайские авторы в этом вопросе единодушны. Фактически, история государства, которым правила Маньчжурская династия, гласит, что сегодняшний Афганистан – это Ифтах V века, а Ифтах – это территория юэчжей. Их соплеменников, живших близ Кобдо, идентифицировать не так легко. Основываясь исключительно на сходстве звуков, некоторые европейские ученые называют этот народ евсениями, другие – эдонами. Китайские исследователи выдвинули версию о том, что это были русские. Эта теория абсурдна, правда лишь в том, что современная Фергана в древности была частью государства усуней. Как бы ни назывался этот народ, упоминания о нем вскоре исчезли из китайских документальных источников, и он никогда не оказывал сколько-нибудь существенного влияния на историю Китая. Этот вопрос уместно будет обсудить, когда мы перейдем к рассмотрению взаимоотношений Китая со странами, расположенными к западу от Памира. Теперь же отметим только, что именно Лаошань сокрушил могущественное государство Юэчжи и по древнему татарскому обычаю сделал из черепа их царя кубок.

В 162 году до н. э. Лаошаня на троне сменил его сын Гюньчень. Евнух и при новом шаньюе занимал пост советника, поэтому неудивительно, что набеги на Китай продолжались. После кончины императора Вэньди положение Китая осложнилось – то и дело вспыхивали междоусобные конфликты как внутри страны, так и в приграничных районах, а один из внуков основателя династии даже вероломно вступил в союз с гуннами. Однако император Цзинди поощрял пограничную торговлю, направил новому шаньюе щедрые дары и предложил взять в жены принцессу. Результатом этой примиренческой политики стало то, что за 16 лет правления Цзинди количество пограничных конфликтов сократилось, а набеги стали не столь масштабными. Это благоприятное положение дел могло бы длиться бесконечно, и два народа со временем научились бы жить в мире друг с другом, если бы не вмешались советники юного императора Уди. Вскоре после своего восшествия на престол (140 год до н. э.) он совершил вероломный поступок. А случилось это так. Пограничная торговля между двумя народами процветала, и число пунктов для перехода границы множилось. Однажды некоего китайского

торговца направили к хунну с предложением сделать одним из таких пунктов город Мачжэн, или «Лошадиный город», – место, которое всегда было одним из самых оспариваемых пограничных пунктов. Этот город находился недалеко от того места, где шестьдесятю годами ранее Модэ чуть не захватил в плен основателя династии. План состоял в том, чтобы заманить шаньюя в труднодоступное место, там избавиться от него и его армии, устроив всеобщую резню. С этой целью император поставил в засаду 300 000 воинов, поджидавших прибытия татар. Шаньюй, чья жадность при мысли о возможности разграбления столь богатого города лишь возросла, отправился в поход и перешел Великую стену со 100-тысячным войском. Он находился в 50 километрах от «Лошадиного города», когда вдруг заметил, что стада пасутся на равнине сами по себе и поблизости нет ни одного пастуха. Это вызвало у шаньюя некоторые подозрения. Он направился к ближайшей китайской сторожевой башне и захватил в плен стража, который ради спасения своей жизни рассказал о заговоре. Шаньюй не стал терять времени и поспешно отступил. Таким образом, план китайцев провалился, а разработавший его военачальник покончил жизнь самоубийством. Страж, который так своевременно оказался на пути шаньюя, был удостоен титула «принц, посланный богом» и получил высокую должность при дворе шаньюя. В результате, хотя пограничная торговля и продолжалась, поскольку это было в интересах обеих сторон, набеги на китайскую территорию участились и хунну уже не пытались скрывать свои враждебные действия. Напротив, хунну открыто объявили, что это возмездие за предательство китайцев. В течение последующих лет шла непрерывающаяся война, повлекшая за собой военные кампании с китайской стороны и ответные жестокие набеги со стороны хунну. Подробное изложение событий представляет собой довольно скучное повествование. Достаточно будет сказать, что к моменту смерти Гюньчэня в 127 году до н. э. положение дел чрезвычайно осложнилось. После Гюньчэня трон перешел к его младшему брату Ичисье, узурпировавшему власть и передавшему законного наследника – сына покойного шаньюя – в руки китайцев.

С помощью попавших к нему в руки китайских сановников шаньюй Ичисье продолжал осложнять ситуацию на границе. Крупные китайские армии одна за другой совершали вылазки на территорию кочевников, уничтожали поселения, захватывали скот и постепенно продвигали в глубь территории хунну свои форпосты. Большая часть современной провинции Ганьсу была присоединена к китайским владениям, а при захвате Ганьчжоу в руки китайцев попала «некая золотая фигура, которую татарские принцы использовали для поклонения Небу».

Некоторые китайские исследователи считают, что это была статуя Будды. Другие же полагают, что появление буддизма в Китае двумя столетиями позже было непосредственно связано с этим завоеванием. Согласно легенде, император увидел во сне золотого человека, с этого будто бы и началось распространение буддизма в Китае. Можно предположить, что сон императора был вызван вышеизложенным историческим фактом. В любом случае, благодаря этим завоеваниям Китай узнал об Афганистане, Индии и буддизме. Здесь важно помнить, что ранний буддизм проник в Китай не через Бирму или Юньнань (к тому времени китайцам о них ничего не было известно). Не был это и Тибет, который мало того что не был известен китайцам, но и не существовал в политическом смысле. Буддизм пришел через Пенджаб, Памир и основные пути на восток – Кашгарию и Джунгарию. Стоит отвлечься на некоторое время от нашего повествования, чтобы рассказать о том, как это произошло.

Когда юэцзи отступили на запад под натиском хунну, ничто больше не препятствовало объединению верховых кочевников с севера и кочевников-скотоводов с Тибета, они постоянно совершали набеги и угоняли скот с приграничной китайской территории. Для Китая жизненно важным стало «отрубить татарам правую руку» и продвинуть длинную линию своих форпостов на запад, чтобы отсечь два кочевых племени друг от друга. Приблизительно в 136 году до н. э. всемирно известный путешественник Чжан Цзян совершил свои первые открытия на Западе, поскольку нам известно, что через некоторое время после того, как правитель

Юэчжи лишился головы, этот бесстрашный искатель приключений решил добровольно взять на себя дипломатическую миссию и отправился на поиски изгнанных со своей земли народов. По пути он был схвачен и провел в заключении десять лет. Воспользовавшись тем, что народ усунь сбросил с себя оковы зависимости от хунну, Чжан Цзян совершил побег в современный Коканд, в то время это было государство, жители которого вели оседлый образ жизни и не имели ничего общего с кочевниками. Отсюда Чжан Цзян через Самарканд перебрался в страну, которая теперь известна как Афганистан, а в то время являлась местом обитания юэчжей, за ним располагались территории парфян. Чжан Цзян обнаружил, что Юэчжи правит вдова правителя, а племя тохаров с Памира – народ, подобный кокандцам, – уже платит ей дань. Чжан Цзяну не удалось склонить юэчжей к заключению союза с Китаем, он провел год среди тохаров и снова был схвачен хунну при попытке вернуться в Китай по дороге Хотан – Лобнор. После двухлетнего заключения Чжан Цзяну удалось вернуться домой. Он рассказал императору о тех местах, где ему довелось побывать, и том, что он слышал об Индии, Парфии и т. д. Китайские авторы отмечают, что в то время еще ничего не было известно о природе буддизма. Живя среди тохаров, Чжан Цзян заметил, что люди пользуются некоторыми предметами китайского производства, пришедшими через Индию. Чжан Цзян считал, что лучше всего избегать Тибетских гор, где есть риск попасть в плен к западным хунну, живущим возле озера Лобнор, и племен с озера Кукунор, а двигаться непосредственно в Индию через современную провинцию Сычуань – как до сегодняшнего дня делают путешественники. Император назначил Чжан Цзяна начальником отряда, который должен был проложить путь в Индию, однако выяснилось, что пройти через территорию современной провинции Юньнань, на которой в то время располагалось множество мелких царств, невозможно. Тогда Чжан Цзян стал проводником китайской армии. Кроме того, император из Кульджи направил его в качестве посла к усуням. Целью дипломатической миссии было убедить это племя вернуть себе свою древнюю территорию к северу от Лобнора и заключить с Китаем союз против хунну. Чжан Цзян находился с китайской армией в 121 году до н. э., когда «была отрублена правая рука», и, судя по всему, до самой своей смерти, последовавшей один-два года спустя, руководил миссиями, отправленными к кокандцам, тохарам, самаркандцам и юэчжам. Позднее посольства были направлены в Парфию, Индию и другие государства, которые сейчас назвать сложно, известно лишь, что они принадлежали к числу трансоксианских. Возможно, среди них была и Кэрия. Это привело Китай к войне с Кокандом и к стычкам с хунну за обладание современным Харашаром. Впрочем, наша цель состоит в том, чтобы показать, каким образом в то время и позднее татары служили своеобразным «проводником», по которому ранний буддизм пришел в Китай. Весной 120 года до н. э. против хунну была организована крупномасштабная экспедиция. По совету одного из перебежчиков – туркестанских беков, или *джабгу*, – нашедших приют при дворе шаньюя, хунну отступили к северу пустыни (Такла-Макан) в направлении реки Керулун. Узнав, что китайцы решили пересечь пустыню, шаньюй отправил женщин и тяжелую поклажу в безопасное и удаленное место, а сам с лучшими из своих воинов стал ожидать нападения китайцев. Он придерживался той же стратегии, что и скифы, о которых рассказывал Геродот: скифы отправили самых быстрых всадников навстречу персам в место, расположенное в трех днях пути от Дуная. Хунну ждал сокрушительный разгром, шаньюю едва удалось спастись при помощи нескольких конных воинов. Хунну был нанесен серьезный удар, на протяжении некоторого времени местонахождение шаньюя было неизвестно, и у руля государства встал его родственник – правый лули-князь. В этом случае мы можем говорить о том, что китайское войско дошло до современного Улан-Батора, который стал резиденцией главы буддистов. Кроме того, китайцы оставили документальные свидетельства своей доблести – письмена, высеченные на скале к северу от плато Ордос, близ места, отмеченного на современных картах как Кара-Нарин: как мы вскоре увидим, в конце XIX столетия близ реки Орхон русские обнаружили трехязычную каменную скрижаль, рассказывающую о событиях

из тюркской истории семь или восемь столетий спустя. После этой крупной военной кампании хунну утратили власть над территорией к югу от пустыни. Район Алашань к западу от Желтой реки был включен в состав Китайской империи. Полмиллиона поселенцев-земледельцев были отправлены к западным границам, чтобы удерживать завоеванные земли. За год народ хунну потерял 90 000 человек, но и Китай понес существенные потери – около 25 000 человек и 100 000 лошадей. По совету бека-перебежчика (который в прошлом занимал пост в Китае) шаньюй запросил мира, и перед имперским советом встала трудная задача: упрочить ли свое положение, полностью разгромив и покорив врага, или же рассмотреть его мирные предложения. Наконец советники сочли, что прежний курс был наиболее верным, и направили к хунну посла с требованием покориться. Шаньюй был так разгневан этим предложением, что заключил в тюрьму не только этого посла, но и ряд других посланников, прибывших ранее. Число заключенных соответствовало числу татарских сановников, которые после поражения хунну решили остаться в Китае. Китайцы стали готовить очередную крупномасштабную военную кампанию, но тут скончался величайший полководец Китая и экспедиция была сорвана. Три года спустя умер Ичисье, в 114 году до н. э. на трон взошел его сын Увэй.

Как раз в это время китайский император готовился совершить поездку по своей империи. Кроме того, он был поглощен присоединением к Китаю двух государств, которые теперь входят в состав Китая под названиями Кантон и Фучжоу. По этим причинам он не уделял достаточно внимания северным соседям. Три года спустя, когда два этих прибрежных южных государства покорились империи, император выступил в поход, дошел до Алашаньского хребта и произвел смотр 150-тысячной кавалерии. Войско должно было придать вес дипломатическим переговорам, которые намеревался инициировать император. Подобно тому как впоследствии римские послы, направленные к Аттиле, а также Рубрук на пути в Каракорум, китайский посол, отправленный для ведения переговоров, отказался обсуждать с мелкими чиновниками цель своей миссии, потребовав присутствия самого шаньюя, – переговоры должны были проходить близ Улан-Батора или Каракорума. Здесь посол принялся восхвалять доблесть китайских войск, одержавших убедительную победу на юге, и призвал татарского монарха выступить в поход и сразиться с китайским императором, поджидавшим его на границе. В ответ шаньюй заключил посла под стражу и велел обезглавить придворного, сообщившего о прибытии китайского посланника. Позднее китайского посла направили на унижительные работы в окрестностях озера Байкал. Шаньюй не рискнул отправиться на юг через пустыню: вместо этого он предпочел дать отдых войску и лошадям и подождать более благоприятного момента. Тем временем он направил искушенных в дипломатии придворных к китайскому императору, чтобы потянуть время. Китайцы, со своей стороны, также отправили в Татарию своих шпионов под личиной дипломатов, они должны были сообщать об обстановке в Татарии. Этим послам позволено было войти в шатер шаньюя только после того, как они, согласно местному этикету, зачернили лица и оставили у входа свои посольские жезлы. (Здесь прослеживается аналогия с процедурой «очищения огнем», через которую пришлось пройти Зимарху, послу Юстиниана II, прежде чем ему позволили войти в шатер тюркского кагана Истеми-хана, или Дизавула.) Между тем энергичный император Уди отправился с завоевательным походом на Корею, и внимание его всецело было поглощено этими интригами, которые в конце концов привели к упомянутой выше войне с Кокандом. Теперь китайские форпосты располагались уже близ современного хребта Тарбагатай (который принадлежал хунну), а также вдоль северных и южных дорог в Кашгар и Ярканд. Китайцы направили в Татарию еще одного посла – он должен был выяснить, намерен ли шаньюй выполнить свое обещание и официально объявить себя вассалом. Этот посол, однако, вынужден был проводить переговоры рядом с шатром шаньюя из-за несоблюдения предписанного этикета. Шаньюй готов был принять дары – процесс, шелк и прочее, но не согласился отправить к китайскому императору заложников в качестве гарантии соблюдения мирного договора. Подобно Аттиле в Европе, шаньюй заявил, что

желает вести переговоры лишь с посланниками самого высокого ранга. Он также заявил, что собирается придерживаться политики возмездия за нанесенные оскорбления: короче говоря, «do ut des»² и «око за око» – это были единственные условия, на которых шаньюй соглашался строить отношения. В то же время он щедро расточал ничего не стоящие ему любезности и выражал горячее желание встретиться с императором лицом к лицу и заключить с ним союз. Однако вместе с этим он на всякий случай удерживал при себе китайских послов, которые до некоторой степени гарантировали его личную безопасность, а также совершал набеги на китайскую границу всякий раз, когда представлялась благоприятная возможность.

² «Даю, чтобы и ты мне дал» – формула римского права, устанавливающая отношения между двумя лицами: «Я даю тебе при том условии, что и ты мне дашь» (*лат.*).

Глава 4

Период поражений и упадка

После десятилетнего правления, в 105 году до н. э., умер шаньюй Увэй, к власти пришел его сын Ушилу по прозвищу «юный шаньюй» – довольно кровожадный юноша. По всей видимости, именно в это время хунну утратили власть над тунгусской частью своих владений и сосредоточили свое внимание на двух основных территориях – восточной, доходящей до китайской границы в современном Датуне (провинция Шаньси), и западной, смыкавшейся с Китаем на стыке важнейших путей к востоку от Лобнора. Таким образом, дороги из Харашара и Хотана в Кашгар контролировались китайцами, а хунну пользовались дорогами вдоль Каракорума и Кобдо. В правление «юного шаньюя» разгорелась уже упомянутая война с Кокандом. Однако разразившаяся снежная буря, уничтожившая большую часть поголовья скота хунну, помешала им нанести Китаю сколько-нибудь серьезный урон. Пограничная война не стихала. Китайские войска с боем проложили себе дорогу к рекам Тола и Орхон, а кочевники не сумели оказать достойный отпор китайским форпостам к северу от излучины Желтой реки и плато Ордос. Спустя три года Ушилу умер. Поскольку сын его был еще слишком мал, чтобы управлять государством, на трон взошел его дядя Гюйлиху, брат Увэя. Китайцы стремились сохранить линию форпостов к северу от реки Керулон, поэтому на всем протяжении этой линии то и дело происходили вооруженные стычки, которые, впрочем, не принесли хунну удовлетворительных результатов. Гюйлиху решил атаковать победоносную китайскую армию в тот момент, когда она будет возвращаться домой после блестящей победы в Коканде. Но благоприятная возможность так и не представилась. Гюйлиху заболел и в следующем году (101 год до н. э.) умер. На смену ему пришел младший брат Цзюйдихэу. Успешные военные действия в Коканде настолько укрепили престиж Китая, что император стал подумывать о том, чтобы раз и навсегда сокрушить государство хунну. С другой стороны, хунну, сознавая шаткость своего положения, изменили характер общения с Китаем, их политика стала более миролюбивой. Шаньюй готов был довольствоваться второстепенным политическим статусом «сына» или «зятя» императора, а китайские послы, наотрез отказавшиеся принять татарское подданство или поступить на службу к шаньюю, были отосланы в Китай. Для переговоров к шаньюю был направлен прославленный Су У, однако, несмотря на преподнесенные ему богатые дары, татарский монарх вел себя надменно. Су У, чье имя служило для послов синонимом верности, был заключен под стражу и отправлен в окрестности озера Байкал, чтобы присматривать там за многочисленными стадами. Однако политическая добродетель не защитила Су У от чар татарских девиц – он возвратился в Китай с женой и целым выводком детей.

(В скобках отмечу, что две тысячи лет спустя маньчжурский император официально объявил, что китайский посол, содержащийся в заключении у правителя Бирмы, превосходит добродетелями даже Су У, поскольку провел все время заключения в монастыре, отказавшись взять в жены бирманку. С другой стороны, позднее несчастный Чжунхоу подвергся насмешкам со стороны государственного деятеля Чжан Цзидуна. Чжунхоу называли полной противоположностью Су У, потому что Чжунхоу попал под влияние русских и предал интересы своего повелителя в Кульдже.)

За время правления Цзюйдихэу между двумя народами произошло несколько вооруженных конфликтов, главным образом в регионе известном как «Уста Пустыни», чуть севернее излучины Желтой реки и к западу от страны Тендук Марко Поло. Это современный Кукухото или Гуйхуачэн.

Хунну сочли благоразумным отступить в долины рек Тола и Орхон, и преимущество осталось всецело в руках китайцев. Цзюйдихэу правил всего пять лет, в 96 году до н. э. его сменил сын Хулугу. Хулугу не только был левым чжуки-князем, а значит, предполагаемым

преемником – отец сам назначил сына престолонаследником. Хулугу не было при дворе, когда отец скончался, и трон перешел к другому принцу, во многом против его воли. В ходе дипломатических переговоров между двумя наследниками решено было, что сейчас трон займет Хулугу, но преемником его станет сын принца, добровольно отрекшегося от трона в пользу Хулугу. Вскоре после этого несостоявшийся наследник умер, и шаньюй вместо того, чтобы в соответствии с договоренностью назначить его сына левым чжуки-князем, отдал этот пост своему собственному сыну, даровав сыну покойного не столь значимый титул. Как мы увидим впоследствии, этот вероломный поступок привел к серьезной гражданской войне. На седьмом году правления Хулугу возобновились набеги на китайские территории, некоторые выдающиеся военачальники сумели достичь современных Каракорума и Баркуля. Хотя сейчас довольно сложно идентифицировать эти места, их можно отождествить с древними поселениями, которые тысячелетие спустя находились под властью тюрков и уйгуров. Для стоянок кочевники выбирали оазисы или орошаемые долины. В то время, о котором мы говорим, все существовавшие дороги на запад за исключением двух были, несомненно, известны китайцам. Двумя дорогами, о которых они вряд ли что-то знали, были: северная дорога от Улан-Батора и Каракорума в Кульджу и дорога из Шаньси, пересекавшая пустыню в северо-западном направлении. По двум этим дорогам в XIII веке двигались монгольские армии. Ими пользовались и посольства, направлявшиеся из Китая к Чингисхану в Персию или в более позднее время из Европы к другим ханам в Каракорум. Следовательно, нам больше известно, по крайней мере не из китайских источников, о дорогах, которыми китайцы две тысячи лет назад не пользовались, чем о тех, которыми они пользовались на протяжении двух тысяч лет. Забытая ныне дорога из Этцины в Каракорум использовалась, вероятно, для передвижения китайских армий. В ходе кампаний 90 года до н. э. китайцы на время захватили Караходжо и Пиджан – в то время столицы двух мелких государств, населенных земледельческими и скотоводческими племенами. Фактически, мы видим целую цепочку городов от Харашара до Кашгара и от Кашгара до Хотана, управляемых сартами – земледельцами персидского происхождения. Возможно, в этнологическом плане они и сейчас похожи на своих предков. В своей последней военной кампании китайцы опять вышли победителями, и хунну были оттеснены далеко на север. В то время китайцы славились тем, что казнили военачальников и послов, потерпевших неудачи на поле битвы или не преуспевших в дипломатии. Следствием этой политики стало то, что некоторые из способных китайских полководцев и неудачливые дипломаты переходили к врагу, спасая свои жизни. Впоследствии некоторые тюркские или киргизские племена, а также правящие семьи выяснили, что ведут свое происхождение от того или иного китайского военачальника-перебежчика. В 98 году до н. э. историк Цзянь был оскотлен императором за то, что осмелился вступить за одного из военачальников. Блестящий китайский полководец, один из тех, кто покорил Коканд, узнал о том, что его жена и дети заключены под стражу. Ему советовали бежать к хунну, но предательство было чуждо генералу. После некоторых колебаний он разработал военную операцию, решив доказать свою доблесть на поле боя. Из-за предательства его собственных подчиненных, не желавших подвергать свою жизнь излишнему риску, генерал потерпел сокрушительное поражение и попал в руки врага: здесь ему оказали хороший прием, и вместе с остальными перебежчиками генерал стал одним из главных советников шаньюя, который отправил посла в Китай со следующим письмом: «Юг – великий дом Хана, север – владения могущественных татар. Татары – дети Природы, церемонии не для них. Я предлагаю расширить торговлю с Китаем, желаю взять в жены китайскую принцессу, а также ежегодно получать 10 000 бочонков крепких напитков, 10 000 отрезков шелка, а также все, что было обещано в прошлых соглашениях: если это будет сделано, мы не будем совершать набеги на китайскую границу». Китайский посол, прибывший к шаньюю для переговоров, стал объектом насмешек. Татары отпускали язвительные замечания по поводу китайского наследника престола и его взаимоотношений с отцом. В ответ посол сравнил татар– кровосме-

сителей (особенно прежнего шаньюя Модэ) с дикими зверями. Посла заключили в тюрьму, ему удалось сбежать только через три года. Мать шаньюя слегла. Шаньюй, как и его потомок Аттила, обратился к гаруспикам. Два китайских перебежчика интриговали друг против друга в расчете на милость шаньюя. Это закончилось тем, что покоритель Коканда был принесен в жертву богам. Но боги этим не удовлетворились: на протяжении нескольких месяцев шел сильный снегопад, скот погибал, люди страдали от эпидемий, урожай пропал. Вдобавок ко всему хунну терпели поражения на полях сражений, погибли лучшие полководцы, и хунну были столь обескуражены этими напастями, что в течение нескольких лет вели себя тихо. Тем временем умер император Уди, к концу жизни горько сожалевший о своих суевериях, заставивших его погубить своего сына и наследника, и о своих амбициях завоевателя, повлекших за собой человеческие жертвы. Через три года, в 83 году до н. э., умер Хулугу. Татары видели на троне младшего брата шаньюя, человека с сильным характером, однако вдова Хулугу, желавшая отдать власть своему сыну, приказала убить брата Хулугу. Вся эта история сейчас кажется запутанной. По всей видимости, сын другой яньчжи, известной под именем Чжуанькюй, при помощи китайских перебежчиков сумел посадить на трон ее сына, шаньюя Хуаньди. Сын и братья Хулугу отказались присутствовать на церемонии в Городе Дракона. Неясно, был ли Хуаньди сыном, братом или кузеном Хулугу, с уверенностью можно сказать лишь, что новый шаньюй был очень молод и, по всей вероятности, находился под сильным влиянием матери и ее любовника – китайского советника. Тем временем набеги на китайские территории возобновились. Китайский советник пытался убедить хунну, что правильнее было бы построить укрепленные посты и обеспечить их оружием и припасами. Другие же указывали на то, что татары не сильны в обороне и, таким образом, эти форпосты рано или поздно будут захвачены китайской армией. Китаец посоветовал также отпустить всех китайских послов, и среди них Су У с его большим семейством. Упрямые татары продолжали совершать набеги, невзирая на то что тем самым лишь усугубляют свое положение. Они не желали прислушиваться к советам перебежчика, выступавшего за более миролюбивую политику. Младший брат шаньюя поддерживал китайского советника и, используя все свое влияние, призывал держаться в рамках закона. Вскоре китайский советник умер, за ним последовал и младший брат шаньюя, и на протяжении нескольких лет процветала политика насилия и грабежей. Тунгусский народ, известный в китайской истории под названием «ухуань», находился в состоянии войны с хунну. От пленных китайцы узнали, что тунгусской армии удалось осквернить могилы шаньюев. Поскольку ухуани создавали и Китаю немало проблем на востоке, китайцы решили посорить два народа, чтобы впоследствии напасть на слабейшего. Ухуани потерпели поражение в сражении с хунну, и китайцы избрали их своей целью. Опасаясь за свою безопасность, хунну попытались заключить союз против Китая с кочевниками Кульджи и владыкой Уша. Хунну хотели заполучить китайскую принцессу, выданную за владыку Кульджи. Тот, в свою очередь, отправил в Китай послание с криком о помощи, и вот стотысячное китайское войско получило приказ выдвигаться за пределы Великой стены почти на тысячу километров. Правитель Кульджи вместе со своими беками и немногочисленным войском должен был поддержать китайскую армию. Китайцам удалось дойти до окрестностей Хамила и Баркула, но результаты были удручающими. Хунну, получившие известие о приближении неприятельского войска, поспешно переправили свои семьи и скот на север. В связи с этим несколько китайских генералов лишились головы или вынуждены были совершить самоубийство. Один-два более удачливых перешли на сторону врага, который, в свою очередь, потерял 40 000 воинов и 700 000 голов скота. Китайцы захватили в плен дядю шаньюя, его невестку и нескольких высокопоставленных сановников. Шаньюй пытался излить свой гнев на кочевников Кульджи, но ему помешал снег – выжила лишь одна десятая его армии. Вдобавок ко всему северные племена: теленгуты, киргизы или уйгуры – напали на хунну с севера, а ухуани – с востока, в результате чего политическое могущество хунну было окончательно сломлено. Одна треть населения и половина всего поголо-

вья скота погибли от голода. Покоренные хунну народы вышли из вассальной зависимости и обратили оружие против своих прежних владык. Китайцы не преминули воспользоваться благоприятной возможностью и тоже нанесли удар. Вот так и случилось, что, когда в 68 году до н. э. умер Хуаньди, хунну находились в состоянии крайнего упадка. После Хуаньди на трон вззошел его младший брат, левый чжуки-князь, Хюйлюй-Цюанькюй. По всей видимости, в этот период у хунну еще хватало сил удерживать Караходжо. Новый шаньюй сместил яньчжи Чжуанькюй, к вящему огорчению ее отца, и отдал роль первой супруги в своем гареме другой женщине. Поскольку ослабленные различными перипетиями хунну были не в состоянии совершать набеги на китайские территории, китайцы решили, что настало время для экономии, и убрали гарнизоны, располагавшиеся вдоль северного берега Желтой реки. Миролюбиво настроенный шаньюй воспринял это известие с радостью, он тут же созвал на совет своих придворных с целью выработки мирной политики сосуществования с Китаем. Однако советники шаньюя были настроены не так мирно. Разгорелась борьба за обладание Караходжо, население которого склонялось к союзу с Китаем и потому было выслано на запад. Хунну пытались выдворить китайских поселенцев и оказать давление на Кульджу и Кашгар. Ургендж, самое западное из владений хунну, тоже был втянут в войну, окончившуюся неудачей. Прежде чем шаньюй успел изменить стратегию, он был взят в плен и казнен. Экс-яньчжи, ревнивая Чжуанькюй, и ее брат не стали терять времени и, не дожидаясь созыва совета, или *курултая*, возвели на трон нового шаньюя Уянь-Гюйди. Неясно, кто был его отцом, известно лишь, что он был правнуком Увзя, а отец занимал пост правого чжуки-князя. Новый монарх незамедлительно предпринял попытку установить дружественные отношения с Китаем. К несчастью для своего народа, это был человек чрезвычайно жестокий, проложивший себе путь наверх по трупам. Он находился под сильным влиянием Чжуанькюй и ее брата. Законный наследник трона, Хуханье, сын Хюйлюй-Цюанькюя, нашел приют у отца своей жены, владыки крошечного государства, затерявшегося где-то между Самаркандом и Кульджей. Этот правитель в свое время попросил защиты у хунну, желая избежать тирании соседнего Самарканда.

Постепенно недовольство народа росло и вспыхнула гражданская война, ненависть к тирану на троне достигла своего апогея. Тунгусы воспользовались возможностью, чтобы напасть на восточные владения хунну, и злосчастный шаньюй Уянь-Гюйди в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Это случилось в 58 году до н. э. Новым шаньюем был провозглашен Хуханье. Перед шаньюем Хуханье стояла трудная задача, ибо ряд недовольных высокородных персон затеяли интриги, создали заговоры, и вскоре территории хунну от Иссык-Куля до Маньчжурии стали ареной междоусобной борьбы. За власть боролись не менее пяти шаньюев, самым значительным из которых был старший брат шаньюя Хуханье, левый чжуки-князь Чжичжи. Нелегко распутывать паутину интриг, сплетенную соперниками. Впрочем, вскоре многие татарские сановники пришли к выводу, что безопаснее всего было бы сдаться на милость Китая. Сам Хуханье-шаньюй, потерпев сокрушительное поражение от своего старшего брата где-то в районе Каракорума, пришел к заключению, что союз с Китаем – это лучшее, что он может сделать. Он созвал совет, чтобы обсудить этот вопрос. Почти все члены совета одобрили предложение шаньюя. Любопытно узнать, какие аргументы они при этом выдвинули. Они говорили так: «Наш удел – грубая сила и действие, постыдное рабство не для нас. Борьба – вот основа нашей политической мощи, только сражаясь мы можем утвердить свое превосходство над варварскими народами. Каждый воин хунну мечтает только об одном – умереть на поле брани. Пусть сейчас наше государство страдает от междоусобиц, если падет один брат, одержит победу другой, и государство останется в руках одной семьи, а те, кому не повезет, по крайней мере, примут достойную смерть. Пусть Китайская империя сильна, но она не в силах покорить нас. Зачем отказываться от дороги, завещанной предками, платить дань китайцам, осквернять память наших владык и делать из себя посмешище в глазах других народов? И пусть это единственный способ добиться мира, он навеки похоронит наше стремление к господству». Один

из советников, выступавших за союз с Китаем, ответил так: «Неправда. У всех народов бывают удачи и падения. Китай сейчас в расцвете силы. Кульджа надежно защищена, прочие государства заключили союз с Китаем. Со времени правления Цзюйдихэу мы теряем свои земли и не в силах вернуть их. Мы разбиты. Лучше усмирить гордыню и склонить голову, чем сражаться вечно. Если мы будем платить Китаю дань, сохраним себе жизнь. Если нет, народ наш исчезнет с лица земли». Должно быть, шаньюй обладал абсолютной властью, поскольку, несмотря на сильное сопротивление своих приближенных, он решил отправить к китайскому двору одного из своих сыновей в качестве заложника. Его соперник и старший брат Чжичжи сделал то же самое. На следующий год Хуханье-шаньюй явился к Великой стене в районе современной провинции Шаньси и заявил о своем желании прибыть ко двору китайского императора лично. Китайцы выслали для него блестящий эскорт, а император тепло принял его. Владыке хунну было оказано предпочтение перед прочими – ему позволили предстать перед императором без унижительных церемоний и разрешили называть себя просто «ваш вассал» без прибавления собственного имени, как того требовал китайский этикет. Император преподнес шаньюю ценные дары, включая золотую печать с алой лентой, меч и колесницу, одежды, лошадей, седла и прочее. После аудиенции у императора шаньюй проводили в его покои, а свите разрешили наблюдать великолепный спектакль – возвращение императора во дворец. Через месяц шаньюй отправился восвояси. Эти важнейшие события, которые подвели черту под периодом независимости хунну, произошли в 51 году до н. э. при императоре Сюаньди.

Глава 5

Период полунезависимости

Хуханье-шаньюй предложил перенести свою ставку на плато Ордос, к Великой стене, чтобы служить в некотором роде гарантией для сдавшихся городов в минуты опасности. Такое название, использовавшееся на всем протяжении тюркской истории, было дано цепочке укрепленных форпостов, протянувшейся от современного Гуйхуачэна в Шаньси (у Марко Поло – Тендук) до северо-западного угла великой излучины реки. Эти форпосты должны были помещать кочевникам пересечь Желтую реку. Как уже упоминалось выше, многие китайские гарнизоны не так давно в целях экономии были распущены. Эскорт из 16 000 человек проводил шаньюя за Великую стену. Это войско должно было помочь ему наказать непокорных и утвердиться на троне. Около тысячи тонн зерна и других припасов было отправлено к границам в повозках, чтобы новое поселение ни в чем не нуждалось.

Соперник шаньюя, Чжичжи, решил, что тоже может извлечь пользу из хороших отношений с Китаем, и направил туда своего посла, которого приняли чрезвычайно радушно. Незадолго до этого, пользуясь шатким положением своего брата, Чжичжи тоже объявил себя шаньюем и обрел много сторонников. В следующем году оба шаньюя отправили в Китай своих послов, и представитель Хуханье– шаньюя встретил более радужный прием. Еще через год (в 49 году до н. э.) Хуханье-шаньюй снова прибыл к китайскому двору, был тепло принят и получил даже больше даров, чем в свой первый визит к императору. Однако поскольку на этот раз он остановился в своем лагере, на обратном пути кавалерия его не сопровождала. Чжичжи–шаньюй, сжигаемый завистью, внимательно следил за всеми действиями своего соперника и пришел к выводу, что Хуханье считает свое положение нестабильным, раз решил заключить униженный союз с Китаем, и что он не собирается возвращаться на запад. Чжичжи со своей армией направился к Джунгарии и после нескольких сражений с соперниками обосновался на западной земле, совершая в то же время набеги на кочевников Кульджи. Правитель этих земель оказал послу Чжичжи весьма холодный прием, приказал обезглавить его и объявил войну Чжичжи, думая таким образом угодить Китаю. Однако Чжичжи нанес ему поражение, покорил современный Тарбагатай на севере и, продолжая свой поход на запад, одержал победу над киргизами и другим народом, родственным татарам, – сейчас идентифицировать его не представляется возможным, поскольку он распадался на восточную и западную ветви. За неимением лучшего будем называть этот народ «канкали» (что означает «повозки»). Любопытно узнать, что «штаб– квартира» киргизов находилась в 3700 километрах к западу от резиденции шаньюя (видимо, Улан-Батор или Каракорум) и в 3218 километрах к северу от сегодняшних Турфана и Пиджана, так что район их пребывания остался таким, каким был две тысячи лет назад. В 48 году до н. э. на трон взошел новый император. Первое, что он сделал, – ответил на просьбу Хуханье-шаньюя, послав ему 20 000 мер зерна для его страдающего от голода народа. Чжичжи выразил свое недовольство действиями императора, отозвав своего сына, жившего при китайском дворе в качестве заложника. Он не погнушался убить посла, который доставил мальчика домой целым и невредимым. Китай обвинил в этом подлом поступке Хуханье-шаньюя, но шума поднимать не стал. Сына Хуханье-шаньюя также отправили к отцу под эскортом двух послов. Эти послы смотрели в оба и очень удивились, увидев, что народ Хуханье-шаньюя процветает и по силе не уступает народу Чжичжи-шаньюя. Опасаясь, что Хуханье-шаньюй может принять предложение своих приближенных и двинуться на север, в старую резиденцию близ Каракорума, послы взяли на себя смелость заключить с ним следующий договор: «Мир между Китаем и хунну заключен на века, оба народа должны жить как одна семья. Ни одна из сторон не должна обманывать или нападать на другую. Если одна сторона подвергнется грабежу, она должна уведомить другую, дабы та могла наказать обидчика и выплатить компенсацию. Ни

одна из сторон не должна совершать набеги. Кто бы первым ни нарушил договор, пусть Небо поступит с ним и его наследниками так, как он поступил с договором!» Утверждение договора прошло следующим образом: шаньюй и китайские послы поднялись на холм, где в жертву была принесена белая лошадь. Шаньюй держал в руках украшенный драгоценными камнями меч или кинжал. Смешав кровь и золото в кубке, сделанном из черепа правителя хайталов (очевидно, сохраненном Кайюком в качестве семейной ценности), он вместе с послами выпил эту смесь.

Все это очень примечательно, поскольку здесь можно провести аналогии со скифами Геродота, а также гуннами и монголами. Геродот упоминает черепа, покрытые кожей и украшенные золотом, которые использовались в качестве кубков. Он также рассказывает о том, как скреплялись клятвы: в чашу наливалось вино, смешанное с кровью тех, кто приносил клятву, затем в чашу окунали ятаган. По словам Геродота, массагеты Каспия (скифский народ, ошибочно отождествляемый некоторыми авторами с хайталами Окса, появившимися пятью столетиями позже) приносили в жертву солнцу лошадь. В китайских источниках часто встречается упоминание о том, как тунгусские правители Китая в V веке до н. э. приносили в жертву белых лошадей. Гиббон рассказывает, что Чингисхан использовал в качестве кубка инкрустированный серебром череп хана керей (кереитов), а свой первый военный союз скрепил принесением в жертву лошади. В качестве кубка использовали череп римского императора Никифора, инкрустированный золотом, и болгары. То же справедливо в отношении короля гепидов Кунимунда.

На возвратившихся домой послов обрушился град оскорблений, и, подобно злосчастному Чунхоу, вернувшемуся в 1879 году из России, они были немедленно обвинены в государственной измене. Связав будущее Китая с кочевником-варваром и заключив с ним договор, послы превысили полномочия, опорочили честь и престиж Китая. Предложили направить к шаньюю других послов с тем, чтобы они заставили его разорвать договор с соблюдением всех церемоний. Император, однако, предпочел отложить решение этого вопроса. Хуханье-шаньюй двинулся на север и образовал там могущественный доминион.

Тем временем Чжичжи не давало покоя совершенное им убийство. Вскоре он принял решение двигаться дальше на запад. Именно в этот период правитель Самарканда страдал от тирании кочевников Кульджи. Он созвал своих беков на совет, и они пришли к выводу, что самым разумным будет помочь Чжичжи в разрешении его проблем и дать ему возможность восстановить былой сюзеренитет хунну над Кульджей – при этом Кульджа должна была служить «буферным» государством. Самаркандцы отправили послов к Чжичжи, который в то время находился в своей киргизской провинции. В результате переговоров самаркандцы отправили на помощь Чжичжи несколько тысяч верблюдов, ослов и лошадей. Чжичжи немедленно двинулся на запад. Однако мороз был таким жестоким, что почти все войско погибло, и лишь жалкие его остатки сумели добраться до Самарканда. По пятам Чжичжи преследовало войско, направленное китайским правителем западных территорий. В то время его резиденция находилась между рекой Кайду и городом Кучи, как отмечено на современных картах, то есть близ города Янгисар. В 36 году до н. э. Чжичжи казнили. Известие об этом привело Хуханье-шаньюя в такой ужас, что он тут же поспешил заверить Китай в своей абсолютной преданности. Лишь страх перед воинственным братом, заявил Хуханье-шаньюй, помешал ему лично поздравить императора Юаньди. В 33 году до н. э. Хуханье-шаньюй прибыл к императорскому двору и был принят с теми же церемониями, что и во второй свой визит в 49 году до н. э. Хуханье-шаньюй высказал пожелание взять в жены китайянку, и одна из красивейших императорских наложниц, которая из-за интриг при дворе никогда не делила с императором постель, отважно согласилась стать супругой татарского монарха. Император, который прежде никогда не видел девушку, был покорен ее красотой и с радостью оставил бы ее при дворе, но она очаровала и шаньюя, поэтому император не решился нарушить слово. Она отправилась в

Татарию, где стала впоследствии важной политической фигурой. Пребывавший в полном восторге шаньюй тут же пообещал, что возьмет на себя защиту границы к западу от Шэньси до Лобнора – фактически, это была главная дорога на запад. Шаньюй торжественно поклялся, что и его потомки будут нести эту обязанность, и предложил распустить китайские гарнизоны. Императорский совет почти единодушно проголосовал за принятие этого предложения. Против этой губительной для Китая политики выступил только один старый, умудренный опытом советник. Он сказал: «Покрытые лесами горы, простирающиеся от Шэньси до Кореи, некогда служили бастионом завоевателю Модэ. Здесь он и его преемники находили дичь и материал для изготовления оружия, отсюда он совершал набеги на Китай. Уничтожил это осиное гнездо лишь император Уди, заставивший хунну отступить на север пустыни и укрепивший Великую стену на всем ее протяжении. Нрав кочевников таков, что они не преминут воспользоваться нашей слабостью, стоит нам только распустить гарнизоны, поскольку они боятся нас, только когда мы показываем зубы. Даже цивилизованному Китаю нужны карательные законы, способные обеспечить соблюдение правил. Как можно быть уверенным в том, что татары станут соблюдать законы, если не будет силы, способной принудить их к этому? Пограничные форпосты точно так же нужны для того, чтобы не выпускать китайских перебежчиков из Татарии, как и для того, чтобы держать татар за границами Китая. Я уже не говорю о том, что большая часть нашего населения, живущего на приграничных территориях, – это татары в процессе ассимиляции. Не так давно мы установили отношения с тибетцами, которые, как это ни печально, затаили на нас зло. Причиной тому непомерная жадность наших чиновников. Союз тибетцев с татарами грозит Китаю большой бедой. Свободная жизнь кочевников может ввести в искушение китайцев, уставших от своих пограничных обязанностей». Далее советник сделал несколько замечаний, доказывающих, что император Уди сделал для завершения строительства Великой стены не меньше, чем упомянутый выше Мэн Тянь: «Прошло больше ста лет с того дня, как была завершена постройка Великой стены. Это не простой крепостной вал. Великая стена повторяет форму ландшафта – забирается на холмы, спускается в долины. В ней полно тайных ходов, она оцетинилась сторожевыми башнями. Разве для того трудились наши предки, чтобы мы сейчас позволили Великой стене рухнуть? Если нам когда-нибудь придется восстанавливать ее, откуда мы возьмем людей и средства? Кроме того, чем больше мы тратим на нашу оборону, тем меньше зависим от шаньюя, чьи аппетиты растут не по дням, а по часам. Трудно сказать, что он сделает, если мы в один прекрасный день не сможем удовлетворить его желание». У императора хватило здравого смысла последовать совету: «Оставим предложение без внимания. Затем необходимо составить дипломатическое письмо, но так, чтобы не обидеть шаньюя». Письмо гласило: «В ответ на предложение шаньюя взять на себя охрану китайской границы и распустить китайские гарнизоны Китай сообщает, что глубоко тронут великодушием шаньюя и учтивостью, с которой было высказано предложение. Однако Китай имеет границы не только на севере, но по всему периметру государства, и пограничные посты призваны не только отражать атаки извне, но также и предупреждать посягательства китайских нарушителей закона на территории сопредельных государств. Китай глубоко ценит дружеские намерения, побудившие шаньюя сделать упомянутое предложение, и заверяет, что ни в коей мере не сомневается в их искренности, однако вынужден отклонить предложение и направляет к шаньюю высокопоставленного посла с этим письмом». Вскоре после этого шаньюй выразил свою благодарность: «Простой человек, каковым я являюсь, возможно, не в состоянии постичь все премудрости политики, в то же время я рад был услышать похвалы в свой адрес из уст императорского посла». Из этой переписки становится ясно, что истинные дипломаты жили не только в Греции и Риме и что в искусстве составления дипломатических документов китайцы превосходили египтян и вавилонян.

Хунну, выступавшие за «политику нападения», так никогда и не простили советника, поддержавшего предложенную шаньюем «трусливую политику», более того, упомяну-

того советника обвинили в злоупотреблении должностными полномочиями. Приближенные искусно возбудили у шаньюя подозрительность, и советник, опасаясь за свою жизнь, вынужден был бежать в Китай с тысячей своих сторонников. Когда в следующий раз шаньюй прибыл к императорскому двору, он обратился к своему бывшему советнику, ставшему китайским вельможей: «Лишь благодаря твоим советам, господин, я сейчас живу в мире с Китаем. Только я виноват в том, что ты покинул нас, и теперь я хотел просить императора отпустить тебя, чтобы ты смог уехать со мной». Советник ответил: «Шаньюй! Лишь по воле Неба и благодаря своему вдохновению ты пребываешь ныне под защитой императора. Я же теперь – китайский подданный, и, вернувшись с тобой, я бы нарушил свой долг. Однако, если ты пожелаешь, я готов принять пост постоянного представителя хунну при китайском дворе». И хотя шаньюй предпринял попытку вернуть посланника, она оказалась безрезультатной.

Тем временем китайская супруга шаньюя произвела на свет сына и получила титул яньчжи. Судя по всему, у хунну не существовало понятия, принятого в Китае, согласно которому только первая официальная супруга (*конфарреация*) имела право носить исключительный титул, при этом происхождение ее значения не имело. Хуханье умер в 31 году до н. э., процарствовав 28 лет. Сначала он взял в жены двух дочерей старшего брата советника, пребывавшего в Китае. Одна из дочерей, старшая сестра по имени Чжуанькюй, – это, по всей видимости, мать шаньюя Хуаньди, дяди Хуханье-шаньюя: она родила Хуханье двух сыновей. Ее младшая сестра, получившая титул главной яньчжи, подарила Хуханье четырех сыновей, двое из которых были старше первенца сестры, а другие двое младше второго сына сестры. Из этого следует, что Хуханье первой взял в жены младшую сестру, а на старшей женился после того, как она пережила всех его предшественников. У Хуханье также было около дюжины сыновей от других жен, в число которых, несомненно, входила уроженка Самарканда и племянница Хулугу. По происхождению Чжуанькюй была самой благородной супругой, поскольку она принадлежала к одному из трех кланов, традиционно связанных брачными узами с кланом шаньюя. Ее старший сын был любимцем Хуханье, именно его шаньюй считал своим наследником. К сожалению, по мнению Чжуанькюй, ее сын был слишком юн и неопытен, чтобы руководить государством в это сложное время. Она считала, что для роли наследника гораздо лучше подошел бы ее племянник – старший сын младшей сестры. Главная яньчжи не уступала сестре в великодушии, уверяя ту, что за юного шаньюя могут править министры. Если на трон взойдет владыка неблагородного происхождения, утверждала она, гражданской войны не миновать. Поскольку обе сестры были дочерьми одного мужчины, перед историками встает вопрос – почему происхождение старшей сестры считалось более благородным. Может быть, у Чжуанькюй и ее сестры были разные матери (а как мы вскоре увидим, тунгусы и тюрки первое место в родословной отводили именно матерям), или же благородство главной яньчжи зависело от количества супругов, которых она пережила. Как бы там ни было, на смертном одре Хуханье назвал своим преемником старшего сына Чжуанькюй. Однако по договору двух яньчжи трон должен был перейти сначала к четверем сыновьям главной яньчжи, а впоследствии – к старшему сыну Чжуанькюй. Таким образом, сын главной яньчжи унаследовал трон, получив титул Фучжунлэй-жоди-шаньюй. Фучжунлэй сделал своего брата левым чжуки-князем, а сыновей Чжуанькюй – правым лули-князем и правым чжуки-князем. Согласно обычаю, он взял в жены вдову отца – китайку, которая родила ему двух дочерей. К чести китайки надо сказать, что она, осуждая этот варварский обычай, отправила в Китай протестующее послание. Однако китайский император посоветовал ей лишь «следовать национальным обычаям той страны, где она живет».

После того как эта проблема была решена, новый шаньюй направил в Китай посла, чтобы засвидетельствовать свое уважение императору. После аудиенции у императора посол отправился в обратный путь и, не успев отъехать от китайской столицы, обратился к сопровождавшему его китайскому посланнику со следующими словами: «Я желал бы стать китайским под-

данным и совершу самоубийство, если желание мое не исполнится. Я не вернусь в Татарию». Об этом подозрительном и удивительном инциденте тотчас доложили императору, а он передал дело на рассмотрение императорскому совету. Большинство его членов считали, что просьбу следует удовлетворить, согласно обычаю. Однако два министра придерживались другой точки зрения: «В старые времена, когда татары совершали набеги на китайские территории, мы поощряли дезертирство, но сейчас, когда шаньюй стал нашим вассалом, а его государство служит буфером, прежняя политика неуместна. Мы не можем одновременно принимать от него дань и давать приют перебежчикам. Разве просьба одного человека равноценна нашему долгу перед шаньюем? К тому же очень может быть, что новый шаньюй сам инициировал этот инцидент, чтобы испытать прочность нашего союза. А возможно, шаньюй ищет предлог для войны, в таком случае, удовлетворив просьбу этого человека, мы сыграем шаньюю на руку. Честность – вот наша лучшая политика, мы должны быть осторожны». Император осознал всю серьезность этих аргументов и направил к татарскому послу своего приближенного для получения объяснений. Посол обратил свои слова в шутку и после возвращения ко двору шаньюя старался держаться подальше от китайского посланника. В следующем году шаньюй лично прибыл ко двору императора и был принят с теми же почестями, что и Хуханье в 33 году до н. э. В 20 году до н. э., после десятилетнего правления, шаньюй умер. Его преемником стал левый чжуки-князь, из этого следует, что семейное соглашение предусматривало царствование двух старших братьев перед старшим сыном Чжуанькюй. Это подтверждается и тем фактом, что после воцарения одного из братьев второй сразу же стал левым чжуки-князем. Новый шаньюй получил титул Сусье-жоди-шаньюй. Он процарствовал восемь лет и скончался в 12 году до н. э. на пути в Китай. Преемником стал старший сын Чжуанькюй, именовавший себя Гюйя-жоди. Четыре года спустя он умер и монархом стал его брат Учжюлю-жоди. Учжюлю взял в жены главную яньчжи отца (сестру своей матери) и сделал ее второй яньчжи. Этот факт говорит о том, что главная яньчжи была одной из первых, если не первой супругой шаньюя. Возможно, этот титул даровался первой девственнице, которую брал в жены шаньюй, или той, которая первой приносила сына. Учжюлю-жоди сделал двух ее сыновей (своих единокровных братьев) левым и правым чжуки-князьями, а своего сына отправил к китайскому императору в качестве заложника. Между тем китайская династия Хань переживала период упадка, за императора Чэнди государством управлял его дядя по материнской линии. Кто-то из приближенных императора предложил захватить лесистую территорию близ современного Ганьчжоу, которая в те времена, как и сейчас, вдавалась клином в китайскую территорию. По мнению императора, если бы не риск унижительного отказа, можно было бы обратиться к шаньюю и предложить ему уступить землю. Дядя императора воспринял эти слова как команду к действию и соответствующим образом проинструктировал китайского посла. Прибыв ко двору шаньюя, посол обратился к татарскому монарху со следующей речью: «Ты владеешь территорией, которая клином вдается в территорию Китая: из-за этого Китай вынужден содержать три гарнизона. Чтобы освободить стражей от несения обременительной службы и сократить расходы Китая на их содержание, ты мог бы отплатить императору за все его милости, уступив ему эту полосу земли. Император, несомненно, щедро наградит тебя». Учжюлю-жоди, который был далеко не простак, спросил: «Правильно ли я понимаю, что это послание исходит от самого императора? Если так, я, несомненно, повинуюсь его желанию». Посол ответил: «Император намекнул на это, но само предложение исходит от меня, и, по моему мнению, это прекрасный политический ход для тебя, шаньюй». – «Благочестивый Сюаньди и благочестивый Юаньди были очень добры к моему отцу Хуханье и даровали ему территорию к северу от Великой стены, – сказал шаньюй. – Земля, о которой ты говоришь, находится во владении одного из моих вельмож, но с твоего позволения я отправлю туда посланника и выясню, что представляет собой эта территория». Послы вернулись в Китай, но вскоре снова были отправлены к шаньюю. Прибыв к его двору, они повторили свое предложение. Ответ был таков: «Во время правления моего отца

и старших братьев ни разу не поднимался вопрос о наших владениях. Отчего же теперь такой пристальный интерес к этой территории? Вельможа, управляющий ею, сообщил мне, что все наши вассальные государства на западе пользуются лесом, растущим на этой земле, для изготовления шатров и повозок. Кроме того, я не осмелюсь отдать землю моих предков». Недовольный шаньюй направил императору послание, и главный посол по возвращении в Китай едва не расстался с головой. Его сместили с должности, и до конца своей жизни он никогда не общался с хунну. Сын шаньюя, живший при китайском дворе в качестве заложника, к этому времени умер, и шаньюй отправил к императору другого своего отпрыска.

Вскоре после этого кочевники Кульджи совершили разбойничий набег на хунну и были разбиты. Спеша умиротворить хунну, кочевники отправили к татарскому двору заложника – одного из юных принцев. Шаньюй сообщил об инциденте китайскому императору, и тот велел отпустить заложника. Во 2 году до н. э. шаньюй выразил желание прибыть к китайскому двору, чтобы лично поздравить императора Айди с новогодними празднествами, однако императору (который скончался в следующем году) нездоровилось, придворные мудрецы сочли визиты татарских монархов недобрым предзнаменованием – по крайней мере в двух случаях непосредственно за этими визитами следовала смерть китайского императора. Встал также вопрос издержек. На сторону татар встал государственный деятель по имени Ян Сюн, чье имя стоит на одном уровне с именами Менция и Цинция, он был одним из величайших китайских философов. Он кратко повторил всю историю взаимоотношений Китая с татарами. Вспомнил о том, как Мэн Тяню с его 400-тысячным войском не удалось достичь намеченного пункта (близ Тендука) и он вынужден был выстроить Великую стену для защиты границ Китая; о том, как основатель династии Хань с армией численностью 300 000 человек едва спас свою жизнь благодаря постыдной уловке; о том, как Модэ оскорбил вдову основателя династии; о том, как не сработала западня в «Лошадином городе», что повлекло за собой многолетнюю жестокую войну; и о том, что даже после того, как хунну были оттеснены на север пустыни, они отказались объявить себя вассалами Китая. Затем последовала военная кампания, которую Китай предпринял совместно с кочевниками Кульджи. Она, впрочем, не принесла Китаю мира и безопасности. Хунну удалось подчинить только после того, как пять шаньюев развязали междоусобную войну и Хуханье обратился к Китаю с просьбой о защите. Но даже и тогда татарские шаньюи появлялись при китайском дворе только лишь когда им это было выгодно. «Хотя нам удалось завоевать Коканд, тунгусов, кочующие племена Кукунора, корейцев, Кантон и Фучжоу, – продолжал Ян Сюн, – нам не удавалось обуздать это северное чудовище. Сейчас шаньюй думает и ведет себя именно так, как нам нужно. Нам, правда, дорого обходится удовлетворение его желаний, но взгляните на результаты! Вы же не скажете, что мы тратим миллионы ежегодно на содержание наместника на западе и на поддержку туркестанских государств только для того, чтобы удерживать на почтительном расстоянии Самарканд и Кульджу? Нет! Все это делается для того, чтобы оградить нас от хунну. Неужели мы допустим, чтобы все усилия наших предков пошли прахом? Пусть ваше величество все обдумает, прежде чем принимать решение, прежде чем мы опять погрузимся в пучину войны!»

Так сказал философ. Император понял всю серьезность его аргументов и призвал к себе посла хунну, который уже собирался в обратный путь. Император направил шаньюю письмо с приглашением посетить столицу. Однако к тому времени шаньюй тяжело заболел и вынужден был отложить свой визит к императору на год. До того дня шаньюев, отправлявшихся с визитом к императору, сопровождала свита в 200 человек. Учжюлю-жоди взял с собой 500 человек, «чтобы подчеркнуть свою признательность императору», другими словами, чтобы получить больше подарков. В 1 году до н. э. шаньюй явился в столицу. Из-за необычного поведения планеты Юпитер (которое, возможно, в состоянии объяснить астрономы) покои для шаньюя были приготовлены на территории Зоологических садов. При этом шаньюю объяснили, что это следует расценивать как знак особого уважения. Нечто подобное происходило и с европейскими

послами в недавнем прошлом: они принуждены были выражать свое почтение маньчжурскому императору за пределами пекинского дворца. Император одарил шаньюя так же щедро, как и его предшественник в 27 году до н. э., и сверх того подарил 30 000 рулонов шелка, пышные одеяния и 30 000 фунтов шелка-сырца для подбивки одежд. При каждом последующем визите количество подарков возрастало или, по крайней мере, не сокращалось, так что размер этого регулярного налога приобретал большую важность. По возвращении в Татарию Учжулю-жоди отправил к китайскому императору в качестве заложников двух или трех своих вельмож с их женами. Это, видимо, было вызвано тем, что сводный брат Айди – юный император Пинди (чье правление официально началось в 1 году до н. э.) – находился под влиянием вдовствующей императрицы, которая, в свою очередь, была не более чем марионеткой в руках будущего узурпатора Ван Мана. Ван Ман был племянником вышеупомянутого дяди Чэнди по материнской линии и, следовательно, приходился родственником, или *cognatus*, Айди и Пинди – племянникам Чэнди. Вдовствующей императрице льстило, что среди ее придворных дам есть татарские женщины. Чтобы сделать императрице приятное, Ван Ман намекнул шаньюю, что тот мог бы отправить к китайскому двору одну из дочерей Фучжун-жоди, и девушка поехала в Китай.

Так случилось, что правитель одного из карликовых государств в районе Караходжо или Пиджана вместе с владыкой племени, жившего возле озера Лобнор, перешли на сторону хунну. Причиной тому стала их размолвка с одним из китайских чиновников на западе. Шаньюй письменно признал, что предоставил приют беженцам и их сторонникам, но извинения принести не стал, ограничившись простым изложением фактов. Китайский император направил к нему посланников (в числе которых была кузина китайской супруги шаньюя), чтобы призвать шаньюя к ответу, но Учжулю-жоди заявил, что свято соблюдал и соблюдает условия договора, заключенного Хуханье, а также договоренности с божественным Сюаньди и божественным Юаньди. Отец его, сказал Учжулю-жоди, издал строжайший указ, запрещающий принимать дезертиров из Китая. Однако, заметил шаньюй, эти люди пришли не из Китая, они – подданные другого государства, следовательно, предоставив им убежище, он не нарушил никакого закона. Китайские посланники напомнили татарскому монарху, что, когда пять шаньюев пытались перерезать друг другу глотки, Китай вмешался и защитил династию Хуханье, теперь же Учжулю-жоди может отплатить за эту услугу. После некоторого размышления Учжулю-жоди согласился выдать беглецов. Однако, когда Китай уже готов был принять их, шаньюй неожиданно передумал и отправил каждого в его страну. В то же время он извинился перед Китаем. Извинения были отклонены, и несколько туркестанских правителей, включая двух обидчиков, были впоследствии обезглавлены. Эта казнь, произошедшая во время великого китайского совета, созванного где-то на западе, должна была послужить предупреждением монархам мелких государств, приглашенных на совет. Был издан новый указ, согласно которому «в будущем ни один китаец, тунгус или уроженец Кульджи, равно как и подданные других государств – вассалов Китая, не будут приняты хунну». К татарскому двору были отправлены послы для специальных поручений, которые должны были ознакомить шаньюя с новым указом, а также забрать у него договор, направленный ему в ларце прежним императором.

В этот период Ван Ман предложил татарам последовать примеру Китая и отказаться от практики использования двух личных имен. Он призвал Учжулю-жоди идти в ногу с цивилизованными государствами. Неясно, какими именно правилами регулировалось употребление китайских или татарских имен в тот период, но по аналогии с более поздней историей можно сказать, что татары вообще мало думали об именах и не подозревали о существовании табу на приветствия (подразумевавшие необходимость избегать употребления личных имен отцов и императоров), пока китайцы не просветили их на этот счет. Учжулю-жоди – шаньюй, чье личное имя было Нанчжиясы, принял предложение Ван Мана и охотно изменил имя на Чжи, так как в Китае император запретил двусложные имена. Раболепие шаньюя сделало узурпатора более требовательным. Теперь он открыто распространил покровительство Китая на тунгус-

ских послов и объявил тунгусам, что им больше не нужно платить подати хунну шкурами и одеждами. Терпению шаньюя настал предел, его поддержали все представители хунну, занимавшиеся торговлей. Шаньюй отправил к тунгусам послов с требованием уплатить обычные подати, но требование это было отклонено на том основании, что Китай запретил осуществлять какие бы то ни было выплаты. Этот инцидент повлек за собой насилие, грабежи и убийства с обеих сторон, перевес в конечном итоге оказался не на стороне тунгусов. В 9 году н. э. амбициозный Ван Ман наконец сбросил личину и отправил к хунну послов с великолепными дарами – они должны были возвестить о том, что Ван Ман по воле Неба смещает династию Хань. Послы привезли шаньюю новую печать и велели татарскому монарху заменить ею прежнюю печать. Он уже готов был отдать послам старую печать, когда один из придворных прошептал: «На вашем месте я бы сначала прочел надпись на новой печати». Шаньюй попросил послов подождать несколько минут и велел подать напитки. Генерал Ван, первый посол и родственник узурпатора, потребовал немедленно отдать старую печать, но татарский вельможа повторил свой совет. Шаньюй, однако, покорно отдал печать, заявив, что не видит причин, по которым надпись на печати могла бы измениться. Он принял новую печать, надпись на которой не мог разобрать, и остаток дня татарский монарх и китайские послы предавались пиршеству. Когда послы отправились в свои покои, один из них предложил уничтожить старую печать прежде, чем обнаружится обман. Проблема была в том, что никто не решался сделать это, поскольку для китайцев императорские печати были священны. Однако посол, внесший предложение, был не робкого десятка. Решив, что молчание коллег означает согласие, он расколол печать топором. На следующее утро шаньюй, конечно, потребовал вернуть ему старую печать на том основании, что вместо слов «Печать шаньюя хунну» на новой печати было написано «Печатка нового шаньюя хунну», а печати предназначались для лиц, статус которых был ниже статуса правящего монарха. Когда ему объяснили, что в Китае теперь правит новая династия, а посланец шаньюя своими глазами увидел обломки старой печати, он понял, что настаивать на своем нет смысла. Шаньюй принял подарки и удовлетворился тем, что отправил одного из своих братьев, правого чжуки-князя, вместе с китайскими посланниками к императору с письмом, в котором содержалась просьба выдать ему печать с прежней надписью. На обратном пути, проезжая через владения другого брата, посланники увидели пленных, принадлежащих к народу ухуань, – они служили своего рода гарантией выплаты налогов. Послы обратили внимание упомянутого брата на новые законы. Этот брат был старшим из пары, рожденной младшей сестрой Чжуанькюй. Он попросил разрешения отправить шаньюю конфиденциальное послание. Шаньюй ответил уклончиво: «Отослать ли мне их за стену или оставить за ее пределами?» Этот вопрос адресовался Китаю. Ответ гласил: «Внешним путем». Инцидент с печатью и тунгусский вопрос вызвали у шаньюя раздражение, и он под предлогом сопровождения пленных из народа ухуань направил сотысячное войско к Великой стене, близ современного Нинся на Желтой реке. В следующем году снова вспыхнул конфликт с правителями карликового государства Карахождо. Один из них перешел на сторону хунну с двумя тысячами человек, взяв с собой весь крупный рогатый скот и овец, которых смог собрать. Шаньюй не только принял правителя, но и организовал вместе с ним набег, в ходе которого было ранено несколько китайских чиновников и погиб один из вассальных китайских царьков. Два китайских чиновника, предвидя скорый переворот в Туркестане, убили своего начальника и дезертировали к шаньюю, который пожаловал им военные звания и принял в своих личных покоях. Услышав об этом, Ван Ман предпринял решительные действия. Своим первым указом он разделил владения хунну на пятнадцать доминионов и послал табун в 20 000 лошадей к Великой стене близ Датун с целью подкупа других сыновей Хуханье. Брат шаньюя, в чьем ведении находились пленные тунгусы, получил титул «сыновний шаньюй», а также около 450 килограммов золота, символы титула и другие щедрые дары. Двое его сыновей отправились в столицу, где младший стал «покорным шаньюем» и получил 226 килограммов золота. В ответ на эту акцию Учжулю-

жоди положил начало массовой резне, жертвами которой стали все, кто попался ему под руку близ Великой стены, на севере Шаньси. Кроме того, он отправил приказ своим восточному и западному наместникам следовать его примеру. Это произошло в 11 году н. э. Полувековые усилия в один миг пошли прахом, вся линия границы была охвачена огнем, людей и скот убивали на месте или угоняли. Но Ван Ман, своим безрассудным упрямством напоминавший шведского короля Карла XII, вовсе не собирался уступать. У него в руках были сокровища, собранные несколькими поколениями императоров, и они ушли как песок сквозь пальцы. Ван Ман назначил двенадцать военачальников. Получив припасы на 300 дней, они должны были вести 300-тысячное войско десятью разными дорогами, стирая с лица земли владения хунну и изгоняя татар к отдаленным крепостям киргизов и канкали. Империя хунну была опустошена, все, что было обнаружено в закромах, свозилось к китайской границе. Один из выдающихся китайских военачальников возражал против такой непрактичной политики и снова рисовал всю историю отношений между Китаем и Татарией. Пройдет не менее года, говорил он, прежде чем будут собраны припасы на 300 дней для 300 000 человек. Авангард войска будет деморализован прежде, чем подтянется арьергард. Военачальник подсчитал, что быки, единственные пригодные для работы животные, должны будут перевезти 200 000 тонн пищи для солдат, а также не менее 200 000 тонн сена для себя, поскольку одной только травы будет недостаточно. Опыт показывает, добавил он, что уже через сто дней ни одного быка в живых не останется, а людям не под силу тащить припасы в дополнение к оружию, посуде, углю и т. д. (Точно такие же аргументы были использованы во время китайской кампании против Кашгара пятьдесят лет назад, когда армия вынуждена была по мере своего продвижения сеять и жать зерно.) Кроме того, продолжительная диета из риса и воды неизбежно приведет к болезням. По этой причине кампании в этих холодных и ветреных районах никогда не длились более ста дней. Более того, с таким огромным обозом, открытым атакам врага со всех сторон, боеспособность армии будет сравнительно невысока. К тому же она не сможет преследовать врага, бросив обоз на произвол судьбы. Поскольку авангард был уже готов к выступлению, полководец предложил нанести удар немедленно. Он сам готов был вести солдат в бой.

Однако Ван Ман не прислушался к этим советам, и китайская армия начала свой поход по растерзанной империи хунну. Тем временем «сыновний шаньюй» воспользовался первой же возможностью, чтобы вернуться к брату и объяснить, как ему достался этот титул. Видимо, объяснения шаньюя не удовлетворили, поскольку он отнял у брата его первоначальный титул и дал другой, более низкий. «Покорный шаньюй» умирает от болезни, и Ван Ман назначает на место покойного его старшего брата. Набеги продолжаются, захваченные в плен люди утверждают, что среди участников набега – третий сын «сыновнего шаньюя». Тогда Ван Ман собирает всех представителей иностранных государств на центральной площади столицы и в их присутствии казнит второго «покорного шаньюя». В результате всего этого люди из приграничных поселений, разбогатевшие и добившиеся процветания за пятьдесят лет мирной жизни, потеряли все, большинство из них погибло, других увели в плен. Армия страдала от бездействия, солдаты устали от лагерной жизни. Всюду царило запустение, равнины, на которых еще недавно разгуливали стада овец, теперь были покрыты белеющими костями.

В 13 году н. э. после 21-летнего правления скончался Учжулю-жоди. Все сильнее стало чувствоваться влияние его китайской супруги. Одна из ее дочерей вышла замуж за вельможу хунну, стоявшего тогда у власти, и эта дочь не только часто выступала в пользу союза с Китайской империей, но и с удовлетворением отмечала, что «сыновний шаньюй» Ван Мана, бывший ее близким другом, продолжал получать из Китая ссуды и подарки. Взвесив все за и против, она сумела добиться его восхождения на трон в обход правого чжуки-князя, то есть в обход брата, ездившего в Китай для переговоров по поводу печати. Новый шаньюй Хянь принял титул Улэй-жоди, а также пожаловал титул восточного лули-князя обойденному брату. Непонятно, почему в данном случае употребляется слово «обойденный», поскольку по старшинству

Уэй-жоди был вторым братом с точки зрения возраста из шести детей, рожденных двумя сестрами. За несколько лет до описываемых событий от титула левого чжуки-князя, который носил сын Учжулю-жоди, по неизвестным причинам отказались. Тем не менее сын Учжулю-жоди был законным наследником, хотя сам Учжулю просил его уступить трон Улэю. Теперь Улэй отплатил Учжулю за подозрительность и унижения, пожаловав своему собственному племяннику, сыну Учжулю, дискредитировавший себя титул левого чжуки-князя. По всей видимости, Улэй отдал своей любовнице на откуп дипломатию, и она тут же отправила послов к Великой стене, желая видеть своего кузена, сына старшего брата матери. Вместо одного брата приехали двое, император направил их в Татарию в качестве послов с поздравлениями шаньюю. Они попытались, и, видимо, успешно, убедить шаньюя, что его казненный сын жив. С помощью солидного подкупа послам также удалось добиться выдачи двух чиновников, бежавших в Татарию после убийства вышестоящего сановника. Они были зажарены заживо – эта пытка была придумана специально для них мстительным Ван Маном.

Хотя шаньюй получал щедрые дары, он пользовался любой возможностью, чтобы совершить набег. Татарские послы, отправленные им к императору, скоро узнали всю правду о казни сына шаньюя. Услышав об этом, шаньюй заручился поддержкой тунгусов, и набеги его стали еще более жестокими, чем прежде. На упреки китайских послов он давал уклончивые ответы. Останки юного «покорного шаньюя» и его свиты были доставлены к Великой стене кузеном китайской яньчжи и там переданы татарскому посланнику и его жене-полукитайке. Татарскому монарху объявили, что народ его отныне будут именовать не хунну, а гунну. Китайские иероглифы, использовавшиеся для транслитерации этого исконно татарского названия хунну (хиун-ну), означали «свирепые рабы», а иероглифы, выбранные для нового названия, означали «почтительные рабы». Шаньюй согласился с этим, взял печать, подарки и продолжил свои набеги. Ван Ман, раздававший титулы так же щедро, как Наполеон I, достойно наградил кузена-дипломата и его коллег.

Улэй царствовал пять лет и умер в 18 году н. э. Преемником стал его уже упоминавшийся младший брат Юй, взявший имя Худурши Даогао-жоди. Неясно, кто была его мать, но он не был шестым сыном двух сестер. И новый шаньюй был охоч до китайских даров, он отправил к императорскому двору внуков китайской яньчжи (впоследствии один из них бежал). Приблизительно в тот период татарский правитель дел Сюйбудан, сосредоточивший в своих руках все судопроизводство, и его жена отправились к Великой стене, где их радушно встретили и пригласили посетить столицу. Прибыв ко двору, Сюйбудан узнал, что в отношении него у Ван Мана большие планы – император хотел сделать из правителя дел нового шаньюя. Однако этим интригам не суждено было воплотиться в жизнь – злополучный правитель дел скончался от болезни. Ван Ман выдал свою дочь, рожденную наложницей, замуж за сына покойного правителя дел, решив сделать его шаньюем. Однако Ван Ман прожил недолго – в 23 году н. э. он погиб от рук солдат, принадлежавших к сторонникам прежней династии Хань.

В 24 году н. э. последний император Ранней династии, или династии Западная Хань, направил послов к хунну с печатью, на которую была нанесена прежняя надпись. Представители хунну, пережившие смутное время, также были отправлены в Татарию. Когда дипломатическая миссия прибыла к татарскому двору, шаньюй напустил на себя важный вид и потребовал, чтобы Китай признал роль, которую сыграл татарский монарх в гибели узурпатора. Шаньюй напомнил, что татары всегда воздавали Китаю соответствующие почести, когда тот помогал хунну избавиться от узурпаторов. Никакие доводы послов на шаньюя не действовали, и те вернулись в Китай удрученными. Тем временем восстание «краснобровых», охватившее Китай, пришло и в китайскую столицу, положив конец первой династии Хань.

Глава 6

Зависимость, распад и гибель

В период анархии, предшествовавший восстановлению порядка императором Гуан Уди, основателем второй династии Хань, Худурши оказывал помощь китайскому Перкину Уорбеку³ близ современного Пекина. Когда ситуация в стране стала налаживаться, император снова направил шаньюю миролюбивое послание, однако татарский монарх вел себя столь же высокомерно, как и прежде, и постоянно сравнивал себя с великим завоевателем Модэ. Набеги не прекращались, и население севера Шаньси, спасая свои жизни и имущество, вынуждено было мигрировать к востоку от хорошо известного перевала Нанькоу близ Пекина. Хунну появились на китайской стороне Великой стены.

Однако дурши ухуани превратились к этому времени в мощную силу и вскоре снова оттеснили соперников на север пустыни. Худурши, желая получить внушительную награду, обещанную Китаем за самозванца, отправил его к императору под конвоем. Однако самозванец, оценив ситуацию, заявил китайцам, что раскаялся и хочет сдаться добровольно. Таким образом, Худурши не получил обещанного вознаграждения, а потребовать его не решился. Чувствуя гнев и обиду, он на протяжении многих лет держал в страхе всю северную приграничную территорию, население которой жило в условиях крайней нищеты.

Напомню, что китайская супруга, впоследствии яньчжи, подарила Хуханье сына и что поначалу она протестовала против брака с сыном покойного мужа, однако китайский император направил вдове послание – в нем он советовал ей следовать обычаям страны, в которой она живет. Худурши казнил брата, чтобы посадить на трон своего сына. Узнав об этом, сын Учжулю-жоди высказал недовольство, заявив, что если трон должен был перейти сначала к братьям, то первым наследником считался бы казненный. Если же наследовать должны были сыновья, то титул шаньюя должен был достаться ему, как старшему сыну старшего брата Худурши. Сын Учжулю-жоди отстранился от участия в совете, вследствие чего шаньюй отправил двух своих приближенных для принятия командования его войсками. В 46 году н. э. Худурши умер, преемниками стали два его сына, один из которых скончался почти сразу после восшествия на престол. Сын Учжулю-жоди, видя, что перспективы его как наследника становятся все более отдаленными, направил к императору тайного посланника с картой владений хунну (кто изготовил эту карту – неизвестно) и предложением включить эти территории в состав Китайской империи. Во время Праздника дракона, проходившего в пятый день лунного месяца, два татарских сановника сообщили шаньюю о существовании заговора, однако их слова были услышаны другим сыном Учжулю-жоди, сидевшим в тот момент возле шатра шаньюя. Он немедленно отправился к брату, чтобы известить его о происшедшем. Тому удалось собрать 45 000 солдат со своего апанажа⁴, который включал (по крайней мере, номинально) территорию ухуаней, и решил убить двух сановников по их возвращении. Те, однако, узнали о грозящей им опасности и, оседлав быстрых скакунов, поспешили известить шаньюя, чья армия, впрочем, была не настолько сильна, чтобы предпринимать активные действия. Последовавшие за этим инцидентом интриги и распри по поводу наследования слишком сложны, чтобы заинтересовать обычного читателя.

В 48 году н. э. вожди восьми племен наконец согласились даровать сыну Учжулю-жоди титул Хуханье-шаньюй, сделав его наследственным. Первая часть титула была дана в честь

³ Уорбек Перкин (? – 1499) – самозванец, выдавал себя за сына Эдуарда IV, короля Англии, и претендовал на престол при Генрихе VII, по приказу которого был казнен.

⁴ Апанаж (*фр.* аpanage) – земельное владение, предоставлявшееся во Франции и некоторых других европейских монархиях некоронованным членам королевской семьи (во Франции до 1832 года).

монарха, проводившего миролюбивую политику. Новый владыка, первый из тех, кого называли южными шаньюями, явился к Великой стене, туда, где соединяются Шэньси и Шаньси, и предложил Китаю заключить союз, по условиям которого Татария на вечные времена становилась буферным государством и обязалась держать северян на расстоянии. Это предложение было принято, и уже в следующем году брат Хуханье-шаньюя (Би) нанес серьезное поражение брату северного шаньюя, захватив того в плен. Северный шаньюй пришел в такой ужас, что уступил Югу около пятисот километров своей территории. Тут же откопали древнее предание, согласно которому «в девятом колене кочевники будут оттеснены на многие километры». Неясно, от какого монарха следует вести отсчет поколений – от Хуханье или Модэ. Впрочем, эти слова соответствуют облику Согдианы, где зародилось ядро племени гуннов, проложивших себе путь в Южную Европу. Как мы увидим, сорок лет спустя последний из северных хунну навсегда исчез из поля зрения Китая. Судя по всему, в описываемый период катастрофа побудила некоторых северных монархов перейти на сторону южного шаньюя с 30-тысячным войском. Китайский император изобрел особую повозку, запряженную быками, и получил возможность посещать любой участок Великой стены, которому угрожал неприятель. Резиденция южного шаньюя находилась в 40 километрах от Великой стены, на плато Ордос, у северо-восточного угла великой излучины – возможно, в Гуйхуачэне или Тендуке, о котором рассказывал Марко Поло. Для получения официального заявления о подчинении Китаю император направил двух послов, и шаньюй лично встретил их. Послы заявили, что шаньюй должен упасть ниц, принимая императорский указ. После некоторых колебаний шаньюй подчинился и официально объявил себя вассалом Китая. После исполнения всех надлежащих церемоний шаньюй через переводчика заявил послам, что ему, как монарху, подобные процедуры представляются чрезвычайно оскорбительными, и просил впредь не подвергать его подобному унижению на глазах народа. Татарские вельможи, включая и перебежчиков с севера, глядя на своего владыку, даже заплакали от обиды. Об этой просьбе шаньюя послы доложили императору, который, впрочем, никакого ответа не дал.

Захваченному в плен брату северного шаньюя удалось бежать вместе с пятью знатными людьми и 30 000 человек. Весь этот отряд расположился лагерем в 120 километрах от резиденции северного шаньюя, более точное месторасположение этого лагеря сейчас установить сложно. Члены этого «племени» согласились сделать брата своим шаньюем, но вскоре между ними вспыхнула размолвка. В результате междоусобицы этот народ просто исчез с лица земли. Той осенью южный шаньюй отправил одного из своих сыновей к китайскому двору в качестве заложника и по специальному указу получил от императора щедрые дары. В виде особой почести император направил татарскому монарху пятьдесят вооруженных пленных под командованием офицера. Шаньюй взял за правило в конце каждого года отправлять к китайскому двору сына со смиренным посланием, а Китай всегда почти сразу отсылал назад с достойным эскортом заложника, прожившего при дворе год. Сыновья шаньюя должны были выказывать всяческое почтение императору от лица татарского владыки и падать ниц перед могилами почивших императоров. Помимо ежегодных подарков самому шаньюю, его женам, сыновьям и заслуживавшим того вельможам император присылал различные предметы личного потребления – соусы, плоды личи, апельсины. Во время трех ежегодных Праздников дракона, в дополнение к древним жертвоприношениям Небу, совершались приношения статуэткам китайских императоров. Затем проходили гонки верблюдов и заседание совета, судебные процессы и т. д. Согласно записям того времени, хунну управляли своим государством, так сказать, устно, не издавая никаких документов. Следовательно, мы можем быть уверены, что на службе у татарского монарха всегда находились китайцы, отвечавшие за дипломатическую переписку с империей, подобно тому как греки писали Цезарю от лица невежественных бриттов. По-прежнему действовала система чжуки-князей, лули-князей и «четырёх рогов». Три древних клана, монополизировавшие судебное производство и связанные узами браков с кланом шаньюя, теперь

образовывали четыре клана, а клан, к которому принадлежали сестры Чжуанькюй, именовался «левым» – этот факт частично объясняет, почему, несмотря на свой подчиненный статус, Чжуанькюй считалась самой благородной. Зимой сыновья пяти вышеупомянутых знатных персон, погибших во время междоусобных конфликтов, с небольшим войском попытались захватить резиденцию южного шаньюя. Они были захвачены в плен северянами, а южане, подоспевшие на помощь, были разбиты. В результате император приказал южному шаньюю уйти чуть дальше на юг и построить себе резиденцию к западу от хребта, разделяющего долины рек Фэнь и Желтой, на пути в Шаньси, где один или два небольших притока Желтой реки несут свои воды на запад, к этой важной артерии. Стоит указать это место, известное теперь как Линьчу, поскольку три столетия спустя здесь зародилась династия императоров хунну, заявивших о своей претензии на китайский трон. Монархи хунну считали себя законными наследниками династической семьи Лю, ведущей свое происхождение от китайской принцессы. Каждую зиму император направлял для защиты шаньюя 2000 солдат и 500 преступников. Территория, утраченная в смутный период правления Ван Мана, была возвращена, и мелкие царьки хунну со своими ордами были направлены на разные участки Великой стены для несения разведки. Подчинялись они префектам ближайших китайских городов. Эти практические приготовления серьезно встревожили северного шаньюя. Первым делом он отослал в Китай нескольких плененных китайцев, а когда его люди совершали набеги на южных разведчиков, они всегда говорили: «У нас и в мыслях не было посягать на китайскую территорию, наша цель – подлый предатель (т. е. южный шаньюй)». В 52 году н. э. северный шаньюй взял другой политический курс. Он направил послов с миролюбивыми предложениями. Совет долго думал над тем, как лучше сформулировать ответное послание. По мнению наследника трона, если Китай желал мирного сосуществования с южными хунну, предложения северян следует отвергнуть. Император, согласившись с этим, велел не принимать послов. В следующем году северный шаньюй предпринял еще одну попытку, на этот раз присовокупив к посланию табун лошадей и меха. Помимо всего прочего, он просил для себя китайских музыкантов, а также «разрешения представить к императорскому двору всех своих туркестанских союзников, дабы они могли лично выразить свое почтение императору». Бань Бяо (отец двух прославленных историков, записки которых мы сейчас переводим) взял на себя ответственность урегулирования этой щекотливой ситуации. По его мнению, заискивающее поведение северного шаньюя говорило о том, что северяне боялись союза Китая с Югом. Чем более пышные дары они присылают нам, тем они беднее, сказал Бань Бяо. Вместе с тем, поскольку союз с Югом не принес Китаю очевидных выгод, не следует, образно говоря, держать все яйца в одной корзине. Другими словами, необходимо направить северному шаньюю дипломатичный ответ, сопроводив его подарками, равноценными дарам шаньюя. Произнеся это, мудрый государственный деятель выудил из рукава подготовленный им проект дипломатического послания и вручил его императору. Суть послания заключалась в следующем: «Похвально, что шаньюй не забывает те милости, которыми Китай осыпал его предков, и желает укрепить свое положение, предлагая Китаю мир. В прошлом Хуханье и Чжичжи развязали гражданскую войну, которая прекратилась лишь благодаря божественному Сюаньди, оказавшему покровительство владыкам хунну и принявшему их сыновей в качестве заложников. Вскоре после этого Чжичжи нарушил мирный договор, заплатив за это своей головой. Мудрый Хуханье, напротив, обеспечил своим наследникам мирное существование. В последние годы южный шаньюй обратил свой взгляд на юг и вверил себя нашему попечению. Поскольку он является самым старшим из прямых наследников Хуханье, мы решили вопрос о наследовании в его пользу. Однако когда он превышает свои полномочия и ищет нашей поддержки, чтобы с ее помощью уничтожить северный народ хунну, мы полагаем необходимым прислушаться к справедливым просьбам северного шаньюя, который так часто выказывал свою покорность. Ввиду этого мы отвергли предложения Юга. Китай, как верховный повелитель вселенной, над владениями которого никогда не заходит солнце, не может

одарить своей благосклонностью один варварский народ в ущерб другому. Тот, кто покорится нам, будет вознагражден. Тот, кто восстанет против нас, жестоко поплатится. Примером тому – Хуханье и Чжичжи. Мы не возражаем против того, чтобы шаньюй представил доказательство своей верности, указав туркестанским монархам путь, которому они должны следовать. В то же время тот факт, что их владения являются частью доминионов хунну, не мешает нам считать их частью Китайской империи. Владения шаньюя, по-видимому, истощены недавними войнами. К чему тогда посылать дорогие подарки, которые являются лишь символом миролюбивой политики? Мы посылаем шаньюю поименованные в списке дары. Шаньюй говорит, что музыкальные инструменты, прежде подаренные нами Хуханье, пришли в негодность. Памятуя о том, что шаньюй боролся за свое существование и ему было не до музыки, мы намеренно не отправляли ему музыкальные инструменты. Теперь же их доставит шаньюю наш посланник». Император одобрил послание.

Хуханье-шаньюй Второй, личное имя которого было Би, умер в 55 году н. э., процарствовав девять лет. Преемником его стал младший брат, нанесший поражение и взявший в плен младшего брата северного шаньюя. Этот монарх просидел на троне меньше года, ему на смену пришел другой брат. Последний правил два года, после него трон перешел второму сыну Хуханье. Это было еще одно короткое четырехлетнее правление, после него на троне поочередно восседали сын первого младшего брата, а затем (через несколько месяцев) его собственный младший брат (63 год н. э.). У всех этих шаньюев были необычайно длинные имена, однако, поскольку никакими важными деяниями эти монархи свое царствование не отметили, нет смысла приводить здесь эти имена. В 59 году н. э. северный шаньюй (очередной монарх, о происхождении которого и дате вступления на престол ничего не известно) лично явился к Великой стене, чтобы выразить свою покорность, но три года спустя совершил набег на китайскую территорию и был оттеснен южанами. В 63 году н. э. после двух лет опустошительных набегов северный шаньюй обратился к Китаю с просьбой предоставить ему торговые привилегии. Китай с готовностью даровал ему требуемое в надежде, что татарский монарх прекратит набеги. Два года спустя к северному шаньюю была направлена дипломатическая миссия. Южане встревожились, некоторые из них даже поспешили перейти на сторону северян. Наконец императора заставили принять ответные меры, и в 73 году н. э. был организован большой поход. Для переправы через реку были подготовлены лодки или плоты, обтянутые конскими шкурами. Однако хунну, следуя древней тактике, отступили к пустыне. В 76 году н. э. территорию верных Китаю южан, оказывавших империи помощь в борьбе с северянами, поразила саранча, и император вынужден был направить зерно 30-тысячному народу. В 84 году н. э. северный шаньюй снова выторговал себе торговые послабления, после чего ревнивые южане угнали людей и скот соперника. Однако владык северян уже не называют шаньюями, их владения, очевидно, находились в руках враждующих друг с другом вождей. В этот период формировалась великая империя народа ухуань, известного как сяньбийские тунгусы. Несчастные северяне оказались в капкане: с востока на них нападали сяньбийцы, с юга – южные хунну, с севера – канкалы, а с запада им грозили туркестанские племена. Это довершило крах северян: они уже не могли удержать свою землю и исчезли где-то на севере. Многие из них, без сомнения, нашли свой путь в Европу (по рекам Селенга и Иртыш до Иссык-Куля, Арала и Каспия, пройдя через сражения с башкирами, аланами и неизвестными племенами, населявшими в то время территорию России). У Гиббона мы узнаем, что Этцель, или Аттила, хвастал своим происхождением от шаньюя Монголии. Остается надеяться, что в скором будущем обнаружатся свидетельства, подкрепляющие этот важный факт. Геродот рассказывает о скифских племенах, столетиями ранее промчавшихся по Малой Азии. Вероятно, «цари-пастухи» (гиксосы), познакомившие Египет с лошадьми за много столетий до Геродота, были ранним «вариантом» хунну.

Южный шаньюй, племянник Хуханье Второго, умер в 85 году н. э. Преемником его стал сын брата Хуханье. Жалкие остатки северных хунну подвергались атакам при каждом удобном случае, это заставило северян броситься в ноги Китаю в поисках защиты. В 87 году н. э. сяньбийцы нанесли хунну последний решающий удар на востоке, в качестве трофея они взяли кожу, снятую с северного шаньюя. (Возможно, персидский царь Шапур, по приказанию которого столетием позже содрали кожу с римского императора Валериана, позаимствовал эту идею у врагов хунну. Гиббон приводит искаженную цитату из сочинений римского историка Вописка, в которой якобы утверждается, что китайский посол принимал участие в триумфе Аврелия.) Наконец, 200 000 человек и 8000 боеспособных солдат из числа северян пришли к Великой стене и сдались на милость Китая. После этого северные шаньюи превратились в бледные тени своих великих предков и почти перестали упоминаться в истории Китая. Фактически в 88 году н. э., когда южный шаньюй умер и на трон взошел его кузен, решено было уничтожить Северный доминион как политическое образование, включив его в состав территории Юга. В следующем году внушительная армия под командованием племянника императрицы при помощи 30-тысячного войска южного шаньюя нанесла сокрушительный удар северянам в том же месте, где 180 лет назад был разбит злополучный завоеватель Коканда, то есть где-то на нагорье Хангай, откуда берут свое начало реки Тола, Орхон и Керулон. В этот раз китайский полководец начертал историю своей победы на холме. Возможно, кому-то повезет и он сумеет отыскать эту надпись. Оптимизм внушает тот факт, что в 1888 году чуть западнее русские обнаружили несколько тюркских могильных плит с надписями на китайском и древнесирийском языках. О наиболее примечательных находках поведал в своем атласе (1892 года) В. Радлов, возглавлявший Орхонскую экспедицию. В 91 году н. э. двумя колоннами китайское войско отправилось в погоню за северным шаньюем. Он едва спас свою жизнь, но потерял всю свою семью и имущество, включая нефритовую печать. В том же году китайцы снова сделали попытку захватить северного шаньюя в плен, после этого о нем никто не слышал. Китайцы, владения которых теперь доходили до Баркуля, поставили на место шаньюя свою марионетку. Предполагалось, что китайский наместник расположит свою резиденцию в Хами и возьмет под свою опеку очередного северного шаньюя, однако татарин пытался бежать, был пойман и обезглавлен, а народ его рассеялся.

В 93 году н. э. на трон взошел следующий южный шаньюй, но, поскольку он не пользовался популярностью, китайский наместник, осуществлявший за ним надзор, вступил в сговор с китайским военачальником с целью свержения татарского монарха. Заговорщики перехватили переписку шаньюя с императором и обвинили его в заговоре с целью убийства популярного в народе и воинственно настроенного принца – их собственного кандидата на роль марионетки на татарском троне. Интрига удалась, во время вспыхнувшей гражданской войны шаньюй, проводивший на троне один год, был убит. Преемником стал его более популярный племянник, внук Хуханье Второго. (Надо сказать, что большинство шаньюев этой линии наследования присоединяли к своим титулам слово «седжугет», а некоторые – слово «уруте». В обоих случаях слова могут служить хвалебным эпитетом.) Однако соплеменники его не были удовлетворены: между северной и южной ветвями племени по-прежнему возникали разногласия. Большая часть хунну отказалась признать нового шаньюя, выбрала монархом его кузена и попыталась уйти на север пустыни. Тем временем император раскрыл интригу, приведшую к смуте, и ее авторы сгинули в застенках. В 98 году н. э. южного шаньюя сменил его кузен, а отколовшаяся часть народа хунну во главе с новым шаньюем тем временем отчаянно боролась с голодом и пришедшими с севера тунгусами. Китай был глух к их мольбам и попыткам обрести независимость, наконец, в 117 году н. э. владыка сепаратистов безоговорочно капитулировал. Южного шаньюя ждало долгое царствование – он провел на троне 27 лет. За время его правления он вел войну со своим северным соперником, сам предпринял попытку бросить вызов Китаю (был разбит и прощен), а также вел военные действия против тунгусов. В 124

году н. э. на трон взошли два брата, один из которых правил четыре года, другой – тринадцать лет. Второй монарх и другой его брат совершили совместное самоубийство после того, как Китай выразил недовольство их поведением. С этого времени генеалогия и даже имена южных шаньюев стали запутанными и невнятными. Чрезвычайно трудно и утомительно следить за разрастанием замысловатой паутины пограничных интриг. В 177 году н. э. южный шаньюй (чье имя нам неизвестно) поддержал кампанию Китая против великого тунгусского завоевателя Таншихая (к которому мы еще вернемся), но потерпел поражение и погиб: его сын и наследник был казнен китайским военачальником, посадившим на трон некоего Кянкюя. Тому, в свою очередь, в 188 году н. э. наследовал сын по имени Юйфуло. В Китае тогда царила почти такая же анархия, как и на подвластных шаньюю территориях. Вскоре шаньюй был свергнут с трона соперником, который лишь царствовал, но не правил, и удалился в изгнание. Его брат Хучуцунь удерживался при китайском дворе известным военачальником Цао Цао, сын которого основал династию Вэй на руинах династии Хань. Мощь хунну была сокрушена навсегда, да и сам Китай на ближайшие полстолетия распался на три враждующие империи, лишь одна из которых поддерживала политические отношения с татарами. Неофициальная история трех этих противоборствующих империй изложена в романтическом произведении, написанном тысячу лет спустя неким Л о Гуаньчжуном, жившим при Кублай-хане (Хубилае).

Глава 7

Хунну становятся императорами Северного Китая

Хотя, как уже упоминалось, генеалогия последних шаньюев не сохранилась, заметим, что от первого до последнего все татарские владыки (сведения о которых сохранились в китайских анналах) были прямыми потомками великого завоевателя Модэ. Даже в условиях бесконечных войн и революций нет и намека на то, что на трон когда-либо всходил человек, не принадлежащий к царскому клану. Все монархи от Модэ до Хюли были сыновьями, братьями или племянниками своих предшественников. Хуханье Первый был сыном Хюйлюй-Цюанькюя. Шесть сыновей Хуханье наследовали трон в строгом соответствии со старшинством. Хуханье Второй был, несомненно, самым законным наследником, его преемниками были сначала два брата, а затем шесть сыновей самого Хуханье и этих братьев. Затем на трон взошли пять внуков, царствование их длилось до 141 года н. э., то есть 200 лет – три поколения. Неясно, кем был Кянкюй, но Юйфуло и Хучуцюань были его сыновьями, поэтому нет причин предполагать, что в период между 141 и 179 годами н. э. обычный порядок вещей был нарушен. О северных шаньюях письменных свидетельств не сохранилось.

Как мы уже увидели, Китай раскололся на три империи, причем северная империя Вэй (не путать с татарской династией Вэй, появившейся 150 лет спустя) была единственной, кто поддерживал отношения с хунну. Их древние владения теперь находились в руках тунгусов, как мы увидим позже. Тем временем полководец Цао Цао разделил остатки народа южного шаньюя на пять племен и сделал сына Юйфуло вождем левого племени. Судя по всему, потомки Модэ (у которого, как мы помним, была супруга-китаянка царской крови) считали себя вправе дать клану имя Лю – имя обеих ветвей династии Хань, а также династии Хань, правившей в Западном Китае в то время, как династия Вэй царила на севере, а династия У – к югу от Янцзы. Неизвестно, когда хунну начали использовать это имя, вероятнее всего, это случилось, когда Хуханье Второй стал китайским вассалом. И он сам, и его потомки – все носили односложные китайские имена, уместные лишь в сочетании с односложным китайским именем клана. Как бы там ни было, сын Юйфуло, левый чжуки-князь, был известен под китайским именем Лю Бао и не использовал, подобно предкам, длинный и неудобопроизносимый татарский титул, означающий *божественный, благочестивый* и т. п. Власть над другими четырьмя племенами также была отдана членам клана Лю, и все они жили в фамильных резиденциях на земле своих отцов между долинами рек Фэнь и Желтой в Шаньси. Супруга из благородного клана (к которому принадлежали сестры Чжуанькюй) подарила Лю Бао сына, ставшего впоследствии знаменитым. Звали наследника Лю Юань, но в более поздних источниках он известен под именем Лю Юаньхай, поскольку на его настоящее имя было наложено табу (часть IV, глава 2) основателем династии Тан. Лю Юань был сведущ в истории и военных искусствах. На протяжении нескольких лет, что Лю Юань провел в качестве заложника при дворе последнего императора из династии Вэй, он непрерывно расширял горизонт своих знаний. После смерти отца он унаследовал титул вождя. Когда династия Цзинь объединила под своей властью три китайские империи (265 год н. э.), император, зная честность и бескорыстие Лю Юаня, назначил его китайским военачальником и главнокомандующим пятью племенами хунну.

Второй император из династии Цзинь был слабым монархом, и вскоре его плохое руководство привело страну к гражданской войне. Учитывая обстоятельства, вожди племен хунну, которым надоело переходить от одной китайской династии к другой подобно скоту, меняющему хозяев, решили пойти своим путем. В 394 году н. э. Лю Юань получил древний титул Великого шаньюя, и уже через двадцать дней его войско насчитывало около 50 000 человек. Сначала он сделал своей столицей Линьчжоу, резиденцию Хуханье Второго, и стал именовать себя принцем Хань, повелев почитать древние таблички с именами императоров Хань, то есть

относящихся к династиям Ранняя Хань, Поздняя Хань и клану Лю – всего около шестисот лет царствования. В 308 году н. э. Лю Юань стал императором и регулярно перемещал свою столицу по мере своего продвижения на юг, пока не атаковал наконец китайскую метрополию – современный Лоян. Лю Юань умер в 310 году н. э., но его сын Лю Цун захватил обе столицы – древнюю и современную, казнил третьего и четвертого императоров династии Цзинь и процарствовал девять лет. После кровавой резни на трон взошел его родственник, военачальник Лю Яо, впоследствии захваченный в плен и убитый соперником из племени хунну в 319 году н. э. Лю Цун изменил династический титул Хань на титул Чжао. Чжао – древнее название феодального государства, которое за 700 лет до описываемых событий оказало столь яростное сопротивление хунну, но чей китайский монарх в то же время перенял татарский образ жизни. Одним из наиболее выдающихся военачальников трех династий Лю был «евнух» хунну по имени Бэй, или, в китайских источниках, Ши Лэ, также ведущий свое происхождение от шаньюя Кянкюя. На руинах династии своих покровителей он основал могущественную империю, названную Поздней Чжао, она царила в Северном Китае на протяжении тридцати лет. Таким образом, хунну занимали трон императора Северного Китая всего около шестидесяти лет. По сравнению с продолжительностью правления европейских династий – например, Бонапартов – этот срок выглядит довольно внушительно. Таким образом, Китай, фигурально выражаясь, сам срубил сук, на котором сидел: заключение брачных союзов, посредством которых китайцы стремились окончательно подчинить себе татар, привело к тому, что на китайский трон взошли татарские императоры. Надо помнить, однако, что недавно колонизованные государства, расположенные к югу от реки Янцзы, никогда, даже косвенно, не управлялись татарами (за одним лишь исключением, в V веке, при династии Тоба, далеко на западе) до Кублай-хана, в XIII веке. Китайские династии всегда осуществляли руководство империей из Нанкина, Ханчжоу или других центров, в то время как резиденции татарских монархов находились на севере. И все же в этот период центр китайской политической и литературной жизни сместился, пересек Великую реку. Подобным образом мигрировали китайские диалекты. Искаженная форма диалекта, известного европейцам как «язык мандаринов», все шире стала распространяться по территории к северу от Янцзы. Из языка произведений, написанных три столетия назад, ясно, что нынешний пекинский диалект практически не изменился и что, подобно тому как из латыни под влиянием норманнов и франков развился французский язык, современный диалект мандаринов сформировался из китайского языка под влиянием татар. Разница, однако, в том, что в случае с китайским языком изменение диалекта никогда не оказывало влияния на чистоту оригинального письменного языка, который, подчиняясь древним канонам стиля, всегда оставался собой. Впрочем, со времени революции 1911 года в моду постепенно входит новый, упрощенный литературный стиль, и почтенный древний язык скоро останется, видимо, уделом пуристов.

Как и Лю Юань, наш герой – Ши Лэ – по смерти отца стал вождем одного из племен хунну, располагавшегося южнее, в современном городе Цзиньчжоу южной провинции Шаньси. Во время гражданской войны и анархии 302–304 годов он попал в плен и был продан в рабство. Однако его китайский хозяин вскоре обнаружил, что новый раб ему не по зубам. Вскоре Ши Лэ стал предводителем разбойников. После множества злоключений он стал одним из военачальников Лю Юаня, принимал участие в кровопролитных сражениях с китайцами и тунгусами, помог Лю Цуну разграбить столицу. Закончилось тем, что он казнил Лю Яо, а сам принял титул принца Чжао и впоследствии – титул императора. Он скончался в 334 году, после пятнадцатилетнего правления. Его сын и наследник пал от руки младшего брата Ши Ху, более известного как Ши Цзилун, который также царствовал на протяжении пятнадцати лет. Затем начались междоусобицы, вызванные проблемой престолонаследия, пока, наконец, в 379 году вся семья не пала от руки приемного наследника.

Ши Лэ не был посредственностью. Во многих отношениях он походил на Алариха, и китайские историки отзываются о нем с большим уважением. Он составил кодекс законов и питал почтение к буддизму. Индус по имени Буддочинга, который появился в Китае в 328 году и о котором ходит столько легенд, оказал на двор Ши Лэ и самого императора большое влияние. Под властью Ши Лэ уже на раннем этапе находилось 24 китайских округа и 300 000 дворов. Учитывая, что из-за опустошительных войн многие районы Китая просто обезлюдели, а также вероятность того, что в переписи населения участвовали только налогоплательщики, численность народа Китая составляла по меньшей мере 3 000 000 человек. После того как Ши Лэ и его преемники покорили тангутов, или тибетцев из Шэньси, границы империи сместились далеко на северо-запад. Даже независимые китайские государства, например Лянь (Ляньчжоу) в провинции Ганьсу, – приняли сюзеренитет империи. В это время, известное как период Шестнадцати государств, между тунгусами, хунну, тибетцами и китайцами разгорелась борьба за преимущество на севере. Можно провести аналогию с периодом, когда остроготы, визиготы, вандалы и другие племена набросились на Римскую империю, подвергли ее столицу разграблению и основали варварские династии в Испании, Африке и Галлии. Римский центр тяжести смещался между Константинополем на востоке и Римом на западе, точно так же как и китайская столица находилась между провинциями Шэньси и Хэнань на севере и современным Нанкином или Ханьчжоу на юге. В обоих случаях возникал один и тот же клубок противоречий, интриг и ошибок, и сходство основных линий развития истории просто поражает.

Среди тех, кто в тот период боролся за власть, был некий Цзюйцзюй Мэнсунь, чьи предки занимали пост левого чжуки-князя хунну в регионе современного Ганьчжоу. Он назвал клан Цзюйцзюй и стал правителем древних эфталитов из страны Юэчжи, или современной провинции Ганьсу. Здесь он вынужден был защищаться от набегов различных тунгусских племен и, наконец, в 433 году пал жертвой династии Тоба-Вэй, процарствовав 33 года. Нет необходимости пересказывать здесь весь его жизненный путь, но забывать об этом человеке не стоит, поскольку он, судя по всему, является в китайской истории единственным звеном, связывающим древний народ хунну с более поздними тюрками.

Помимо трех описанных выше династий хунну, существовала еще династия Ся Хэлянь Бобо на плато Ордос. Когда Цао Цао положил конец древнему обычаю избрания шаньюя, сын Юйфуло, Лю Бао, был левым чжуки-князем. Но при китайском дворе, когда там в заключении содержался Хучуцюань, пребывал правый чжуки-князь по имени Цюйби. Цюйби позволили вернуться к своему народу, и при Лю Цуне потомок нашего героя – Хэлянь Бобо, как человек царской крови, был назначен ответственным за снабжение сяньбийских армий. Однако сяньбийцы тоба, служившие китайскому императорскому дому Цзинь, были настроены враждебно по отношению к хунну и так называемому племени «белых» сяньбийцев. Победа сяньбийцев тоба над племенем «белых» вынудила Хэлянь Бобо уйти за Великую стену, где он объединил несколько племен и превратил их во внушительную силу. Брат и преемник Ши Лэ – Ши Цзилун сделал его шаньюем народа канкали, а когда его отец Лю Вэйчэнь вернулся за Великую стену, тангуты из «империи» Цзинь присвоили ему титул западного шаньюя. Эти тангуты, на протяжении полувека правившие в Чаньане, были разбиты императорской династией Цзинь. После этого тоба нанесли поражение отцу и казнили его, а сын нашел убежище у второй тангутской династии Поздняя Цзинь и получил высокий пост одного из советников царства. В 400 году всемирно известный китайский паломник Фасянь проходил через Чаньань. Восстав против своих благодетелей, Бобо провозгласил себя монархом Ся, взяв титул «Небесный Царь и Великий Шаньюй». Имя Ся происходит от Ся Юя (Великий Юй), имени основателя китайской династии Ся (2032–2025 годы до н. э.). Предполагалось, что монархи вели свое происхождение от этой династии, перешедшей на сторону татар в 1200 году до н. э. Так или иначе, этот человек, как основатель хунну, являлся связующим звеном между полумифической династией Ся и Лю Бобо. Этот последний сменил имя китайского клана – Лю – на Хэлянь – татар-

ское слово с неким возвышенным значением. Одержав победу над царством Нань (правители царства именовались Туфа, это боковая ветвь Тобы), Бобо заложил столицу на месте современного города Нинся или близ него – Тунвань. Внушительные руины этого города поражали воображение несколько столетий спустя. После гибели поздней тангутской династии от руки китайской династии Сун (столица – Нанкин) Бобо решил вступить с последней в борьбу за империю и захватил древнюю столицу Чанъань (Сианьфу). Он объявил себя императором и правил тринадцать лет. Бобо умер в 425 году, а его преемники вскоре были покорены императорским домом Тоба-Вэй, правившим северной частью Китая.

Эта сложная и запутанная история, которую трудно рассказывать, не упоминая странные имена, необходима для придания этой книге целостности. Цель ее – показать эволюцию борьбы между татарами и китайцами и проследить процессы, в результате которых варвары с севера утвердились на троне Китая. В VI веке, когда Северным Китаем правили сяньбийцы, существовал полукцивилизованный татарский народ, живший на территории древних владений Лю Юаня между реками Фэнь и Желтой. Вряд ли они были его потомками или были связаны с канкали. В любом случае они заселили эту землю, занимались разведением тутового шелкопряда и могли читать на китайском языке, хотя говорили на своем собственном. Очевидно, они проходили процесс ассимиляции, о котором уже упоминалось.

На этом мы заканчиваем первую часть, в которой было вкратце рассказана история хунну. Обратим теперь свое внимание на следующую империю – империю тунгусов, известных китайцам как сяньбийцы или ухуань.

Часть вторая Империя сяньбийцев

Глава 1 Тунгусы ухуань и сяньби

К востоку от хунну жил народ, который китайцы в древние времена называли дунху, или восточными ху. Слово «ху» в широком смысле объединяет татар, корейцев, кашгарцев, туркмен, афганцев, а также до некоторой степени сирийцев, индусов и персов. В это понятие никогда не включались японцы, тибетцы, индокитайцы и европейские народы. В более узком смысле это слово часто используется для обозначения народов, использующих санскрит или древнесирийский язык, в отличие от монголоидов или тех, кто использует китайскую письменность. Термин «восточные ху», вероятно, ограничивается корейцами и прародителями маньчжурских народов. Фактически, это народы, которых мы называем тунгусами, а также все племена, говорящие на родственных с ними языках. Вряд ли европейское слово «тунгусы» имеет прямую этимологическую связь с китайским словом «дунху», но значение их, во всяком случае, совпадает. Тюркское слово «тунгус», что значит «свинья», вероятно, обязано своим происхождением попыткам предков согласовать китайские слоги «дун-ху» со словом народа хунну, похожим по звучанию, но имевшим оскорбительное значение. Среди примечательных фактов, касающихся древних тунгусских народов, отметим то, что они разводили и ели свиней, в отличие от хунну. Подобно тому как китайцы записали название «хиун-ну» (хунну) иероглифами, означавшими «жестоких рабов», так и хунну стали называть своих восточных соседей (которых китайцы называли «дун-ху») «свиным народом». Поскольку Северный Китай на протяжении многих столетий, а также с 1644 по 1911 год находился под властью восточных ху, название «свиной народ» распространилось на китайцев, которые известны во всем мире как большие поклонники свинины. Во времена Чингисхана монголо-тюркские загатайские государства Персии называли императора Китая «свиным императором». Чингисхан и его преемники фактически сменили императоров со «свинными хвостиками» (косичками) из татарской династии Нюйчжэнь (Чжурчжэнь) или Цзинь. Китайцы никогда не носили косички, пока их не принудили к этому маньчжуры почти три столетия спустя. Даже корейские юноши носили косички до дня своей свадьбы. Таким образом, существует нечто большее, чем просто совпадение между понятиями дунху, тунгусами и свиньей. С другой стороны, может быть так, что китайцы называли своих восточных соседей дунху, потому что хунну называли их тунгусами. В поддержку этой точки зрения можно упомянуть, что выражение «*Сиху*», или «западные ху», встречается чрезвычайно редко и никогда не относится к доминиону.

В период до нашей эры ничего определенного относительно политической силы тунгусов не известно. Однако поскольку великий завоеватель хунну Модэ нанес поражение тунгусскому *государству*, тунгусы были силой организованной и, возможно, существовали бок о бок с хунну, корейцами и другими народами на протяжении многих столетий. Если у них и не было монархии, то была, по крайней мере, республика или несколько республик. После победы Модэ оставшиеся в живых тунгусы нашли прибежище у гор Ухуань в современной Восточной Монголии, отсюда, собственно, и название народа. Что до их обычаев и уклада жизни, здесь они во многом похожи на хунну: тунгусы были прекрасными наездниками и находились в постоянном движении, перегоняя свои стада на новые пастбища. У них не было постоянного места обитания, жили тунгусы в юртах, всегда обращенных на восток (юрты современных монголов обращены на юго-восток). Иногда они охотились на птиц и зверей. Основной пищей было мясо, они

пили кумыс и использовали птичьи перья для шитья одежды. Однако в одном они отличались от хунну: основной рода считалась мать и, хотя в приступе гнева им ничего не стоило убить брата или отца, сама мысль о том, чтобы поднять руку на мать, представлялась кощунственной. Убийство членами одного рода друг друга не порождало междоусобной вражды и кровной мести. Подобно хунну, тунгусы брали в жены вдов своих отцов и старших братьев. Из одного не очень разборчивого китайского источника явствует, что сыновья женились на вдовах только в том случае, если у покойного не было братьев. Если же не было ни братьев, ни сыновей, вдова переходила к дяде по отцовской линии. Предполагалось, что после смерти вдова должна была воссоединиться в загробном мире со своим первым супругом. Как и хунну, тунгусы презирали старость и немощность. Титул вождя не был наследственным, вождем становился человек мудрый, сведущий в военном искусстве и обладающий административными качествами. (В этом тунгусы опять-таки отличаются от хунну, и, как мы увидим позднее, когда перейдем к истории катаев, благодаря этому обычаю государство тунгусов превратилось в чистого вида республику, с «президентом» и, может быть, даже «вице-президентом».) У каждой общины, состоявшей из нескольких сотен или тысячи юрт, был свой вождь. В отсутствие письменности приказы передавались при помощи зазубренных кусочков дерева. У тунгусов не было длинных фамильных имен, в качестве таковых использовались имена наиболее доблестных вождей. (Как выяснится позже, династии Тоба, Мужун, Тугухунь взяли свои имена у тунгусских вождей.) У каждого человека было свое стадо и своя собственность, ни один человек не служил другому. Брачные союзы всегда начинались с тайного выкупа и похищения невесты.

Затем, через три – шесть месяцев, являлась сваха с подарками, в качестве которых фигурировали лошади, быки или овцы. Зять возвращался в семью жены, где каждый приветствовал его, но сам он никаких даров родителям не преподносил. Прожив в семье жены один или два года, он возвращался домой, наделенный щедрыми подарками. Дом и обстановка принадлежали жене, имевшей отдельную собственность. Муж советовался с супругой по всем вопросам, за исключением тех, что касались войны: отсюда обычай вести генеалогию по материнской линии. Отец и сын, мужчины и женщины – все коротко подстригали волосы. Однако по достижении брачного возраста позволено было отращивать волосы, их разделяли на пробор и собирали в пучок на макушке, поверх которого носили красочный капор с подвесками. «Они отмечают, когда птицы приносят потомство, чтобы различать времена года, а по крику определенной птицы понимают, что настало время сеять зерно. На полях произрастает просо разного рода, а также злак, созревающий в конце ноября. Они готовят что-то вроде пива, а для приготовления сброженных напитков пользуются китайскими дрожжами. Они делают луки, стрелы, седла и уздечки. Из металла изготавливают оружие, а женщины выделывают кожу, ткнут полотно и сбивают войлок. Они не имеют представления об иглоукалывании и лекарствах: больных лечат моксой (палочками для прижигания кожи) или кровопусканием, горячими камнями, заклинаниями к невидимым силам и так далее. Высшим проявлением доблести считается смерть на поле боя. Тела покрывают саваном и помещают в гробы. Покойного принято оплакивать, но погребение сопровождается танцами и песнями. Лошадей, одежду и украшения покойного сжигают, вместе с откормленными собаками, чтобы они могли последовать за покойным. Собаки считаются важной составляющей похоронного ритуала, ибо они могут привести душу к Красной горе, расположенной в тысяче ли к северо-западу от Ляодуна». «Ночью накануне похорон родственники и друзья собираются вместе и усаживаются в кружок. Собак и лошадей проводят мимо сидящих людей, а один или два плакальщика бросают им пищу. Двое мужчин произносят заклинания, чтобы душа могла беспрепятственно, без страха перед вампирами достичь Красной горы. Затем лошадей, собак и одежду сжигают. Этот народ испытывает сильный страх перед духами и призраками. Они поклоняются Небу, Земле, Солнцу, Луне, планетам, горам, долинам и доблестным вождям, перешедшим в мир иной. В их честь закалывают быков и овец. Перед едой или питьем совершают благодарственное приношение.

По их обычаям, за неподчинение вождю или постоянные кражи виновный приговаривается к смерти. Клань сами карают своих убийц, однако, если кровная месть затягивается на длительное время, за разрешением вопроса обращаются к главному вождю. В качестве компенсации за отнятую жизнь от виновника принимают быков и овец. Нет преступления в том, чтобы убить отца или старшего брата. В случае если ни один клан не соглашается принять дезертира или бунтовщика, схваченных главным вождем, их отправляют в пустыню, кишашую змеями, с северо-востока иногда появляются кочевники Кульджи, а с юго-запада – канкали».

После завоевательных походов Модэ количество орд и их мощь значительно сократились. Они принуждены были платить хунну регулярную дань быками, лошадьми и овцами. Если дань не была готова к условленной дате, хунну уводили жен и детей. Однако после крупной победы китайцев над хунну в 120 году до н. э. ухуань были оттеснены в теперешнюю северную часть провинции Чжили между Калганом, Долонором, Джехолом и Мукденом. Здесь они служили китайцам разведчиками и являлись чем-то вроде буферного государства. Главный вождь или вожди раз в год являлись к китайскому императору. Китай назначал своего наместника, который должен был надзирать за ухуань и препятствовать их контактам с хунну, точно так же как маньчжурский амбань (титул высших китайских чиновников) следил за тем, что происходит в Тибете. В период между 86 и 73 годами до н. э. ухуань окрепли, набрались сил и даже осмелились осквернить могилы шаньюев, желая отомстить за все зло, что Модэ причинил их народу. В результате они потерпели поражение, а китайцы, как мы уже видели, воспользовались этой возможностью, чтобы пнуть лежачего. Попытки совершения набегов окончились неудачей. Ухуань постепенно склонялись к союзу с Китаем и, наконец, присягнули ему на верность. Это почти все, что мы знаем об истории народа ухуань в период до начала нашей эры.

В процессе подготовки своей крупномасштабной экспедиции, призванной покончить с хунну, узурпатор Ван Ман направил военачальника (того самого, кто возражал против непрактичности такого подхода) к ухуань, чтобы набрать там боеспособное войско. Жены и семьи солдат остались на попечении префектов в качестве заложников. Ухуань вскоре устали ждать, кроме того, им не по вкусу пришлись смена климата и перспектива надолго застрять в незнакомой стране. Они подняли мятеж и ударились в грабежи, вследствие чего все заложники были хладнокровно убиты. Произошедшее в очередной раз побудило большую часть вождей перейти на сторону хунну и вызвало чувство жгучей ненависти к Китаю, на границы которого ухуань стали совершать набеги вместе с другими татарскими племенами. День ото дня росла сила народа ухуань. Постепенно им удалось оттеснить соперников к северу пустыни. Отправив свое войско в поход против ухуань (45 год н. э.), основатель Второй династии, или династии Поздняя Хань, лишь усугубил ситуацию. Впрочем, путем подкупа и обещаний титулов и подарков китайцы вынудили (49 год н. э.) народ ухуань расселиться вдоль Великой стены на территории от Северного Шаньси, близ современного Пекина и до границ с Кореей: здесь они по-прежнему выполняли обязанности разведчиков, действуя против хунну и сяньбийцев, о которых чуть позже. Китай снова назначил наместника, резиденция которого располагалась недалеко от Калгана. Был даже разработан план по управлению народом ухуань. Автором его был Бань Бяо – умудренный опытом государственный деятель, сочинивший дипломатическое послание, призванное урегулировать взаимоотношения двух соперничавших между собой шаньюев. В течение двух последующих столетий ничего важного в жизни ухуань не происходило. По-прежнему совершались набеги, вспыхивали гражданские войны, заключались союзы, плелись интриги вместе с хунну и против них, поднимались восстания и происходила миграция населения. Однако никаких существенных сдвигов не было, как не было и выдающегося человека, способного выявить скрытый потенциал ухуань. Фактически ухуань так никогда и не достигли сколько-нибудь значимого положения, в отличие от своих родичей сяньбийцев, о которых мы сейчас и поговорим.

Глава 2

Империя сяньбийского завоевателя Таншихая

После того как великий Модэ сокрушил древнее государство дунху, сяньбийцы, подобно народу ухуань, нашли приют в горах Восточной Монголии и взяли себе имя холмов, на которых поселились. Сяньбийцы жили к северо– востоку и граничили с народом ухуань. Вероятно, они расселились по степным холмам к западу от реки Ляо и южнее Шара-Мурена. Язык их и обычаи незначительно отличались от языка и обычаев ухуань. Однако была у дунху одна особенность – перед вступлением в брак они брили головы. Эта процедура, которая, видимо, касалась только молодежи, проходила на большом собрании, созываемом в третий месяц весны, ближе к маю, когда на берегу реки устраивались празднества и заключались брачные договоры. Собрание созывалось и в восьмой лунный месяц, когда все трижды объезжали верхом вокруг рощи или символического пучка веток, после чего получали в собственность скот. У дунху были животные, неизвестные китайцам, например дикие лошади, дикие овцы (аргали) и овцебыки, из рогов которых делались луки. (Когда Чингисхан отправился в поход на Индию, на пути его войска встретилось одно из этих странных животных, и великий полководец отказался от своих планов, сочтя это плохим предзнаменованием. Возможно, он был поражен, увидев животное, которое, как он думал, водится только в его стране.) Кроме того, сяньбийцы разводили бобров, соболей и сурков, чей прекрасный мех славился по всему миру, тогда, как и теперь, из него шили великолепные шубы. Предполагается, что до 45 года н. э. у сяньбийцев не было никаких взаимоотношений с Китаем. Незадолго до того дунху вместе с хунну и ухуань совершали набеги на империю. Однако китайцы, приобретающие все большее влияние в Северной Корее, нанесли альянсу сокрушительное поражение. После этого китайцы иногда нанимали дунху для охоты на их бывших союзников, выплачивая вознаграждение в Ляодуне. (Здесь дунху, возможно, встречались с японцами, привозившими дань Китаю. Китайцы узнали о Японии лишь незадолго до этого. Как мы вскоре увидим, японцев и дунху связывали весьма любопытные экономические отношения. Фактически в письменных источниках утверждается, что японские вожди и царьки с Корейского полуострова явились к китайскому наместнику, чтобы выразить ему свое почтение в связи с сокрушительным поражением, которое он нанес сяньбийцам. Япония, тщившаяся доказать древность своего государства, в тот период представляла собой скопление мелких полуварварских государств, управлявшихся вождями. Такая же ситуация сложилась и в Корее, но в сравнении с японцами корейцы были более развиты. В южных районах Кореи все еще жило некоторое количество японцев. Сами японцы утверждали, что завоевали часть Кореи, однако это утверждение далеко от истины. В доисторические времена корейские племена, пришедшие из нынешней Южной Маньчжурии, изгнали японцев из Кореи. На самой нижней ступени цивилизации в XI веке стояли предки татар нунчжэней и нынешних маньчжуров. Они занимали территорию к северу от Кореи, восточнее сяньбийцев, южнее реки Амур и западнее океана. Это был довольно дикий народ, занимавшийся разведением свиней, живший в норах и питающийся сырым мясом: несмотря на это, они были известными пиратами и непревзойденными охотниками, для набегов на корейское побережье использовали лодки. Я не ставил перед собой цель рассказать в этой книге об истории Маньчжурии, Кореи и Японии, поэтому достаточно будет лишь упомянуть об их существовании.)

Воспользовавшись сокрушительным поражением, нанесенным северным хунну племянником императрицы, и последующим исчезновением их шаньюя, сяньбийцы заняли опустевшие земли. Здесь осталось около 100 000 юрт хунну, а жалкие остатки этого народа, с целью сохранения мира, с готовностью назвали себя сяньбийцами. Этот случай показывает, насколько стремительно проходила ассимиляция кочевых народов. Если судить по конструкции языка, в глубокой древности хунну и тунгусы принадлежали к одной семье, а в рассмат-

риваемый нами период различия между укладом жизни и обычаями двух этих народов были не столь значительными, как различия между сяньбийцами и предками нойчжэней. Сходство языка последних в основных чертах с языком солонов – потомков сяньбийцев – признавали даже императоры поздней маньчжурской династии. Мы сможем лучше представить себе ситуацию того времени, если вспомним положение, в котором находились Англия и Франция – их правящие сословия, население и язык – в период правления Плантагенетов, когда провинции и даже страны переходили из рук в руки так часто, что невозможно было определить, где, собственно, заканчивается англичанин и начинается француз, хотя различия между двумя этими народами всегда были достаточно существенными.

По мере того как слабели южные шаньюи и исчезали северные монархи, их место на китайской границе занимали сяньбийцы, представлявшие внушительную угрозу Китаю. Несмотря на это, постоянно происходили провоцируемые китайцами конфликты между двумя соперничающими кочевыми народами или конфликты междоусобные, в рамках одного народа. Следить за тем, как на протяжении целого столетия плелись интриги, – занятие неблагодарное. Пусть читатель сам обрисует себе положение: распри между соперничавшими друг с другом вождями, пограничные набеги, убийства, рабство, опустошение, уничтожение, подкупы и заключенный на скорую руку, непрочный мир. Все это повторялось до тех пор, пока на сцене не появился великий Таншихай. За трехлетнее отсутствие некоего сяньбийского вождя, пребывавшего у хунну, его жена родила сына. Естественно, у вождя было свое представление о том, кто мог быть отцом ребенка, он даже хотел убить незаконнорожденного младенца. Однако мать сумела переубедить мужа, состряпав чудесную историю о непорочном зачатии. Ребенка вверили попечению слуги. Мальчик рос, демонстрируя недюжинную храбрость, силу и ум. В возрасте 15 лет он в одиночку сумел вернуть скот, принадлежавший его родственникам по материнской линии и угнанный вождем соседнего племени. После этого он составил свод запретительных норм, и никто не ставил под сомнение мудрость и справедливость выносимых им решений. В результате совсем скоро его избрали вождем. Столица его находилась на самом севере современной провинции Шаньси, возможно, недалеко от столицы бывших южных шаньюев, которые как раз в это время исчезли из истории. Со всех сторон под его знамена стекались вожди, и совсем скоро его армия достигла внушительных размеров. Он оттеснил канкалы к северу, северных корейцев вынудил отступить на восток, атаковал кочевников Кульджи на западе и вскоре обрел власть над древними доминионами хунну. Его империя протянулась на более чем 6400 километров с востока на запад и почти на 3200 километров с севера на юг. Гиббон говорит, что после поражения, нанесенного сяньбийцами, в Согдиане появились первые поселения гуннов (под которыми он имеет в виду хунну). Этот народ называли эфталитами и нефталитами, а также «белыми» гуннами из-за изменения цвета лица в результате межнациональных браков. Столицей их был Горго, или Хорезм. Эти сведения (которые Гиббон взял из сочинений французского иезуита Дю Хальда и др.) неоднократно повторялись и другими авторами, плохо знакомыми с темой. Мы уже знаем, что эфталиты (благодаря их царю Канишке и его преемникам буддизм проник в Китай) – это древние юэчжи, которых хунну оттеснили на запад за три столетия до появления на свет Тансихая. По словам Гиббона, первое упоминание о гуннах в европейских источниках встречается в 330 году, автором его был Дионисий Харакский. Поскольку империя сяньбийцев дожила до 200 года, а хунну как кочевой народ после этой даты практически исчезли, резонно будет предположить, что хунну, исчезнувшие из Китая в 200 году или раньше, – это гунны, появившиеся в Европе в 300 году. Проведя в Европе около ста лет, гунны вернулись в Азию, где стали одним из племен западных тюрков. Между прочим, даже в маньчжурские времена орды элеутов мигрировали из региона Тарбагатай к Волге, а китайцы об этом переселении даже не подозревали. Когда в 1755 году император Цяньлун разбил империю элеутов, то же племя, известное как тургуты, незаметно

вернулось на занятую маньчжурами землю и в 1771 году расселилось на берегах реки Юлдуз. Впрочем, это уже другая история.

Теперь Таншихай вызывал у Китая серьезное беспокойство, поскольку все активнее завоевывал горы, долины, топи и солончаки. Китайский император, правивший в период со 146 по 167 год н. э., послал против Таншихая армию, к которой присоединился и шаньюй хунну. (Здесь речь идет не о том периоде, когда исчез шаньюй.) Увидев, что силой проблему не решить, китайцы вынуждены были прибегнуть к другим средствам – к Тансихаю был отправлен посол, он привез печать и титул принца. Однако Таншихай был совершенно равнодушен к пышным китайским титулам, он больше полагался на свою силу и стал совершать набеги с удвоенной страстью. Следуя древнему прецеденту хунну, он разделил свою империю на три неравные части. Восточная часть занимала почти всю территорию современной Маньчжурии до моря. Северные корейцы, владевшие большей частью Ляодуна, всегда декларировали свою независимость, хотя и были изгнаны со своей древней земли в верховьях Ляо. Центральная часть империи – древняя земля тунгусов – лежала между Ляо, Шара-Мурен и Великой стеной. Западный доминион простирался до Кульджи. В общей совокупности число поселений или племенных стоянок в этих трех доминионах доходило до пятидесяти, при этом на территории центральной части было десять поселений, а в двух других – по двадцать. Одного из вождей центральной части звали Мужун. Впоследствии мы узнаем, что это имя стало клановым именем могущественной полукитайской династии, хотя со временем происхождение имени клана забылось. Подобным же образом один из вождей западной части империи, сына которого звали Шамо-хан, был не только предком знаменитой династии Тоба, на протяжении нескольких столетий правившей Северным Китаем, но и первым использовал титул «хан». Впоследствии тюрки часто использовали этот титул в видоизмененной форме – «хакан» (каган). Это слово в его первоначальной форме вело свое происхождение от тунгусов.

Таншихай продолжал укреплять свое положение, около дюжины военачальников, действовавших в качестве его губернаторов или наместников, находились всецело в его руках. Он продолжал совершать опустошительные набеги на территорию Китая. Не проходило и года, чтобы он не вторгся на китайскую землю. Наконец в 177 году н. э. китайцы совместно с южными хунну организовали крупномасштабную экспедицию. Войско прошло около 900 километров, чтобы сразиться с Тансихаем. Однако, как мы уже говорили, результаты этой кампании были плачевными – погибло почти девяносто процентов людей и лошадей. Население Шэньси продолжало расти с такой пугающей быстротой, что Таншихай понял – всех охотничьих трофеев, стад и скудного урожая не хватит, чтобы прокормить народ. Японцы уже имели хорошую репутацию в Китае как специалисты в рыбной ловле и искусные ныряльщики. Таншихай перевез в свою империю более тысячи японских семей, они должны были заниматься рыболовством на одном из озер Восточной Монголии. Озеро достигало 160 километров в окружности и кишело рыбой, но местное население не владело искусством рыболовства. В этот период китайское название «Япония» было еще неизвестно, люди, присвоившие себе это название (означающее «восходящее солнце») четыре столетия спустя, в то время назывались «во» – «сгорбленные люди», или «карлики»: один из авторов использует иероглиф, обозначающий «грязный». По некоторым сведениям, Таншихай напал на страну Во, чтобы захватить ее народ. История представляется довольно странной. Известно также, что вывезенные из Японии семьи и их потомки жили на берегах озера на протяжении нескольких столетий, по крайней мере до V века, когда была написана история династии Поздняя Хань. Китайский государственный деятель того времени отметил одну особенность, касавшуюся сяньбийцев: он утверждал, что они помимо энергичности обладают развитым умом. Эта черта характерна для тунгусских народов, ярким примером тому могут служить первые четыре императора маньчжурской династии. На поле сражения эффективностью своего оружия и резвостью своих скакунов сяньбийцы превосходили хунну.

Преемники Таншихая не шли ни в какое сравнение со своим великим предком. Он скончался примерно в 190 году, в возрасте сорока пяти лет. Его преемником стал сын Холян. Помимо того что Холян обладал весьма скромными умственными способностями, он к тому же был человеком алчным, распутным и несправедливым в своих суждениях. Неудивительно, что народ вскоре поднял мятеж против своего повелителя, павшего от руки неизвестного. Затем последовал период семейных междоусобиц. Наконец, повелителем сильно сократившегося народа стал племянник Холяна по имени Будугень, а его брат Фулохань с горсткой людей отправился на поиски лучшей доли. Вождь одного из племен по имени Кэбинэн также претендовал на власть. Через некоторое время он избавился от обоих братьев и благодаря своей энергичности, храбрости и справедливости обеспечил себе приход к власти. Выборность вождей, в отличие от наследственного престолонаследия хунну и тюрков, всегда была отличительной особенностью сяньбийцев и их потомков катаев. Кэбинэн прекрасно знал китайскую письменность и, следовательно, мог построить управление государством по китайскому образцу. В этот период династия Поздняя Хань неумолимо двигалась к своему краху. Опасаясь неизбежной анархии, тирании и междоусобных войн, многие китайцы переехали на территорию сяньбийцев, научив их изготавливать новое оружие, щиты, плести кольчуги. Однако, несмотря на все свои достоинства, Кэбинэн так и не сравнялся с Тансихаем, после смерти которого сяньбийская империя фактически распалась. Кэбинэн вынужден был бороться за власть со своим братом Сули и с некоторыми восточными вождями своего народа, среди которых был и Шамохан, считающийся одним из прародителей славной династии Тоба. Был и еще один вождь по имени Татур, который в этот период претендовал на власть, он даже сравнивал себя с великим завоевателем Модэ. Однако Татур – судя по всему, такое же имя носило и его племя – потерпел сокрушительное поражение от известного нам Цао Цао, фактического основателя династии Вэй. Татур вряд ли заслуживал бы упоминания на страницах этой книги, если бы не тот факт, что от его имени произошло слово «татарин», которым стали называть племя или племена, сформировавшие ядро могущественной Монгольской империи. В XII веке встречаются упоминания о белых татарах, живших близ Тендука Марко Поло, то есть в том же месте, где поселилось «белое племя» сяньбийцев. В Северном Китае монголов и маньчжуров называли «та-цз» – уменьшительное от «та-та», а в истории династии Мин (1368–1644) монголы именуется «та-та».

Хотя ранние тунгусы во многом превосходили своих соперников хунну, на первом этапе своей истории, за исключением блестящего правления Таншихая, они не продемонстрировали свою политическую мощь так, как это сделали хунну. Как и в случае с немцами или саксами, демократические принципы сяньбийцев препятствовали объединению империи до тех пор, пока внешние обстоятельства и процессы ассимиляции не изменили ситуацию. Тюркам удалось занять трон китайских императоров, но как правители они себя дискредитировали: с политической точки зрения тюрки не сделали ничего выдающегося. Однако династия Тоба-Вэй (386–550) считалась весьма уважаемой полукитайской династией: пока катаи и ньючжэни отстаивали свои права, крошечное племя маньчжуров дало Китаю одну из лучших династий.

Глава 3

Сяньбийцы становятся владыками Северного Китая

Мы уже видели, что к концу II века сяньбийцы овладели всей древней империей хунну. Впоследствии они захватили долины рек Чу, Тола, Керулун, Орхон, а также нагорье Хангай – вторую крышу мира и колыбель всех татарских народов. Предполагают также, что и арийская раса зародилась в горах Бактрии и Памира. Три странствующих сяньбийских племени пришли с севера пустыни. История гласит, что старик из племени цифу подобрал на дороге брошенного ребенка, который впоследствии стал вождем племени и получил титул Цифу Гожэнь. Последнее слово означает «свободный человек». К 265 году н. э. сяньбийцы заселили восточные районы современной провинции Ганьсу, и уже через несколько поколений их численность достигла 100 000 юрт. К этому времени Ши Лэ уже разбил хунну и предпринимал попытки расширить свою империю на запад. Племя цифу вверило себя попечению тангутского правящего дома, который как раз в это время пытался основать империю на западе Китая: основателем этой династии был полководец, служивший под началом Ши Лэ. Тангутский император, или «Небесный принц», даровал вождю племени цифу титул южного шаньюя. Когда правящий китайский дом Цзинь нанес тангутскому монарху беспрецедентный сокрушительный удар в северном районе провинции Аньхой, вождь племени цифу объявил себя правителем Западного Цзинь и правил на протяжении 46 лет. Всемирно известный китайский путешественник Фасянь по пути в Афганистан и Индию проходил через государство Западная Цинь. Путешествие его началось в Чанъань в 399 или 400 году. Следует упомянуть, что в Пешаваре Фасянь обнаружил некоторые реликвии Канишки (15 год до н. э. – 45 год н. э.) и других эфталитов. Миновав Западную Цинь, Фасянь пересек и другое сяньбийское царство – Туфа (Нань или Южная Лян). В этимологическом плане это название тождественно слову «Тоба»: в любом случае окончательно доказано, что цари Туфа, или Южной Лян, и императоры Тоба из Северного Китая вели свое происхождение от одного сяньбийского предка. Туфийцы заселили запад около 270 года н. э., но могущественным государством стали лишь к 397 году. Их вождь принял древний титул Великого шаньюя. Однако после нескольких сражений с семьей Цзюйцой, о которой упоминалось в предыдущей главе, царство Туфа было поглощено Западной Цинь, которая, в свою очередь, была разбита тангутами и Хэлень Бобо из народа хунну. Этимология слов «Туфа» и «Тоба», как и «Мужун», неоднозначна, к тому же у этих слов много значений, одно из которых, к примеру, «бритые головы». Однако вероятнее всего, эти слова происходят от эпонимов (имен вождей).

Далеко на востоке жило еще одно сяньбийское племя, называемое юйвэнь. В 317 году оно заняло территорию Ляодуна. Столица находилась близ современного Ляояна.

Есть сомнения в том, что это племя было чистокровным, поскольку их собственная история, написанная два столетия спустя, в период, когда вожди этого племени стали императорами Северного Китая, связывает их с южными шаньюями. Через семьсот лет ветвь этого племени, называемая «кумоси», объединившись с катаями, образовала великую империю. Известно, что, хотя они во многих отношениях походили на катаев, языки их различались. Как бы то ни было, еще в тот период, когда кумоси были небольшим племенем, они решительно заявили о том, что язык их значительно отличается от других сяньбийских языков. Примечательно также, что они коротко стригли волосы вместо того, чтобы носить на затылке пучок. Женщины носили длинные платья до пят, и больше ничего. Второй вождь стал таким могущественным, что решил померяться силами с великой семьей Мужун. Однако сражение за сражением сяньбийцы терпели поражение, вынуждены были отступить на север пустыни и, наконец, нашли приют в Корее. Победитель поселил на территории близ современного Джехола племя численностью 50 000 юрт. Впрочем, вскоре это племя рассеялось и исчезло из истории, за исключе-

нием одной-двух способных личностей, добившихся высоких постов. Один из них во главе 300-тысячного войска отправился в поход на Корею, а его сын убил слабоумного императора династии Суй, сделавшего попытку завоевать племя в начале VII века.

Еще одно сяньбийское племя, привлекающее к себе внимание, – это племя дуань. Пра-родителем его стал раб ухуаньского вождя. Однажды на совете вождей, куда каждый по обычаю того времени принес с собой плевательницу, хозяин нашего героя обнаружил, что забыл эту полезную вещицу, и в качестве плевательницы использовал рот своего слуги. Подобное унижение (или честь?) вдохновило раба на подвиги. Во время голода его отправили во главе небольшого отряда на поиски пищи. Он воспользовался этой возможностью, чтобы собрать вокруг себя всех недовольных жизнью бродяг. Через некоторое время его племянник и преемник уже имел в своем распоряжении 50 000 конных лучников, а китайский дом Цзинь (265–420), всюду искавший союзников, даровал ему печать, а также титулы Великого шаньюя и Владыки Ляоси. Одна из семей по имени Дуань сошлась на поле сражения с владыкой хунну Ши Лэ и в течение некоторого времени удерживала современный Пекин. В конце концов эта семья, известная как Дуани с реки Ту (в современном Цзиньчжоу), потерпела поражение от соперника – сяньбийского правящего дома Мужун, и большое число их сторонников погибло. Следует отметить, что в этот смутный период тибетец по имени Лю Гуан, основавший династию в Ляне, привез с собой много имущества из Кучи. Куча была оседлым и цивилизованным полуиндусским государством и крупным центром буддизма. Именно отсюда в Китай пришли Кумараджива и другие известные бонзы.

Одним из самых прославленных сяньбийских правящих домов был Мужун, около 220 года занявший территорию Ляоси. Существует множество любопытных толкований происхождения этого слова. Однако, как мы только что увидели, во время правления Таншихая имя Мужун носил вождь племени. Как утверждают китайские историки, этот народ использовал только те клановые имена, что вели свое происхождение от имен их вождей. Ввиду этого все прочие толкования можно отвергнуть. Глава семьи верой и правдой служил династии Вэй и Цао Цао, за что ему был пожалован титул принца. Свою резиденцию он устроил в современном Тумете (Монголия). Его внук получил титул шаньюя сяньби и, вернувшись в Ляодун, постепенно проникся китайскими идеями. Из-за разногласий по поводу пастбищ Тугухунь, или Туяхунь, старший сын этого внука, мигрировал на запад, в район Кукунор, где основал могущественное государство. Младший сын, Мужун Хуэй, человек большого таланта, остался управлять своим народом и в 289 году переехал ближе к реке Ту. Однако вскоре он начал тосковать по своему старому дому в стране Тумет и в 294 году вернулся туда. Здесь он научил свой народ земледелию и разведению тутового шелкопряда, поощрял переселение китайцев в свои владения и, благодаря великолепно отлаженной административной системе, вскоре привлек к себе тех, кто был недоволен правлением династии Цзинь. Мужун Хуэй принял титул Великого шаньюя, древний титул хунну. Как гласит история, в древности у сяньбийцев не было верховного правителя, мысль об избрании такового даже не приходила им в голову, да и в языке у них не было слова, обозначающего такого правителя. В то же время упомянутый Мужун Хуэй исправно платил дань династии Цзинь, придворных ученых которой он часто приглашал к себе. Его сын, Мужун Хуан, тоже был способным правителем и отважным полководцем. В 317 году Вторая, или Восточная династия Цзинь, не в силах сдержат натиск татар, перенесла столицу через реку Янцзы, в современный Нанкин. Мужун Хуан теперь именовал себя принцем Янь (страна вокруг Пекина) и в 345 году перестал пользоваться календарем Цзинь – это означает, что он использовал свою собственную датировку. Соответственно, он считается основателем династии Янь, просуществовавшей до 407 года. В течение некоторого времени его столица располагалась на месте современного Тинчжоу в провинции Чжили. Следует помнить, что правящая семья Ши из народа хунну была истреблена приемным наследником – этот наследник изменил свое династическое имя с Чжао на Вэй, но был разгромлен и казнен Мужунами, объ-

явившими себя императорами. В этот период существовало три империи: китайская Цзинь на юге, тангутская Цзинь на западе и сяньбийская Янь на севере. В 367 году последняя оккупировала вторую из древних китайских столиц, теперь известную как город Лоян. После различных злоключений, перемещений, переделов и поражений последняя ветвь семьи – Южная Янь – пришла в упадок: ее столица в современной провинции Шаньдун была захвачена основателем новой китайской династии Сун (420–473), а свергнутый монарх Мужун Чжао казнен в Нанкине. В связи с этой династией Мужун стоит упомянуть один факт: рассказывают, что они вынудили своих родичей – катаев и кумоси – искать убежище между рекой Сунгари и пустыней, откуда они некоторое время спустя явились, чтобы образовать свою собственную династию.

Наиболее успешным из сяньбийских правящих домов был дом Тоба, который в исторические времена обосновался к западу от племени юйвэнь, между Пекином и Датунем. В 315 году китайская династия Цзинь пожаловала Илу, вождю одного из племен тоба, жившему западнее всех, титул китайского принца Дай (т. е. страны близ Датуня) за его услуги по борьбе с хунну и белым племенем сяньбийцев; в то же время его обеспечили целым штатом чиновников. Его внук Шенгянь был первым, кто ввел свою датировку правлений. В распоряжении этого принца находилось около 500 000 татар. Его внук Тоба Гуи был первым настоящим императором выдающейся династии Северная Вэй, существовавшей одновременно с целой группой китайских династий юга. Всего в династии (386–535) было пятнадцать императоров, в большинстве своем талантливых правителей. Столица сначала находилась в Датуне, а впоследствии была перенесена в Лоян. Первые два императора вынуждены были делить север Китая с сяньбийскими императорами Мужун из династии Янь на востоке, с тангутскими императорами из династий Цзинь и Поздняя Цзинь на западе и хунну, или семьей Хэлянь с плато Ордос, пока, наконец, эта династия не была уничтожена в 428 году сяньбийцем Тугухунем из Кукунора. Стоит упомянуть один обычай, характерный для династии Тоба, – они казнили императрицу, как только ее сын официально объявлялся наследником престола. Сомнительно, чтобы это было частью традиции сяньбийцев, согласно которой генеалогия велась по материнской линии. Существовал также обычай отливать из металла портрет императрицы или наследника – в случае если отливка удавалась, правление обещало быть благоприятным. Второй император Тоба, как говорят, был рыжебородым, это позволяет предположить, что в нем текла и корейская кровь, и отвергает предположение о том, что в жилах современных безбородых монголов течет кровь сяньбийцев.

В 423 году династия Тоба построила еще один участок Великой стены протяженностью около 1100 километров, он не был нанесен на карты, но, по-видимому, тянулся с севера на юг почти вдоль границ провинций Ганьсу и Шэньси: целью строительства было желание защитить себя от атак могущественного племени юйвэней, которое в то время боролось за власть с канкали. Третий император Тоба – Тайуди (432–451) захватил доминион Цзюйцзюй в государстве Лян (439 год), а также империю Мужун на востоке; помимо этого он находился в состоянии постоянной войны с китайской империей Сун на юге. Надо отметить, что государство Лян в этот период представляло собой высокоцивилизованный центр, поддерживающий разносторонние отношения с Туркестаном. Тоба сами направили послов в Ташкент. Тот же император инициировал изучение конфуцианской доктрины и преследовал буддистов, чьи храмы под маской религии превратились в приюты для бродяг. Во время правления этого императора армии Тоба лавиной обрушились на современную провинцию Аньхой, они даже достигли реки Янцзы напротив современного Цзиньцзяна. Около 460 года при содействии ученых из государства Лян был введен новый календарь. В 483 году Тоба, быстро перенимавшие китайский образ жизни и мышление, последовали примеру китайцев и публично запретили брачные союзы между членами одного клана. В 495 году было запрещено носить татарскую одежду, использовать татарский язык, стандарты мер и весов. В 476 году древнее династическое имя

Тоба было заменено китайским Юань – его же 780 лет спустя принял Кублай-хан. Император начал издавать свои указы на китайском языке и повелел уничтожить все древние книги. Остро встала проблема с клановыми именами – теперь каждый член клана должен был иметь то, что мы называем фамилией. Шесть фамилий, или клановых имен, стояли особняком – это была местная аристократия, а отделение ее было вызвано, скорее всего, подражанием четырем древним аристократическим кланам хунну. Некоторые императоры Тоба покровительствовали одной религии, другие выбирали иную, но в 518 году в Кандагар был отправлен посол с целью приобретения буддийских книг. Обычай казнить императрицу после объявления законного наследника постепенно вышел из употребления. Сяньбийский татарин китайского происхождения по имени Гао Хуань (Шэньу) стал плести интриги против Тоба, желая захватить власть. Это был известный Сяоуди, умерший в 549 году. В 550 году сын Гао Хуаня основал Северную династию Ци. Видимо, из посмертного титула его покойного отца японцы вывели имя Дзимму, назвав так одного из своих мифических императоров: они, конечно, слышали о Дзимму или Шэньу, прославившихся среди своих соплеменников, занимавшихся рыболовством в Восточной Монголии. В 543 году восточные Тоба решили построить в Шаньси вторую Великую стену, южнее первой, чтобы сдерживать набеги кочевников. В 545 году они отправили послов к тюркам, которые лишь недавно заявили о себе как о внушительной силе, но по-прежнему жили на древней территории Цзюйцзюй между Ганьчжоу и Ланьчжоу в провинции Ганьсу. В 534–535 годах династия Вэй раскололась на две части – западную династию Юйвэнь с резиденцией в Гуаньчжуне в современной провинции Чжили и восточную династию Гао в Лояне и Линьчане в современной провинции Хэнань. Несколько лет спустя сыновья двух этих искателей приключений объявили себя императорами династий Северная Чжоу и Северная Ци соответственно. Последняя находилась в Сианьфу. На смену обеим династиям пришла блестящая, но недолго просуществовавшая китайская династия Суй (581–618). Таким образом, из сказанного выше ясно, что на протяжении 300 лет сяньбийцы в качестве законных императоров владели северной половиной Китая, а до того в течение ста лет правили совместно с хунну и тангутами. В 555 году династия Северная Ци наняла 1 800 000 человек для постройки Великой стены от современного Пекина до Датун: как раз тот участок стены, которым обычно любят туристы. Однако он на 800 лет младше Великой стены, построенной Мэн Тянем. Последний император Тоба переправился через реку Янцзы в ее верховьях, а в 555 году династия Западная Вэй положила конец китайской династии Лян. Столицей Лян был тогда город Кинчжоу, находившийся между Ханькоу и Ичаном (там, где маньчжуры до последнего (до 1911 года) держали татарский гарнизон). В 1913 году китайский иезуит, преподобный Матиас Чан, опубликовал любопытный труд, названный «Tombeaux des Liang» («Гробницы Лян») с прекрасными иллюстрациями, демонстрирующими состояние гробниц на то время. В течение короткого времени две соперничающие татарские династии номинально владели практически всем Китаем, марионеточный китайский император юга находился в вассальной зависимости от татарских монархов. Император династии Северная Ци уничтожил почти весь императорский дом Тоба, насчитывавший 721 человека, за исключением одного. Возможно, именно благодаря этому варварскому деянию китайцы приняли обычай вырезать наследников каждой свергнутой династии: маньчжуры, впрочем, не только пощадили, но и берегли гробницы династии Мин. В 577 году император династии Северная Чжоу захватил столицу своего соперника и в свою очередь казнил всю его семью. Основатель династии Суй погубил всю династию Северная Чжоу. Так завершился исторический период, который можно назвать первым актом тунгусско-татарского правления в Китае. Северная ветвь сяньбийцев пала под натиском тюркского ига, чтобы в X веке возродиться под названием «катаи», чьими представителями, по мнению маньчжурских императоров, являлись «солоны-маньчжуры», четыре *аймака* которых постоянно проживали у реки Хоргос. Южная ветвь, как мы сейчас увидим, жила в полной изоляции, а потом след ее затерялся в

песках пустыни. Лишь немногие представители этой ветви, которая никогда не рождала императоров, перешли под власть уйгуров.

Глава 4

Сяньбийцы тугухунь, или тугухунь, из Кукунора

На страницах этой книги уже упоминалось об отделении Тугухуна от младшего брата, оставшегося править своим народом. Звали этого младшего брата Жологуй, его отец носил имя Шэгуй с реки Ту. Тугухунь сказал своему младшему брату: «Если ты сердишься на меня, потому что мои лошади покусали твоих, значит, мы не сможем жить мирно, так пусть между нами будет несколько тысяч километров». После этого, несмотря на раскаяние и извинения младшего брата, Тугухунь отправился на запад провинции Северная Шаньси, откуда во время волнений, которыми сопровождался переход от Западной (Лоян) к Восточной (Нанкин) династии, он снова двинул свои орды на запад, в регион между реками Тао и Желтой, восточнее Кукунора. Здесь он основал доминион, территория его охватывала мрачный Цайдам и даже часть Северной Сычуани. «Земля их почти круглый год покрыта снегом, за исключением 6-го и 7-го лунных месяцев, когда приходят страшные ураганы с градом. Ветер поднимает в воздух тучи пыли и мелкие камни. Здесь растет пшеница (или ячмень), но нет риса. На озере Кукунор есть небольшой островок, и каждый год, когда озеро замерзает, на остров перегоняют несколько прекрасных кобыл, а на следующий год приходят за жеребятами. Для этой цели Тугухунь приобрел несколько великолепных персидских кобыл, их жеребята славятся своей резвостью, их называют «жеребятами Кукунора». Внук Тугухуна отказался использовать личное имя предков в качестве имени клана и народа, поскольку был первым, кто покинул древнюю резиденцию своего народа близ Джехола. Первые пять или шесть монархов народа тугухунь были людьми образованными и обладали административными способностями. Это еще раз доказывает, что сяньбийцы одними из первых подпали под благотворное влияние. Все чиновники и полководцы тоже получили образование. Шестой правитель включил в свои владения внушительную часть тибетской территории. Он убедился, что одна из рек, протекающих по его владениям, после Баонинфу и Чунцина впадает в Янцзы и несет свои воды через Южный Китай к морю. Он отправил послов в Нанкин, к династии Сун с предложением дружбы. Седьмой царь напал на народ Хэляня после того, как Тоба изгнали его из древней китайской метрополии. Восьмой царь потерпел поражение от третьего императора Тоба и, бежав на запад, разбил часть Хотана, племена Дабасунгоби и др. На какое-то время он даже овладел Памиром, основав на юге государство Кофен, или Кабул. Это путешествие было примечательным, однако, как мы увидим, каракатаи, или черные катаи, тоже принадлежавшие к сяньбийцам, в XII веке мигрировали в Керман близ Бухары. Сайкс и другие британские ученые обнаружили в Персии строения и другие следы пребывания этой ветви. В 1245 году их посетил францисканский монах Карпини. Тугухуни не долго пребывали на одном месте, через несколько лет они вернулись в свое прежнее поселение у озера Кукунор. Весьма вероятно, что именно во время этого путешествия в Кабулистан народ обзавелся персидскими кобылами. Любопытны традиции тугухуней: «Правитель стягивал волосы в пучок, а поверх носил шапочку из черного шелка, усыпанную жемчугом. Его жена носила тканую юбку, а поверх нее расшитое платье. Голову она украшала золотыми цветами. Мужской костюм очень походил на китайский, но большинство мужчин носили сетчатую шапочку, а некоторые – шапочки из шелка. Женщины стягивали волосы нитями жемчуга, число таких нитей говорило о статусе владелицы. Из оружия они пользовались луками, мечами, копьями и щитами. В стране не взимались регулярные налоги, но, когда требовались деньги, богатые люди и купцы снабжали армию продовольствием. Когда отцы или старшие братья умирали, сыновья или младшие братья брали в жены своих мачех и невесток по древнему кочевому обычаю. Мертвых погребали со всеми церемониями, но, как только похороны заканчивались, траур снимался. Что до характера народа, то это люди скупые, алчные и кровожадные».

Около 540 года вождь тугухуней Куалюй принял титул кагана, который впервые использовался в III веке сяньбийской семьей Цифу. Куалюй правил на протяжении долгих лет и уже в старости потерпел ряд поражений от рук юйвэней из Поздней, или Северной, династии Чжоу, а также от развивающейся династии Суй. Его потомки отказались от имени Тугухунь и вернули себе древнее имя Мужун, которое вышло из употребления сто лет назад, когда политическая мощь народа ослабла. Император Суй убедил тюрков– канкали напасть на мужунов, вынужденных бежать на юг. В течение короткого периода все тугухунское царство (простиравшееся на 2000 километров с востока на запад и на 1000 километров с севера на юг, включая древнюю территорию Юэчжи и озер Лобнор и Кукунор) находилось в руках династии Суй. Эта династия разделила тугухунское государство на административные районы, установила пограничные посты и попыталась построить управление по китайскому образцу. Однако после краха недолговечного дома Суй правитель мужунов, нашедший приют у тибетско-татарских племен, живших к западу от плато Ордос, вернул себе свои владения.

Когда на руинах династии Суй появилась великая китайская династия Тан, царь Данин, как теперь называли себя правители мужунов, или тугухуней, атаковал новую империю. Но в 635 году китайские полководцы нанесли серьезное поражение этим кочевникам, чья сила теперь перешла к тибетцам. В 670 году китайцы, которых тревожил быстрый прогресс тибетцев (представлявших собой вполне цивилизованное государство, прекрасно знакомое с санскритской литературой), предприняли неудачную попытку восстановить власть тугухуней, но тибетцы покорили все владения тугухуней, а заодно захватили и часть китайской территории. Перед китайцами встал вопрос – где поселить разбитый народ тугухуней, чтобы, с одной стороны, держать их подальше от тюрков, а с другой – не позволять им вмешиваться в развитие коневодства в провинции Ганьсу. Закончилось тем, что тугухуни заняли свою прежнюю территорию в Ганьчжоу, Аньхой и Шачжоу. Но мирное сосуществование в планы тибетцев не входило, и жалкие остатки тугухуней вынуждены были пробиваться через Желтую реку в Шаньси, откуда пришли их предки. Отсюда они двинулись на запад. Здесь их стали называть искаженным именем туйхуни, а китайские историки часто именуют их хунами. Это последний слог в имени тугухуней, и он не имеет ничего общего с древним словом «хиун-ну» и еще меньше с европейским словом «гунны». Искажение имени позволяет предположить, что из двух транскрипций наиболее верной является «ту-юй-хун». В 798 году Фу из мужунов, служивший при китайском дворе, получил титул Принца Кукунора и титул кагана, но после его смерти наследственное престолонаследие прервалось. С начала своего царствования в 310 году и до своего изгнания тибетцами в 663 году тугухунский правящий дом просуществовал почти 350 лет, на протяжении следующих 150 лет народ еще существовал. После этого они исчезают из китайской истории, но племя хунов упоминается в числе вассалов уйгуров, поэтому можно предположить, что эта сяньбийская ветвь, защищавшая свою независимость на всем протяжении татарского владычества, наконец ассимилировалась с канкали или уйгурами, принадлежавшими к древнему народу хунну, и мигрировала на север пустыни.

Часть третья

Империя Жуаньжуань, или Жоужань

Глава 1

Незаметное возвышение и стремительный крах

Из документальных источников мы знаем, что клановым именем у народа жуаньжуань было Укуру Тоба. Первоначально этот народ был известен как жоужань. Гиббон, следуя примеру французских авторов, писавших о Китае, использует термин «деоидеп»: он отождествляет их с европейскими аварами, что является совершенной ошибкой, за которую, впрочем, Гиббон ответственности не несет. Это было небольшое племя из северной пустыни, и нет никаких свидетельств, указывающих на то, что они имели какую-либо этнологическую связь с тунгусами, за исключением того, что в соответствии со своими полумифическими традициями они позаимствовали тунгусское клановое имя. Вряд ли стоит этому удивляться, ведь хунну давно уступили место тунгусам. Единственное положительное свидетельство, касающееся жоужань, таково: они походили на хунну, а их «астрологическое положение», то есть долгота и широта места их обитания, совпадали с положением «высоких телег» (гаогюй), канкали или уйгуров – все они до появления династии Тоба упоминаются в истории чрезвычайно редко, и все они жили в районе озера Байкал, к северу от пустыни. Предание гласит, что во время одного из своих набегов жоужань захватили молодого раба. Поскольку он не помнил своего имени, его называли Муккуру (у Гиббона – Моко), что означало «лысый». Это имя было связано с особенностями его внешности, «муккуру», скорее всего, слово жоужань. Во время правления уже упоминавшегося принца Илу из династии Тоба Муккуру, которому за его храбрость была дарована свобода и который стал солдатом, за воинскую провинность (он не явился вовремя на военную службу) должен был быть казнен. Спасая свою жизнь, он вместе с группой других дезертиров бежал в пустыню, где ему удалось собрать вокруг себя несколько сотен таких же бродяг, как и он сам. Его сын Черугвэй, будучи человеком весьма воинственным, стал правителем народа, известного как жоужань (у Гиббона – деоидеп). Только в 394 году появляется более или менее определенная информация об этом народе, и лишь по меньшей мере через четыре поколения в обиход вошло имя жоужань. Следовательно, мы с уверенностью можем предположить, что инцидент с Муккуру, подобно случаю с найденным цифу, произошел (если он действительно имел место) около 300 года, во времена анархии, когда хунну были рассеяны, империя Таншихая распалась, а тангуты, тунгусы и хунну были раздроблены и каждый из них пытался создать ядро новой общности. В 394 году «шестой внук», под которым, видимо, имеется в виду шестой или седьмой потомок Муккуру или Черугвэя, пересек пустыню на севере и покорил многие племена канкали. Поскольку его предки служили принцу Илу, ставшему заметным в 315 году, мы можем предположить, что полумифическое племя, захватившее Муккуру, как и племя жоужань, которому сын Муккуру первоначально дал свое имя, жило в горной местности, отделяющей Шаньси от пустыни, а «астрологическое положение» было зафиксировано лишь после их миграции на север. Этот внук по имени Шэлунь или Жарун (которого Гиббон, введенный в заблуждение французскими переводчиками, именует Тулуном) вскоре выстроил внушительную военную систему. Приняв титул кагана, он создал империю, простиравшуюся с востока на запад от Кореи до Харашара, а на юг до страны тугухуней и современной провинции Ганьсу. Его резиденция находилась в местности к северу от Ганьчжоу и Дуньхуана. Следовательно, мы можем быть уверены, что все дороги, за исключением главной, ведущей на запад, находились в его руках. По словам китайцев, это был первый случай использования

титула кагана, но мы уже видели, что этим титулом пользовался найденыш цифу столетием раньше. Полный титул звучал как «кудовар каган», на тунгусском языке Тоба это означало «правлящий император». Известно, что имя Муккуру позднее было изменено на похожее Укуру, поскольку Укуру – клановое имя императрицы Тоба, жившей в 452 году. Известно также, что император Тоба, умерший в 451 году, изменил имя своего народа с жоужань на жуаньжуань – китайское слово, означавшее «увеличивающие». Итак, поскольку Муккуру бежал от Тоба в 315 году, а Жарун создал свою империю столетие спустя, можно с уверенностью утверждать, что в то же время, когда жоужань сменили имя на жуаньжуань, появилось клановое имя Укуру Тоба. То есть произошло это в тот период, когда императоры Тоба почувствовали свою силу. Те авторы, что причисляют этот народ к сяньбийцам, видимо, были введены в заблуждение именем Тоба, которое делает народ хунну тунгусским не больше, чем имя Лю делает его китайским. К северо-западу от империи Жарун жили остатки народа хунну, постепенно Жарун прибрал к рукам их землю. Узнав о том, что границы владений Жаруна в западном направлении доходили до Харашара – а может быть, до Тарбагатай или Кульджи, – Гиббон сделал неверное умозаключение о том, что Жарун «покорил хуннов на севере Каспия». Известно, что, согласно обычаю жуаньжуань, «вельможи и министры брали себе имена и титулы, соответствующие их деяниям и способностям, наподобие посмертных китайских титулов, только у жуаньжуань эти имена были прижизненными и никаких посмертных имен не присваивалось». Это утверждение снова связывает жуаньжуань с тюрками и хунну, поскольку в дополнение к тому, что уже было сказано об именах хунну, добавим, что тюрки получали имена сообразно своим особенностям. Так, западный тюрк, которого китайцы называли Далобянь, то есть «толстый» – это, по утверждению (довольно сомнительному) Шуйлера, хан Дизавул, к которому Юстиниан Второй отправил посла Зимарха. Сервантес в «Дон Кихоте» упоминает этот обычай как «тюркский».

Создав на севере нечто вроде империи, Жарун принялся совершать набеги на границы владений династии Тоба, прочно утвердившейся на троне Северного Китая. Преемником Жаруна стал его дядя или кузен Датань (Татар), против которого летом 429 года император Тоба (чье татарское имя было Вури) бросил армию численностью более 100 000 человек. Датаня застали врасплох. Он поджег свою резиденцию и бежал в пустыню, где исчез, не оставив и следа. Народ его рассеялся в разных направлениях, огромные стада бродили сами по себе по всей стране. Должно быть, столица Датаня находилась близ Каракорума, поскольку известно, что император Тоба очутился в 1900 километрах от того места, где Модэ окружил первого императора Хань. Мы знаем также, что император проходил мимо древней стоянки племянника императрицы, который почти три столетия спустя одержал победу над северным шаньюем. Император тогда прочесал всю страну на расстоянии 2400 километров с запада на восток и на 1600 километров с севера на юг, захватив территорию Монголии между рекой Онон и Этциной Марко Поло. Канкали воспользовались возможностью, чтобы отомстить за все причиненное им зло, и в конце концов убили беглеца Датаня. В общей сложности в результате кампании императора Тоба было убито или захвачено в плен около миллиона человек и лошадей, а 300 000 человек сдались добровольно. Тот же император, после решения проблемы с сыном и наследником, предпринял второй военный поход против внука Датаня – Тухэчжэня. Согласно китайским источникам, император захватил все юрты и все стада Ту-хэчжэня числом более миллиона. Сын Тухэчжэня продолжал совершать набеги в 467–470 годах. В этот период было предложено построить новый участок Великой стены протяженностью около 480 километров. В строительстве принимали участие солдаты, когда они не были задействованы в военных кампаниях. Правивший тогда император предпринял третью экспедицию, в ходе которой было отрублено 50 000 голов, взято 10 000 пленных, а также табуны лошадей и оружие. Император преследовал врага в течение девятнадцати дней. Неудивительно, что после ряда таких сокрушительных поражений несчастные жуаньжуань стали искать союза с южной Китайской империей, желая отомстить всемогущим Тоба. Жуаньжуань отправляли послов пооче-

редно к недолговечным нанкинским династиям Сун, Ци и Лян, но безрезультатно. Однако народ жуаньжуань не был сломлен. В 516 году внук Тухэчжэня, Чауну, преподал урок непокорным канкали на западе и вдохнул в свою страну новые силы. Он даже отправил посла к императору Тоба. При попытке взойти на трон младший брат Чауну, Анагуй, встретил сильное сопротивление и вынужден был искать убежища при дворе Тоба, где его радушно приняли. Император признал, что у них были общие предки или, по крайней мере, одно место происхождения. Правителем жуаньжуань стал кузен, носивший индуистское имя Брахман. Он наказал врагов Анагуя, но вынужден был сдаться китайскому губернатору в Лянчжоу, не устояв под натиском канкали. Вопрос был в том, что дальше делать с жуаньжуань. Это важный момент, поскольку известно, что они принадлежали не к сяньбийцам, а к хунну. Императорские советники призывали не допустить «повторения инцидентов с Лю Юанем и Ши Лэ, которые привели к тому, что радушно принятые при дворе вожди стали самостоятельными монархами». По мнению советников, для расселения жуаньжуань прекрасно подходили малонаселенные территории возле Дунь-хуана, Сучжоу и Ганьчжоу, только вот канкали были слишком близко. «Мы должны обращаться с соперничающими народами, – говорили советники, – как с опасными зверями, поощряя их наносить друг другу как можно больший ущерб и вмешиваясь только тогда, когда они представляют угрозу для нас самих». Наконец, решено было поселить Брахмана на западе, возле современного Хами, и направить к нему китайского наместника, номинально чтобы помогать в управлении государством, а фактически чтобы защищать Брахмана и следить за канкали (столица которых с неизвестным названием находилась в Алтайских горах, на расстоянии 480 километров). Впоследствии, когда жуаньжуань достаточно окрепли и могли сами защитить себя, они переселились на север пустыни. Однако вскоре Брахман устроил заговор, был схвачен, переправлен в Китай и там в 520 году скончался. Предположительно, сначала он искал убежища у эфталитов или у аваров. Достоверно известно, впрочем, только то, что три сестры Брахмана вступили в брак с эфталитами.

Анагуй был поселен где-то «на востоке», откуда он не мог общаться с Брахманом. Он принял титул кагана и стал владыкой Шофана и царем жуаньжуань, из чего можно заключить, что резиденция его находилась где-то близ плато Ордос. Здесь его семья заключила брачные союзы с Тоба и татарской династией Ци. В период анархии, сопровождавшей крах династии Вэй, Анагуй сумел укрепить свои силы и перестал называть себя вассалом. У него на службе находилось несколько китайских ученых и несколько евнухов-администраторов. Анагуй создал стройную систему управления и утверждал, что ничем не уступает династии Тоба. В 546 году его прежние вассалы – тюрки – обратились к Анагую с предложением заключить брачный союз. В ответ Анагуй начал против тюрков войну, потерпел сокрушительное поражение и покончил жизнь самоубийством. Его наследник Дэнчжу бежал в новую империю Ци, основанную сыном Гао Хуаня. Дэнчжу поселился близ Северной Шаньси, но народ его вскоре восстал и был разгромлен. (Попытка Хирта, поддержанная Шаванном, связать этого Анагуя с Анагаем, участвовавшим в дипломатической миссии Валентина, в 576 году отправленного византийским императором к тюркам, вряд ли верна, если принимать во внимание даты.) Монархом был избран кузен Анагуя, но после ряда поражений от тюрков он бежал к императору Западной Вэй. Тюркский каган имел теперь в своем распоряжении внушительную силу и мог настаивать на истреблении жуаньжуань, которые вместе со своим царем искали убежища. В 555 году в присутствии или при участии тюркского посла за воротами Сианьфу жуаньжуань были убиты. Пощадили лишь юношей, ставших рабами в аристократических семействах.

С этого момента жуаньжуань больше нигде не упоминаются, даже как вассальное племя тюрков и уйгуров. Этот народ, и без того стоявший на грани исчезновения, был подло и зверски вырезан. Следовательно, уже по этой причине нельзя, как это делает Шаванн, отождествлять жуаньжуань с аварами, вытеснившими гуннов из Венгрии. Утверждение Гиббона, гласящее, что Атилл – умерший в 453 году, после поражения в битве при Шалоне, – покорил хана

могущественного племени и направил послов к императору Китая, чтобы предложить союз равных, совершенно лишено оснований. Жарун определенно никогда не доходил до Каспия и даже до Иссык-Куля, а его кузен Датань был разбит армией Тоба за четыре года до того, как Аттила и его брат Бледа стали вождями гуннов в Европе. Нет и намека на какие-либо взаимоотношения западных народов и жуаньжуань, за исключением эфталитов и народа или, жившего на северо-западе. Даже шаньюй народа или (или юебань, как его называли китайцы в то время) повернул назад, увидев, какие грязные варвары живут в «этом собачьем царстве», куда он прибыл с визитом, и никогда больше не делал попыток посетить двор Датана. По словам Гиббона, «Аттила, сын Мундцука, вел свое происхождение от древних гуннов, которые некогда соперничали с китайскими монархами». Это свидетельство, если, конечно, ему можно верить, подкрепляет все приведенные нами аргументы. Все говорит о том, что правящие касты хунну, внезапно исчезнувшие из Китая, были гуннами, столь же внезапно появившимися в Европе, и нет никаких опровергающих это утверждение теорий. Фридрих Хирт однажды сделал попытку показать (основываясь на ошибочно переведенном китайском тексте), что имя сына Аттилы Хернака, или Эрнаха, появляется в китайских официальных документах. Однако это предположение должно быть отвергнуто, поскольку ни в одном из трех китайских слогов нет последней «к», равно как нет и «с» – в тексте есть «и», т. е. «уже», и принадлежит оно к следующему предложению.

Южные китайцы, в отличие от татарско-китайских династических записей, называют упомянутый нами народ жуаньжуань, и, как мы уже убедились, это свидетельство, каким бы незначительным оно ни было, показывает, что этот народ принадлежал к хунну, а не к сяньбийцам, как утверждает Ремюза. Ремюза предполагает, что жуаньжуань были прародителями современных монголов. Эта теория заслуживает внимания и не противоречит известным фактам, однако не подкрепляется прямыми свидетельствами. Кроме того, этот народ как правящее племя был истреблен тюрками.

Глава 2

Борьба с канкали

Всякий раз, когда мы использовали слово «канкали», мы имели в виду народ, известный китайцам во времена хунну как динлин или тиклик, при Тоба как «высокие телеги», во времена тюрков как уйгуры, а во времена монголов как *канкли* – тюркское слово, означающее «телега». Однако название «динлин», судя по всему, относится к двум народам, один из которых жил близ Байкала, а другой недалеко от озера Балхаш, в непосредственной близости от владений киргизов. О динлин почти ничего не известно, за исключением того, что они являлись частью империи хунну, а в период борьбы между различными татарско-китайскими династиями принимали то одну, то другую сторону. Обычаи «высоких телег», как бы мало нам ни было известно о них, позволяют связать их происхождение с хунну. Под этим названием – «высокие телеги» – народ стал известен в V веке. Есть причины предполагать, что наши европейские слова «kutsche», «coche» и «coach» (экипаж, повозка) ведут свое происхождение от китайского слова «као-ч'е». Впрочем, надо отметить, что литературной формой было не *ек'э*, а *ки* или *чи*. Для изложения их истории много времени не потребуется. Канкали находились в состоянии постоянной войны с жуаньжуань, и, когда первый император Тоба снарядил против последних крупную военную экспедицию, он воспользовался возможностью, чтобы нанести удар и по «высоким телегам». В числе трофеев императора было 50 000 пленных – мужчин и женщин, 200 000 повозок с большими колесами и более миллиона голов скота, в том числе лошадей, коров и овец. Несколько сот тысяч «высоких телег» поспешили выразить свою покорность третьему императору Тоба, когда он наносил поражение жуаньжуань. Император поселил их на юге пустыни, но они вскоре взбунтовались и вернулись на север. Отметим, что династии Тоба из Северного Китая удалось усмирить северных кочевников лучше, чем любой другой чистокровной китайской династии. Однако после того, как «высокие телеги» переняли китайские обычаи и образ жизни, народ стал угасать. Императоры Тоба стремились помешать жуаньжуань и эфталитам сноситься с тугухунями, и, судя по всему, эти эфталиты (в то время на китайском языке название этого народа звучало как «етта» или «эпта», причем в Кантоне слово произносилось как «ип-тат», а в Корее как «еп-тал») не были эфталитами с Памира. Это был малочисленный народ, который китайцы сначала называли «малыми юэчжами». Они остались в районе Кукунор во время массовой миграции и постепенно проложили себе дорогу к Кульдже. Маловероятно, что жуаньжуань, нашедшие приют у эфталитов, когда-либо пересекали горы к востоку от Иссык-Куля. Во времена, когда Северным Китаем правили сяньбийские династии, «высокие телеги» терпели жестокие поражения от жуаньжуань. Судя по всему, они никогда, во всяком случае под именем «высокие телеги», не создавали свою собственную империю и в конце концов поселились где-то близ современного Урумчи, получив официальное признание Китая.

О характере и обычаях «высоких телег» известно следующее: у каждого племени или клана был свой вождь, а верховного правителя не было вовсе. Они были грубы и импульсивны, но в моменты опасности действовали сообща и слаженно. Они понятия не имели о военном строе, в сражении каждый бился как умел, и потому воины были совершенно не способны выдержать длительный бой. В их обычае было испражняться, не обращая внимания на окружающих. Обычным подарком при заключении брака был скот и лошади. У них не было ни зерна, ни крепких напитков. В день свадьбы мужчины и женщины приносили с собой кумыс и мясо, и хозяин радушно встречал гостей, не делая между ними различий. Они садились перед шатром и праздновали весь день напролет, а иногда оставались и на ночь. На следующий день невесту «похищали», после чего друзья мужа отправлялись в семейный загон с лошадьми, чтобы выбрать самых красивых животных. Они любили слушать раскаты грома, каждый раз,

когда гремел гром, они громко кричали, пускали в небо стрелы. Они часто мигрировали, возвращаясь на прежнее место в следующем году. Там они зарывали барана, разжигали костер и размахивали своими мечами, пока колдуньи читали заклинания, изгоняющие злых духов. Затем все племя сто раз объезжало верхом костер, а кто-то втыкал пучок ивовых прутьев в землю, поливая его кумысом. Женщины носили на голове берцовую кость овцы, обтянутую кожей и служившую каркасом для прически, которую они ярко украшали. Когда в племени кто-то умирал, погребальная процессия доставляла тело к вырытой яме. Хоронили умерших в сидячем положении. В руки покойного вкладывали лук, меч и копье, как живому. Однако яму не засыпали: все племя объезжало вокруг нее верхом несколько сот раз. Каждый должен был сделать это – и стар и млад, и мужчины и женщины. Племя мигрировало от пастбища к пастбищу. Они носили шкуры, ели мясо и разводили стада точно так же, как это делали жуаньжуань, за исключением того, что колеса их телег были огромными, с большим количеством спиц. Так говорят китайские историки. В дальнейшем история «высоких телег» сливается с историей тюрков и уйгуров, о которых мы скоро поговорим.

В 400 году народ юебань, как утверждают китайские историки, был более слабой ветвью хунну, бежавшей на запад после большой катастрофы в 89–91 годах н. э. В то время они жили у реки Юлдуз к северу от Кучи, а позднее переселились дальше на запад. Мне хотелось бы пояснить здесь, почему я предположил, что этот народ юебань и авары суть одно и то же. Во-первых, китайский слог «юэ» часто употребляется вместо иностранной начальной буквы Е, как, например, в случае со словом «эфталиты» – «ephthalite», а «пань» или «бань» встречаются в китайском и санскрите. Во-вторых, как мы увидим, около 658 года великая китайская династия Тан покорила тюрков, основала шестнадцать «провинций» на западе – все под политическим руководством наместника в Куче (Гуй-цзы). Одна из шестнадцати провинций носила имя Юебань, а ее новое местоположение в верховьях реки Окс, несомненно, имеет отношение к положению аваров в 450 году между тюрками и эфталитами, тогда известными как ета. Авары проникли в Европу при помощи недругов Константинополя – аланов, или асов. Оба этих названия встречаются в китайской истории и применяются к каспийским племенам, через территории которых, должно быть, прошли юебани, бежавшие от набравших силу тюрков (при шаньюе Бумыне и его брате Истеми). Затем народ юебань исчез из китайской истории. (Сравните: Карпини называл их «алани» или «асси», так же именовал их и Рубрук – «аас».) В тот период, когда впервые появляется это имя, тюрки не имели никаких отношений с народом юебань, чьими единственными восточными соседями были и оставались жуаньжуань. Разгромив последних, тюркский каган Истеми (западный Дизавул), дядя Мухана, нанес поражение эфталитам. Согласно Менандеру, в 562 году тюркский хан Сильзибул заявил, что собирается напасть на аваров, как только покончит с эфталитами. Таким образом, юебани, или авары, должно быть, ушли на запад до смерти Мухана, последовавшей в 572 году, оставив после себя лишь память о своей древней земле, на которую их предки пришли в 88 году н. э. после разгрома северных хунну. Тюрки изгнали юебаней с территории близ реки Окс и основали там одну из провинций. Наконец, китайская официальная история императоров Тоба из Северного Китая гласит, что народ из Ляньчжоу называл правителя юебаней «шаньюй-царь», а в том районе находился даже город Юебань. В 1903 году Анри Кордье отмечал, что тюрки-гузы в 1000 году по-прежнему использовали термин «шаньюй», именуя так своего правителя. В России авары и лезгины – ревностные мусульмане – все так же живут в Дагестане, к западу от Каспийского моря.

Часть четвертая

Империя тюрков

Глава 1

Ранние сведения о тюрках: Период мирного сосуществования с Китаем

Предками тюрков была группа семей хунну, носящих клановое имя Ашина (Ассена). В истории зафиксировано, как третий император Тоба в 433 году захватил владения Цзюйцзюй. История гласит, что, когда это произошло, 500 семей из клана Ашина укрылись на территории жуаньжуань и на протяжении нескольких поколений жили на южных склонах Золотых гор, недалеко от города Шаньдань в современной провинции Ганьсу. Во времена Цзюйцзюй этот город назывался Киньшань (что означает «Золотая гора»), и нам известно, что резиденция Жаруна и Датаня находилась где-то рядом с ним. Вот что случилось в действительности. Цзюйцзюй, правитель хунну из княжества Лян, чья резиденция находилась в Ганьчжоу, не выдержал натиска сяньбийской империи Вэй. Часть его народа, а именно ашины, предпочитая хунну сяньбийцам, переселилась в ту часть доминиона Цзюйцзюй, что была ближе всего к жуаньжуань, или в тот район империи жуаньжуань, что был ближе к Лян. Они поселились возле холма шлемовидной формы и стали называть себя тюрками. В некоторых из тюркских диалектов это слово до сих пор означает «шлем».

Сходство названий небольшой холмистой гряды в регионе Этцины и Киньшаня с Алтайскими горами в Западной Монголии побудило французских авторов (а возможно, до некоторой степени и китайских) определить место поселения первых тюрков на севере пустыни и переоценить степень важности некоторых мифических событий, о которых повествуют предания. Упомянем лишь одно из таких событий, поскольку этот миф повторяется и у других тюркских племен и имеет какое-то отношение к символическому использованию волчьей головы. Однако в этом, как и в других случаях, связанных с нашей темой, мы отмечаем паутину мифов и сказок, ограничиваясь фактами, приводимыми в китайской истории.

Тюрки служили жуаньжуань кузнецами, искусство работы с металлом они совершенствовали в высокоцивилизованном центре Лян. В конце V века племя окрепло и впервые появилось у китайской границы, желая наладить торговые отношения и купить шелк и шелк-сырец для подбивки одежды. Отсюда явствует, что тюрки в тот период жили недалеко от китайской границы, поскольку вряд ли их тогдашние хозяева – жуаньжуань – позволили им уйти за тысячи километров от Алтайских гор, чтобы наладить дружеские отношения с Китаем. Здесь мы снова встречаемся с древней меновой торговлей хунну: обмен лошадей на шелк. (В 1912 году профессор Бури признал эти и другие факты, касавшиеся тюрков и эфталитов; он также пояснил значение слов Вописка, неверно процитированных Гиббоном и связанных с победой Аврелия. Желание тюркского вождя Бумына получить в жены принцессу жуаньжуань закончилось, как мы видели, поражением Анагуя от тех, кого он называл «кузнецами-рабами».) Затем Бумын принял ханский титул и стал именовать себя илгаган (возможно, «ильхан», в любом случае в тюркской транскрипции – Бумын-каган). После этого он правил лишь год. (Нам неизвестно, что в тюркском означает «иль»; это слово встречается довольно часто, но оно определенно не имеет ничего общего с хорошо известным городом Или близ Кульджи, хотя оба слова, вероятно, имеют общий источник происхождения и значение.) Он именовал свою супругу хатун – это, возможно, эквивалент древнего титула яньчжи у хунну. Версия эта представляется доста-

точно разумной. Когда народ хунну потерпел крах, сянбийцы заимствовали их титул шаньюй и использовали его до тех пор, пока не придумали новый – хан или каган (хакан).

Описание тюрков довольно исчерпывающе. Принцы крови звались «тегинами»⁵. По предположению Палладия, это слово происходит от монгольского «дере». Каждая отдельная племенная группа называлась «шад». Теперь, впрочем, известно, что китайские иероглифы k'ip и leh (очень схожие) в девяноста процентах случаев печатались неверно, а «тегин» – слово тюркское. Высшим официальным титулом был «кюлючур», затем шли «або», «герефа», «тудун» и «джигин» – насколько мы можем догадаться по звукам, переданным в китайской транскрипции, переживавшей в тот период трансформацию. Известно также, что обычно имена людей отражали их личные качества, иногда же в качестве имен фигурировали названия животных или продуктов питания. Слова «ышбара» и «багатар» относились к людям, отличавшимся храбростью. Эти же или похожие слова встречаются в тюркской и уйгурской истории. Толстых и неуклюжих называли «сандало», а слово «далобянь» означало широкий рог для напитков. (Это замечание весьма любопытно, поскольку ранее мы уже упоминали хана Дало-бяня, того самого, которого, по версии Шуйлера, посетил Зимарх.) Вышеупомянутые посты были весьма высокими, их могли занимать лишь родственники по мужской линии – подобная система напоминает «десять рогов» хунну. «Коли» или «кари» означали «старый», отсюда «кари тархан» – слово «тархан» часто встречается при упоминании послов или советников. Лошадь именовалась «горан», отсюда характеристики военачальников: «горан-суни» и «кол-суни». «Черный» – «карапян», отсюда «кара-чур» – офицер очень высокого ранга и всегда пожилой человек. (Слог *пяи* или *бяи* появляется в двух словах и, возможно, является тюркским агглютинативным суффиксом.) Волосы назывались «соко», отсюда термин «сокотудун» – провинциальный губернатор. «Пени-джехан» – название сбродившего напитка, «джехан» осуществлял общий контроль над исполнительной властью. Мясо называлось «анджан», отсюда «анджан-куни» – чиновник, в чьем ведении находились семейные вопросы правящего дома. Иногда назначался «лин-хакан», слово «лин» означало «волк» и несло в себе значение «жадность и убийство». Были также каганы, чей статус был ниже «ябгу», «молодых отпрысков правящего дома». Упоминаются также члены знатных семей, ведущие спокойную домашнюю жизнь, – «и-хакан», от тюркского слова «и» – «дом», то есть «хакан–домосед». Нелегко проследить тюркский след во всем вышесказанном, однако компетентные историки и филологи с помощью Радлова и Томсена, открывших древнетюркский, несомненно смогут отыскать ряд тождеств.

Наследником Бумына стал его сын Кара (552), затем власть перешла к брату Кары джигину, Мухан-какану (552–573) и отцу Далобяня. (Мухан был племянником, а Бумын старшим братом Истеми-кагана, что следует из надписей на тюркском камне: на китайском последний фигурирует как Шидяньми или Сэtimi – возможно, это греческий Стембис, Дизавул (Зимарха), Сильзибул (Менандра). По всей вероятности, Шуйлер отыскал слово «Далобянь» в древнем французском источнике, поскольку нет ни европейского, ни персидского источника, при помощи которых можно было бы отождествить тюркского хана Дизавула, к которому Юстиниан направил Зимарха, с китайским Далобянем; древние переводчики говорят, что Далобянь был сыном Муюй, два китайских иероглифа – *кань* и *юй* – на письме почти неотличимы. Однако сейчас мы не будем говорить о том расколе, который заставил Далобяня отправиться на запад, эту тему мы обсудим позже.) Внешний облик Мухана, должно быть, был не столь располагающим и приятным, сколь поразительным: у него было широкое красное лицо, глаза были словно стеклянными, он был властен, но прозорлив. (Вот как описывает Аттилу готский историк Иорнанд (Иордан): большеголовый, смуглый, с маленькими глазками, приплюснутым носом и редкими волосами, коренаст и приземист.) Он разбил остатки жуаньжуань

⁵ Термины тюркского происхождения приведены в авторской транскрипции.

и (при помощи Истеми) эфталитов; оттеснил катаев на восток, захватил племена на севере и основал за Великой стеной огромный доминион. Его империя простиралась на восток и запад почти на пять тысяч километров, с запада от залива Ляодун до Западного моря (в данном случае это либо озеро Балхаш, либо Иссык-Куль), и на три с лишним тысячи километров от пустыни на юг, к Северному морю (по всей вероятности, здесь имеется в виду озеро Байкал). В китайских источниках встречаются упоминания о лосях, собачьих упряжках, зимней охоте и татарских племенах севера, в разные периоды времени входивших в тюркскую и катаяскую империи. Однако население было столь малочисленным, оказываемое им влияние столь слабым, а сила незначительной, что с этого момента мы можем больше не упоминать об этих племенах на страницах этой книги, делая исключение только в особых случаях. Нет никаких сведений, подтверждающих тот факт, что китайцы когда-либо достигали региона, который мы называем Сибирью, или что они имели хоть какое-нибудь представление о Северном море, за исключением того факта, что они видели текущие на север реки или слышали о них.

Однако вернемся к пока еще неразделенным тюркам. Нравом они напоминали древних хунну. Отличие состояло в том, что, когда их повелитель вступал на престол, ближайшие придворные из числа высших сановников девять раз в день проводили его по ковру, а придворные низко кланялись. (Возможно, это исторически связано с куском войлока, на котором «короновались» Чингисхан и его потомки.) По окончании церемонии владыку сажали на коня, а на шею затягивали шелковый шнур или платок так туго, что человек почти задохнулся. После этого шнур ослабляли и владыку спрашивали, сколько лет он будет править. Мысли полужадушенного человека, естественно, были спутанны, и он едва ли был в состоянии думать. Как бы там ни было, придворные и военачальники внимательно слушали ответ. Их вооружение включало лук, «поющие стрелы», кольчуги, копья, мечи и кинжалы. Среди прочего можно отметить «вуг-дуг» – золотую волчью голову на конце шеста со штандартом. Охраняющие его люди именовались «вури», что на языке хиа также означает «волк», таким образом, они всегда помнили о своем «волчьем» происхождении. (Возможно, этот факт относится к угасшей династии Хэляня из народа хунну, а не к ведущей от нее свое происхождение династии Тоба, которая в IX веке обосновалась в Хиа или на плато Ордос; следует, однако, помнить, что личное имя третьего императора династии Тоба было Вури, а слово «хули» и по сей день в китайском языке означает лису. Эта могущественная тангутская династия IX века существовала вплоть до того дня, когда Чингисхан положил ей конец в 1227 году, незадолго до своей смерти.) Набирая рекрутов в пехоту и кавалерию или собирая налоги со скота, они всегда вырезали требуемую цифру на деревянной дощечке, прибавляя стрелу с золотым зубцом и печать в качестве подлинности «документа». («Широкая стрела», или, как некоторые называют ее, «широкая А», у друидов служила символом власти. В период последней империи она означала «приказ» совершить убийство в Китае.) Как правило, тюрки дожидались новолуния, чтобы совершать свои набеги (как тут не вспомнить древний обычай хунну совершать набеги во время растущей луны). Что до наказаний, то мятежи и убийства карались смертью, за распутство грозила кастрация или разрубание тела пополам. Если в пылу ссоры одному из оппонентов повреждали глаз, в качестве компенсации обидчик должен был отдать ему свою дочь. Если не было дочери, вместо нее отдавалась жена обидчика. За нанесение тяжких телесных повреждений расплачивались лошадьми. За кражу следовало отдать компенсацию, в десять раз превосходящую стоимость похищенного. В случае смерти тело покойного оставляли в шатре. Сыновья, внуки и прочие родственники обоих полов закалывали овец и лошадей и выстраивались перед шатром, полоща себе лица кинжалами (как и в случае со смертью Аттилы) и оплакивая покойного так, что кровь и слезы, смешиваясь, стекали по лицам. («Плакать кровавыми слезами» – в китайском языке это выражение означает оплакивание близкого родственника или друга.) Эта процедура повторялась семь раз. Тех, кто умер весной или летом, опускали в землю лишь осенью, когда начинался листопад, а тех, кто скончался осенью или зимой, хоронили весной, когда появля-

лась первая растительность. Места погребений обозначались камнями, на которых высекался знак или краткая надпись. Количество камней зависело от того, сколько человек пало от руки покойного при его жизни. Все мужчины и женщины надевали свои лучшие одежды и украшения и собирались у могилы. Если мужчине нравилась какая-либо девушка из присутствующих, по возвращении домой он посылал ее родным предложение о браке (как у сяньбийцев), и родители избранницы, как правило, принимали его. Хотя тюрки переезжали с места на место, ведя главным образом кочевой образ жизни, у каждого из них был свой надел земли (как у хунну). Резиденция кагана находилась в горах Алтая (точное местонахождение, к сожалению, неизвестно, можно сказать лишь, что это было где-то на севере пустыни). Каждый год он отправлялся туда, чтобы совершить приношения духам предков (точно так же поступали шаньюи хунну). В середине пятой луны (как и хунну) он собирал приближенных, чтобы принести жертву духам и Небу. В 240 километрах от Алтая находилась высокая гора, именуемая «путенгри», что на языке хиа означает «дух земли» (возможно, слово «тенгри», «небо», имеет к этому отношение), эта гора была совершенно лишена растительности. Письменность этого народа походила на письменность ху (вскоре после того, как в 1894 году были написаны эти строки, профессор В. Томсен и доктор В.В. Радлов рассказали мне о своем чудесном открытии – им удалось обнаружить тюркский письменный источник, при помощи которого стало возможным восстановление древнего тюркского языка). Однако этот народ не знал календаря и ориентировался лишь по листе растений. Мужчины охотно играли в кости, а женщины в некоторое подобие футбола. Они пили кумыс («камос» Аттилы?), а когда наступало опьянение, распевали песни. Они испытывали благоговейный трепет перед злыми и добрыми духами.

Китайский путешественник Хуань Чжуан, посетивший западных тюрков приблизительно в 630 году, обнаружил, что в государстве Куча используется модифицированная форма индусского иероглифа. Это первое упоминание письменности, не считая китайской. Как мы уже знаем, двадцать лет спустя это государство стало китайским проконсульским центром. История династии Суй рассказывает о книгах ху, полученных из Западной Азии династией Поздняя Хань. Полагаю, что персы использовали греческий алфавит в промежутке между отказом от древней клинописи и переходом к арабскому языку. Китайцы обычно называли санскрит и пали – «фам» или «вам», подразумевая под этим Брахму, а иногда – «баламен», то есть «брахман». Вскоре после описанных здесь событий китайцы и тибетцы составили двуязычные соглашения на китайском и разновидности санскрита. (Наша экспедиция в Лхасу, в 1904 году, обнаружила аналогичный «договорный камень».) Приблизительно в это же время (635 год) появились несторианцы со своим древнесирийским языком. Истина, возможно, в том, что тогда китайцы почти ничего не знали об интересующем нас вопросе, и виной неопределенности исторических свидетельств является неосведомленность историков.

Когда Мухан (Кушу) достиг определенного могущества, он начал настаивать на том, чтобы династия Западная Вэй (Тоба), находившаяся тогда в руках семьи Юйвэнь, передала беглецов жуаньжуань тюркскому послу для казни. Император Уди из династии Северная Чжоу, являвшийся сыном интригана Юйвэня, взял в жены дочь Мухана. В 572 или 573 году Мухану наследовал его брат Таспар (Тобо-хан), до этого восточный каган. В его распоряжении находилась армия в несколько сот тысяч человек, и два сяньбийских императора северокитайских династий Чжоу и Ци были так напуганы, что с радостью заключили с Таспаром союзнический договор, основанный на брачных связях, и не жалели расходов, чтобы расположить к себе Таспара. Каждый год они посылали ему 100 000 отрезков шелка. Тюрков из западных метрополий ублажали по мере сил и возможностей, по меньшей мере тысяча человек «была одета в шелка и постоянно пиновала». Таспар не выказывал особой благодарности за все эти дары, а замечал лишь: «Пока два моих сына на юге покорны своему долгу, я не желаю ничего большего».

Жестокий тюрк оказался восприимчив к умиротворяющему влиянию религии. В числе взятых им военнопленных оказался китайский буддист. Он познакомил Таспара с доктринами

предопределения и вечности (подобно тому, как 650 лет спустя таоистский отшельник из Китая смягчил сердце Чингисхана в диких степях Трансоксании⁶). Он убедил Таспара в том, что империя Ци обязана своим могуществом и процветанием тому, что является по духу буддийской. Таспар прислушался к увещаниям, основал монастырь и отправил посла в столицу империи Ци (в современной провинции Хэнань), чтобы получить буддийские книги. (Приблизительно в это время буддизм через Корею проник в Японию.) Таспар изменил образ жизни, строил пагоды и проводил религиозные церемонии, выражая сожаление, что не родился в Китае. Когда у него попросил пристанища принц из угасавшей династии Ци, Таспар совершил набег на современный Пекин. Однако соперничающей династии Чжоу, предложившей Таспару взять в жены принцессу, он выдал обманщика.

Наследником Таспара стал Шет (Шаболо), сын Кары Иссык-хана (581), принявший титул Ышбара-каган или Шаболо-каган, резиденция его находилась у горы Тукин: до этого он правил одним из местных кланов. Сын Таспара, Амрак, стал вторым каганом в долине реки Толы. Далобянь, сын Мухана от менее знатной супруги, выразил недовольство подобным разделом полномочий, но на некоторое время удовлетворился титулом Або-хан и отправился воссоединиться к своему племени. Шаболо был доблестным и любимым в народе принцем, поэтому северные племена с готовностью покорились ему. Брак дочери Мухана с императором Уди из династии Чжоу привел к тому, что в западные метрополии хлынули тюрки общим числом не менее десяти тысяч человек. Вполне естественно, что эти одетые в шелка люди были недовольны, когда династия Суй, пришедшая к власти в 581 году, отказалась от их услуг. Принцесса из династии Чжоу, ставшая супругой Таспара, тоже решила отомстить династии Суй за все неприятности, причиненные ее семье. Месть приняла форму набегов на западные рубежи государства Суй. Новый император Суй незамедлительно выпустил манифест, в котором объявил, что не намерен более терпеть варварскую дерзость, и отправил армию, вынудившую Шаболо бежать. Ситуация для тюрков осложнялась еще и тем, что в их стране царил голод, и они вынуждены были размалывать кости, чтобы добыть хоть какую-то пищу. И все же, несмотря на это, Шаболо, через своего брата *ябгу* Чулохоу, объявил войну Або-хану, который вынужден был спасаться бегством на восток и искать защиты у дяди Шаболо, Тарду – самозванного Боке-кагана из западных тюрков, которые теперь превратились в самостоятельный народ и вели постоянную войну с северными тюрками. Во время этих военных действий апары, ветвь племени канкали, воспользовались представившейся им возможностью и захватили семью Шаболо. Однако китайский император освободил пленников и вернул их Шаболо, который так обрадовался этому, что вступил в договор, признававший пустыню границей между Китаем и тюрками. (Между прочим, упомяну, что, по мнению С. Жульена, эти апары (упоминавшиеся в тюркских надписях) тождественны аварам. Шаванн эту теорию справедливо отвергает.) Любопытно посмотреть, какие титулы присваивали себе тюркские монархи, например: «Шету, Бага Ышбара-хан племени Илькюлюг». Следует отметить, что монарх использует видоизмененную форму ранее истолкованного слова «ыштара», а не слово «шаболо», как его называли китайцы. Возможно, два последних слога в имени Дизавул каким-то образом могут быть связаны с «ябгу» или (что менее вероятно) с Шаболо, особенно если учесть, что римское посольство посетило хана в Алтайских горах в 568 году, то есть за двенадцать лет до исчезновения династии Чжоу и раскола Далобяня. Впрочем, прежде чем выдвигать теории, необходимо более внимательно изучить греческих авторов. В персидской и европейской исторической литературе ясно говорится, что «тюрки достигли границ новой (Сасанидской) империи, расширив свои владения за счет царства эфталитов, благодаря силе своего оружия и вероломству эфталитского вождя Катульфа. Кроме того, они покорили согдианцев и другие племена

⁶ Трансоксания – древнее государство, включавшее в себя значительные части территорий современного Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана.

Трансоксианского региона, прежде находившиеся под властью эфталитов». Отстаивая права тюрков и их равенство с Китаем, Шаболо признает, что двух императоров, как и двух солнц, быть не может, и называет себя вассалом. Один из источников гласит, что Шаболо плакал от стыда, терпя унижения от китайского посла. После смерти Шаболо в 587 году китайский император из уважения к покойному объявил при дворе траур на три дня.

После различных семейных междоусобиц и распрей наследником Шаболо стал его племянник Дулянь-каган (Юн-Юйлюй), которому китайский император отдал в жены одну из принцесс. Затем императору пришла в голову мысль посеять раздор среди кочевников, возбудив среди них зависть, и около 590 года начался частый обмен посольствами. В этот период Дулянь переместился из северных районов, где первоначально поселился, в «древний город Дукин». Если под этим понимаются «горы Тукин», то можно предположить, что они находились недалеко от провинции Северная Шаньси, где проживало центральное племя хунну, которым правил Модэ, а также южное племя второго Хуханье. Рассерженный этим открытым проявлением расположения, сын Шаболо присоединился к Боке– кагану на востоке, чтобы объединенными силами напасть на Великого хана, и убил многих его родственников. Это заставило Дулянь-кагана искать защиты у Китая. Для него в Северной Шаньси был построен город, а по смерти супруги китайский император прислал ему другую принцессу. Однако враги не оставляли Дулянь-кагана в покое, и он вынужден был перебраться за Великую стену. Он поселился на плато Ордос, кроме того, в его нынешние владения была включена важная дорога, проходящая к югу от плато. С привлечением значительной рабочей силы был прорыт канал. Сделано это было, видимо, для того, чтобы определить границы владений Дулянь-кагана, а может быть, и в ирригационных целях. Тем временем китайская армия отправилась в поход против сына Шаболо, который впоследствии был убит своими приближенными. Другие враги Дулянь-кагана – внук Бумына и брат Шаболо – потерпели поражение от канкали. Наконец, брат Шаболо вместе с некоторыми сяньбийскими племенами решил переселиться в Китай и присягнуть на верность Дулянь-кагану.

Дулянь теперь носил новый титул, дарованный ему первым императором Суй, а когда на трон вззошел его известный преемник Янди (604), два монарха встретились у Великой стены в Северной Шаньси. (Нужно отметить, что истинным титулом Дуляня был Цзиминь, однако после того, как на смену династии Суй пришла династия Тан, слово «минь» (народ) во всех источниках было заменено на «жэнь» (человек) из уважения к императору Ли Шиминю.) Следуя прецеденту с Хуханье, второй император Суй даровал тюрку титул и статус, выше которого стоял лишь император, освободил его от унижительных процедур, которыми сопровождалась аудиенция у императора, – теперь Дуляню не нужно было снимать туфли, пояс с мечом и проносить вслух свое личное имя (Яньгань). Всем присутствовавшим вождям племен, числом около двух с половиной тысяч, было роздано 200 000 кусков шелка. Затем император проследовал на лодке в резиденцию тюрка в Северной Шаньси, где Дулянь, стоя на коленях, выпил кубок вина за здоровье императора. На следующий год Дуляню была дарована еще одна аудиенция, и обращение императора со своим тюркским «братом» было еще более сердечным.

В 599 году на смену Дуляню пришел его сын Дуж, больше известный как Шибир-хан (Шиби-каган). К этому времени тюрки настолько окрепли и обрели такое могущество, что Китай вынужден был прибегнуть к прежней политике междоусобиц, предложив одному из братьев Дуж, владыке племени, отдельный титул и принцессу. Возмущение Дужа было столь велико, что он неожиданно напал на императора, когда тот наслаждался прохладой в своей резиденции (чуть южнее того места, где за 800 лет до этого Модэ окружил первого императора династии Хань), и захватил бы его в плен, если бы не подоспели пограничные части китайской армии. Этот инцидент произошел осенью 616 года. В период анархии и бедствий, предшествовавших угасанию династии Суй, многие китайцы искали пристанища у Шибир, чье могущество теперь стало представлять угрозу самому существованию Китая. Шибир предоста-

вил убежище императрице Суй, и каждый претендент на императорский трон теперь «смотрел на север и объявлял себя его вассалом». Судя по всему, растущее могущество катаев еще не было сломлено тюрками, империя которых простиралась от страны кумоси и катаев на востоке до владений их сяньбийских родичей тугухуней на западе. Государства Караходжо и Пиджан признали сюзеренитет Шибира; теперь в его распоряжении было около миллиона лучников. Однако, судя по всему, его власть не распространялась на Персию, где в то время влиянием пользовались лишь западные тюрки.

Глава 2

Период войны с Китаем и крах империи Кат Иль-хана

Среди претендентов на китайский императорский трон был некий Ли Юань, чей отец взял в жены тюркскую женщину из семьи Дуку. Один европейский автор упомянул, что она была христианкой. Даже если это и неправда, вероятность такая существовала, поскольку в 635 году сюда прибыл несторианин Олопен, это произошло во время правления ее внука, Ли Шиминя, издавшего эдикт в защиту христианства. Ли Юань направил послов, чтобы заручиться помощью Шибира, и тюркский каган послал своего *тегина* из канкали с табуном лошадей и трехтысячным войском к основателю династии Тан, сражавшемуся тогда в провинции Восточная Ганьсу. После того как династия Суй прекратила свое существование, Шибиру были направлены щедрые дары, а он отправил *тегина* кутлука в качестве посла в метрополию («кутлук» на тюркском означает «счастливый», как уже говорилось выше). Однако год спустя Шибир уже вступает в заговор с двумя претендентами на китайский трон и снова принимается совершать набеги, как в старые добрые времена. После смерти Шибира его сына сочли слишком юным для вождя ханства, поэтому титул Чулохана достался его брату, а сын получил ханство на востоке. Одной из жен Чулохана стала вторая принцесса Суй, посланная к его дяде Дуляню: предполагается, что принцесса служила в том же качестве и Шибиру. В ответ на ее недоумение император Суй сказал лишь: «Следуй обычаям страны, в которой живешь». Получив известие о смерти Шибира, император Тан почтил его память, объявив при своем дворе трехдневный траур. Он также приказал всем своим приближенным отправиться к резиденции тюркского посла и выразить ему свои соболезнования. К Чулохану был направлен особый посол. Выразив сочувствие, он от лица китайского императора преподнес хану 30 000 кусков шелка.

По-видимому, беглая императрица Суй и один из юных принцев попали в руки претендента на китайский престол, обосновавшегося на плато Ордос или близ него. В 621 году он потерпел поражение и пал от руки Ли Шиминя. Чулохан оказал беглецам радушный прием в своем ханстве и даровал высокий чин юному принцу.

Под его властью оказались все китайцы, перешедшие к тюркам, а резиденция принца находилась где-то недалеко от современного Гуйхуачэна. У принца было около 10 000 китайских подданных, свой штат придворных, и он продолжал вести счет времени по правлению монархов династии Суй. В помощь вышеупомянутому сыну Ли Юаня Чулохан направил 2000 человек. Этим сыном был прославленный Тайцзун, тогда известный лишь как принц династии Цинь, отец-император отправил его в поход против многочисленных претендентов на трон. Позднее и сам Чулохан прибыл в один из китайских городов на границе современных провинций Шаньси и Чжили. Здесь его ждал радушный прием, чем Чулохан и его люди не преминули воспользоваться – они стали хватать всех красивых женщин, которых видели на улицах города. Вскоре Чулохан скорострительно скончался, и его китайской супруге удалось добиться, чтобы его брат Дуби принял титул Кат Иль-хана, поскольку сын якобы был «слишком слаб и уродлив». Надо полагать, что, обеспечивая избрание Дуби, она думала не о благе тюркского государства, а о своем благополучии, поскольку, не теряя времени, вышла замуж за нового правителя. Сын Шибира получил титул кагана Дуляня (Шибоби) – не следует путать его с дедом, носившим тот же титул. Китайский двор, как принято, выразил тюркам свои соболезнования. Первоначально Кат Иль-хан пытался заигрывать с одним из претендентов на китайский трон, но император своевременными и щедрыми дарами сумел отвлечь внимание хана от нежелательного союза. Посол, направленный к хану с этой деликатной миссией, сумел заодно добиться выдачи некоего китайского военачальника, который мог представлять угрозу для императора. При дворе Кат Иль-хана было много китайских перебежчиков, всегда готовых перейти на

сторону владыки более могущественного и богатого. Польщенный тем, что они предпочли его китайскому императору, Кат Иль-хан держался высокомерно и даже вынашивал планы завоевания Китая. Поскольку император еще не очень уверенно чувствовал себя на троне и не желал провоцировать внешние конфликты, он по мере сил мирился с оскорбительным высокомерием Кат Иль-хана и старался поддерживать с ним хорошие отношения, заваливая его подарками. В ответ неблагодарный Кат Иль-хан во главе 10 000 всадников присоединился к одному из китайских мятежников, под командованием которого находилось шеститысячное войско, и совместными усилиями они совершили набег на Северную Шаньси. Армия, посланная против него, нанесла ему такое сокрушительное поражение, что Кат Иль-хан сам, по своей инициативе, запросил мира и отправил императору в подарок клей как символ «прочности нового союза». В 622 году, когда на владения тюрков обрушился голод, китайцы предприняли вероломную попытку захватить «Лошадиный город» в провинции Северная Шаньси. Как мы помним, близ подобного города шаньюй Гюньчжень едва не попал в ловушку. Попытка провалилась, и неудивительно, что Кат Иль-хан, позабыв о клее, при помощи Дуляня на протяжении нескольких лет совершал жестокие набеги на границы Китая. Однажды принц из династии Цинь («Черный принц» китайской истории, который своей необычайной храбростью был обязан, видимо, четверти тюркской крови) с сотней всадников явился к тюркским границам и, упрекнув Кат Иль-хана за нарушение договора, вызвал его на поединок или решительное сражение. Кат Иль-хан лишь улыбнулся и не ответил на вызов принца, поскольку не вполне понимал, что за ним кроется. Тогда принц послал одного из своих воинов с аналогичным предложением к Дуляню, однако тот тоже промолчал. Вспомнив китайскую историю, принц решил пойти по пути предков и возбудить в Дуляне зависть. Дулянь поддался на провокацию, другие члены клана Кат Иль-хана тоже стали выказывать признаки нелояльности, и Кат Иль-хан вынужден был сделать шаг навстречу императору. Однако в течение последующих двух лет он совершал регулярные набеги на китайские территории и даже угрожал метрополии, которая находилась теперь в том же месте (в Сианьфу), что и во времена прежних шаньюев. Кат Иль-хан направил к императору посла, чтобы продемонстрировать свое могущество. По словам посла, Кат Иль-хан выступил в поход на империю с миллионной армией. Принц Цинь не потерял присутствия духа. Упрекнув посла в том, что его повелитель отплатил черной неблагодарностью за все милости, которыми китайские императоры одарили его и его отца Шибира, принц сказал: «Возможно, мне следует первым делом казнить тебя!» Эта угроза заставила дерзкого тюрка прикусить язык, и он охотно позволил принцу самому вести дальнейшие переговоры. Принц же с небольшой свитой снова отправился к тюркскому войску и обратился к Кат Иль-хану. При этом их разделяла лишь мелкая река Вэй (протекавшая близ столицы). Тюркские военачальники были так поражены, что спешили и поспешили выразить принцу свое почтение. Тем временем подоспела китайская армия. Кат Иль-хан, увидев внушительное войско и узнав о том, что его посол заключен под стражу, не на шутку встревожился. Несмотря на возражения своих приближенных, принц вышел вперед для переговоров с Кат Иль-ханом, обе армии взирали на происходящее. Принц сильно рисковал, но, будучи мастером блефа, он выиграл один день, и Кат Иль-хан запросил мира. Это произошло, видимо, в 626 году, когда принц стал императором, хотя согласно китайской традиции первым годом его правления считается 627-й – первый полный год. Император заявил: «Причина, по которой тюрки вступили со своим войском на берег реки Вэй, проста – они знают, с какими внутренними конфликтами столкнулась наша династия и то, что я недавно вступил на престол. Вопрос был лишь в том, кто возьмет верх после сегодняшних событий. То, что я не побоялся приблизиться к ним, окруженный немногочисленной свитой, застало тюрков врасплох, к тому же они далеко от своих владений. И если сражение состоится, мы должны победить. Если же наша хитрость удастся, положение наше неизмеримо упрочится». Памятуя, очевидно, о древнем соглашении с Хуханье, несколько дней спустя император отправился на мост в западной части города, где была

заколота белая лошадь, а он сам и Кат Иль-хан поклялись в верности договору. Армия Кат Иль-хана отступила. Главному министру Тайцзуна, не постигшему до конца замыслы императора, тот объяснил: «В тюркской армии нет ни порядка, ни дисциплины: когда каган находился на одном берегу реки, а его военачальники выражали мне почтение на другом, я был уверен, что мы легко могли разбить тюркскую армию, мне стоило лишь отдать приказ. Однако первейшая забота монарха – мир, в случае столкновения с обеих сторон пролилось бы много крови. Кроме того, если бы мы одержали победу, они бы поспешили усовершенствовать свою армию, и последствия для нас могли бы быть куда серьезнее. Отложив оружие и осыпая их подарками, мы внушаем нашим врагам самонадеянность и тем самым ведем их к краху». Через несколько недель Кат Иль-хан прислал императору табуны лошадей и стада овец, однако император подарок не принял и вместо этого своим указом «велел» Кат Иль-хану вернуть похищенных им людей. Неизвестно, выполнил ли Кат Иль-хан этот приказ.

В 627 году произошло очень важное событие. Три племени из народа, который, за неимением лучшего, мы будем называть канкали, а именно сеяньто, байкалы и уйгуры, подняли мятеж против тирании Кат Иль-хана и сместили его чиновников. После распада империи хунну эти племена, наряду с другими, заселили цепь горных долин от Каспия, мимо Балхаша, на восток к Байкалу и далее. Уйгуры и байкалы жили к северу от реки Тола; сеяньто – южнее озера Гурун и реки Керулун. (Племена, жившие восточнее, не находились под управлением «высоких телег». Многие из этих племен вошли сначала в империю жуаньжуань, а затем в империю тюрков. После краха тюрков, произошедшего два или три столетия спустя, власть перешла к небольшому племени уйгуров, давших название государству. Поскольку некогда они являлись частью тюркской империи, о них часто говорят как об уйгурах-тюрках. Говоря о тюркских «народах», мы не должны забывать, что и тюрки, и уйгуры первоначально были небольшими племенами, ассимилировавшими остатки народа хунну, подобно тому как англы и саксы – германоязычные племена – впоследствии дали имя государствам. При этом среди их смешанного населения чистокровных англов и саксов было не так много.) Когда три этих племени подняли восстание, Кат Иль-хан направил своего кагана Дуляня, чтобы подавить его. Однако армия Дуляня потерпела сокрушительное поражение, а сам каган едва успел спасти свою жизнь. Кат Иль-хан был так разгневан этим поражением, что приказал взять Дуляня под арест. Это, в свою очередь, рассердило Дуляня, который принялся строчить предательские письма императору Китая, который не замедлил послать на помощь Дулянью войска. Тем временем племя сеяньто основало свое собственное ханство на севере пустыни. Вождь племени называл себя Бильге, или «Мудрый», каган и вместе с сыном и племянником в последующие годы являл собой серьезную угрозу. Байкалы, уйгуры, киргизы и другие восемь племен канкали, живших к востоку от озера Балхаш, осудили сепаратизм сеяньто и в 648 году покорились китайскому императору. Вожди этих племен стали проконсулами своих племенных владений, которые превратились в то, что римляне называли проконсульскими провинциями.

Все это больно било по Кат Иль-хану, который к тому же был чрезвычайно непопулярен в народе из-за своей приверженности к «разным татарам», под которыми, видимо, имелись в виду сирийцы, персы и другие сметливые азиаты. Все эти министры и губернаторы смешанных кровей были алчными деспотами, вызывавшими неприязнь у всей кочевой империи. Кроме того, Западная Тюркская империя находилась в зените своего расцвета, это явствует из описаний двора ябгу кагана, чья резиденция находилась близ Иссык-Куля. Приблизительно в это время ее посетил всемирно известный китайский путешественник Хуань Чжуан. В довершение всех бед владения Кат Иль-хана на протяжении нескольких лет страдали от сильных снегопадов, результатом которых стал голод. Испытывая нехватку средств, Кат Иль-хан просто удвоил или утроил налоги, которые и без того было трудно собирать, и, как следствие, его владения вскоре охватило всеобщее восстание. Находясь в отчаянном положении, Кат Иль-хан поспешил оказать поддержку китайскому претенденту на престол (пообещав покорность,

если тот позволит ему разделаться с катаями). Китайский император решил, что настало время покончить с Кат Иль-ханом. Военный поход возглавил прославленный военачальник Ли Цзин. Армия должна была выступить четырьмя отдельными частями, в то время как Дулянь и другой дружественный Китаю *тегин* искали защиты у китайского императора. Ночью, где-то близ Кукухото или Гуйхуачэна Кат, Иль-хан был застигнут врасплох. Он вынужден был спешно переносить свой лагерь к «Пасти пустыни» – это место находилось в двух днях пути на северо-восток от города и, возможно, являлось в действительности Тендуком. Отсюда Кат Иль-хан отправил послов за императрицей Суй и принцем, очевидно стараясь выиграть время. Находясь в тупике и не зная, что предпринять, Кат Иль-хан отбыл с 30– или 40-тысячной армией к Железным горам в долине Керулونا и оттуда направил императору письмо, предлагая ему все свои владения. Хитрый монарх отправил к Кат Иль-хану послов, чтобы успокоить его, а сам приказал Ли Цзину запасть провизией на двадцать дней и пуститься в погоню за Кат Иль-ханом. В результате Кат Иль-хан, который почти в одиночестве бежал на резвом скакуне во владения своего племянника Шаболо Сунишида, был взят в плен, прощен и поселен в императорских конюшнях. Историки восторженно прибавляют, что вся территория, отвоеванная 800 лет назад у хунну, теперь принадлежала династии Тан. Это случилось приблизительно в 628 году. Вскоре Кат Иль-хану наскучило его новое жилище, где он проводил все время, распевая со своими приближенными печальные песни. Император назначил Кат Иль-хана правителем района Китая, славившегося своими охотничьими угодьями. Однако Кат Иль-хан отверг это предложение. Тогда император даровал ему более подходящий пост начальника стражи. Умер Кат Иль-хан в 634 году, получив посмертное прозвище Дикий. Его приближенным было велено делать с телом все, что предписывалось национальными обычаями, в соответствии с которыми тело было кремировано на берегу реки близ столицы. Один из его *тарханов*, человек, отданный матери Кат Иль-хана вместе с приданным, перерезал себе горло, чтобы иметь возможность сопровождать своего покойного хозяина в иной мир. Этот поступок так тронул императора, что он приказал похоронить верного слугу рядом с Кат Иль-ханом, а придворному поэту велел сочинить для этой пары подобающую эпитафию, которая должна была быть высечена на камне, установленном на могилах.

После поражения на смену Кат Иль-хану пришел его племянник Дулянь, чья резиденция первоначально находилась на востоке, то есть к северу от реки Верхняя Ляо, или Ширамун-рен, поскольку территории южнее этой реки занимали независимые катая, или кидани. Дулянь правил двумя племенами, потомками сяньбийцев, называвшихся кумоси и сиб. Первые были потомками восточной ветви юйвэней, а последние, никогда не фигурировавшие в китайской истории, принадлежали скорее не к сяньбийцам, а к хунну (возможно, сегодняшние маньчжурские монголы – это их потомки; как и солоны, они были переселены к Или в 1736 году, но по статусу они ниже солонов и потому не заключают с ними браков). Династия Мужун оттеснила кумоси вместе с их собратьями катаями в регион между Сунгари и пустыней. В 388 году первый император Тоба наказал их: судя по всему, он достиг реки Амур, и среди 100 000 голов различного скота, который он захватил, упоминаются свиньи. В последующие два столетия кумоси приносили дань ко двору императора вместе с татарами – ширви, предками маньчжуров, и т. п. – это были грязные, разводящие свиней и занимавшиеся охотой дикари, по уровню своего развития стоящие неизмеримо ниже тюрков и катаев. Мунгва, или мунгу, в этот период находились под властью ширви, т. е. монголов. После V века кумоси утратили первую часть своего имени и впоследствии упоминались в источниках лишь как кумоси. Укладом жизни они напоминали тюрков, однако, как и катая, имели один специфический обычай – запеленывали мертвых наподобие мумий и подвешивали их на деревьях. Эти два народа и их территории являлись частью владений Дуляня до того, как он стал верховным каганом. Однако китайский император его таковым не признал, даровав ему лишь титул военного «губернатора» и резиденцию близ современного Пекина, а также приказав привести административную систему в

соответствие с китайской. «Ваш тезка и дед, – сказал император, – никогда не выказывал благодарности за все те милости, которыми его осыпала династия Суй, а ваш отец Шибир был для Китая сущим наказанием. Благодаря своему плохому правлению вы уже потеряли большую часть своих владений и должны ясно понимать, что сейчас у вас испытательный срок». Однако в 631 году Дулянь скоропостижно скончался по пути в Китай, ему было всего 29 лет. Император, всегда испытывавший к нему искреннее расположение и «покаявшийся поддерживать братские отношения» с Дулянём, объявил при дворе траур и велел сочинить подходящую эпифанию. Сиб и кумоси, судя по всему, присоединились к катаям и платили Китаю регулярную дань.

Сын Дуляня, Гологур, унаследовал отцовские титулы, но в 639 году вступил в сговор с младшим братом Дуляня и другими тюрками, служившими в императорской страже, с целью напасть на императорскую резиденцию и снова объявить себя каганом. Заговорщики почти добились успеха. Однако, к счастью, вовремя подоспел китайский военачальник с небольшим войском, и заговорщики бежали через реку Вэй, надеясь добраться до своего ханства. Все они были схвачены и обезглавлены, за исключением Гологура, его отправили в изгнание. После сокрушительного поражения Кат Иль-хана некоторые из его сторонников бежали в Туркестан, другие к сеяньто, а многие нашли пристанище в Китае. До этого перед Китаем уже стоял вопрос – что делать с тюрками, покорившимися императору? Таких насчитывалось по меньшей мере сто тысяч. Согласно одному из предложений их следовало сделать политическими заключенными, обучить ведению сельского хозяйства и ткачеству и постепенно превратить их в добropорядочных китайцев. Один из влиятельных сановников императора считал, что если тюрков нельзя истребить (что было бы, несомненно, лучшим выходом из положения), значит, их следует поселить как можно дальше, к северу от излучины Желтой реки, поскольку тюрки – народ неукротимый, вероломный, а когда нужно – раблепствующий, следовательно, доверять им никак нельзя. Именно по этой причине Мэн Тянь и династия Хань аннексировали Ордос, чтобы держать тюрков под контролем. Если позволить им поселиться близ китайских границ, то через несколько лет вместо 100 000 человек будет уже 200 000, и тюрки превратятся в головную боль для Китая. Династия Цинь поступила недальновидно, наняв хунну для покорения соперников, в результате татарские династии Лю Юаня и Ши Лэ перевернули с ног на голову весь Китай. Эту точку зрения поддержал выдающийся филолог и критик Янь Шику, а также другие лояльные приближенные, считавшие, что тюркские племена должны быть раздроблены и изолированы друг от друга. Однако император, который, несмотря на все свои ошибки, был, возможно, одним из самых справедливых и великодушных китайских монархов (не считая первых императоров маньчжурской династии), решил прислушаться к совету одного из не столь высокопоставленных сановников, ратовавшего за гуманизм и равноправие всех народов. «Эти несчастные, жалкие остатки побежденного народа доведены до крайности. Если мы дадим им приют и воспитаем их в истинно китайском духе, они никогда не будут представлять для нас опасность. Китаю не было нанесено никакого ущерба из-за того, что в 50 году император принял решение расселить хунну на пограничных территориях. Мы должны позволить им сохранить свои обычаи и использовать покоренные народы для защиты наших рубежей. С другой стороны, было бы ошибкой пытаться превратить тюрков в китайцев и возбуждать в них подозрения, отправляя в дальние провинции». В конце концов было принято решение сделать из восточных владений Дуляня единое проконсульство, разделив его на четыре провинции, включая плато Ордос и Северную Шаньси. Доминионы Кат Иль-хана образовали второе проконсульство, включавшее шесть провинций. Так обстояли дела до заговора Гологура. Но теперь, после предательства сына Дуляня и его брата, император пожалел о своем великодушии и принял решение отселить тюрков на север, к Желтой реке. Титул кагана получил один из местных правителей четырех восточных провинций, его ханство находилось к северу от излучины Желтой реки. Хотя этот человек был одним из родственников Кат Иль-хана, кожа его была такой

смуглой, что Чулохан и Кат Иль-хан всегда отказывались верить в то, что он принадлежит к племени ашина, и полагали, что он – ху (то есть сарт, сириец, перс или индус). По этой причине верхней ступенькой в карьере для него стал пост *тегина*. Однако этот человек был одним из тех, кто до последнего момента находился рядом с Кат Иль-ханом и вместе с ним был взят под стражу. Именно из-за этой верности император теперь решил назначить его на ответственный пост. Новые владения простирались от северной излучины Желтой реки до пустыни: новоиспеченному кагану вручили барабан и штандарт, а Бильге-кагану из племени сеяньто (жившему к северу от пустыни и южнее Керулона) велено было под страхом наказания жить с новым соседом в мире. Возродились древние титулы хунну – левый и правый принцы, ими стали два других члена семьи Ашина. Им было приказано переселиться на север, в свои старые владения, освободив китайские приграничные территории. Новый каган, чей народ насчитывал 100 000 человек (из них 40 000 – боеспособные воины), оказался совершенно негодным правителем, его народ взбунтовался и небольшими группами просочился в Северную Шэньси, прося разрешения поселиться здесь. Наконец, появился и сам каган. Император сделал его военачальником, и в конце концов он встретил свою смерть в военной кампании против Кореи, которая впервые была покорена и разделена на полунезависимые провинции под управлением местных губернаторов, контролируемых китайским проконсулом. Чтобы понять, каким человеком был Тайцзун, можно вспомнить один факт из его жизни: когда каган был ранен отравленной стрелой, император сам отсосал яд из раны, и каган прожил еще несколько дней, успев добраться до столицы. Здесь он был похоронен рядом с отцом императора, а на берегу реки Бэдао, в прежних владениях кагана, в его честь был возведен мавзолей. Эта река часто упоминается в исторических источниках, судя по всему, она протекает в современной Внутренней Монголии к северу от Кукухото. Так заканчивается первый акт драмы северной тюркской империи.

Глава 3

Расцвет и гибель империи Мочура

Среди принцев Ашины был некий Чеби, мелкий местный каган, чьи владения находились где-то в районе Иртыша. После краха Кат Иль-хана этот каган стал одним из основных соперников сеяньто. Под его властью находилось три клана, или «семьи», карлуков на западе и киргизы на севере. Оба этих народа признавали сюзеренитет кагана. Он отправил своего сына, тегина Шаболо, к китайскому двору, пообещав вскоре явиться самому, однако так никогда и не выполнил обещания. В 649 году император решил отправить небольшое войско уйгуров, чтобы наказать кагана, командовал этим войском китайский военачальник. Следует упомянуть, что после того как племена канкали – «высокие телеги», или уйгуры, – подняли восстание против Кат Иль-хана, император принял их под свое покровительство и устроил в их честь грандиозный пир, на котором несколько тысяч уйгуров, напившись, поклялись императору в верности. Номинально они были разделены на провинции под управлением китайского наместника, чья резиденция находилась близ Кукухото, но в действительности правил ими каган Тумиду, разбивший сеяньто, захвативший их владения и правивший по тюркским обычаям. Упомянутая выше военная экспедиция была успешной, Чеби с триумфом доставили в столицу. Три племени карлуков, в течение некоторого времени занимавшие регион Тарбагатай и склонявшиеся в зависимости от своих интересов то к северным, то к западным тюркам, теперь подчинялись Китаю, а их территория была превращена в три полунезависимых проконсульства. Киргизы также прибыли к императору с данью и продолжали выплачивать ее до тех пор, пока уйгурская империя не прекратила сношения киргизов и карлуков с Китаем. Однако все это еще в будущем. Тайцзун умер в 649 году, ему на смену пришел сын Гаоцзун, унаследовавший в том числе и наложницу своего отца – своего рода китайскую Екатерину Великую, будущую императрицу У. Сам Тайцзун был женат на вдове младшего брата, следовательно, в вопросах брака явно прослеживается татарское влияние, вызывающее отторжение у китайцев. К этому времени тюрки были покорены, и новый император не преминул доложить об этом Небу, для чего поднялся на вершину Тайшаня в провинции Шаньдун. В императорской свите находилось около двадцати тюркских вождей, включая по меньшей мере одного карлукского проконсула. Их имена были высечены на каменной плите, которая находилась на горе. На протяжении последующих двадцати лет на севере все было спокойно. Однако в 679 году вспыхнуло всеобщее восстание, причина которого нам неизвестна. Мятеж был подавлен при помощи одного из двух верных императору тюркских полководцев. Кидани, или катаи, тоже образовали местное проконсульство, а в 640 году в состав Китайской империи вошло и государство Караходжо. Таким образом, китайская империя достигла почти такого же величия, как при маньчжурах. Исключение составляли лишь царства сартов (от Кучи до Кашгара и Хотана), а также Тибет. В 683 году власть захватил ашина Кутлуг, дальний родственник Кат Иль-хана. Он побудил ряд кланов присоединиться к нему, совершил несколько успешных набегов и возложил на себя титул кагана.

Новоиспеченный каган даровал одному из своих братьев по имени Мочур титул вождя племени, а другому – титул *ябгу*. По всей видимости, одному из членов семьи Ашина во времена правления Тайцзуна позволено было остаться у излучины Желтой реки, тогда как другие тюрки были изгнаны из Китая. Этот человек, недовольный отношением китайского наместника, предложил свои услуги Кутлугу. Знаменитая императрица У, которая в этот момент фактически правила государством, послала против бунтовщиков армию под командованием известного корейского военачальника по прозвищу Черный Зуб. Удача сопутствовала бы этому полководцу, не испытывая он такую зависть к своему китайскому коллеге, чье войско численностью 13 000 человек было полностью уничтожено. В ярости императрица изменила имя Кут-

луг на Путсулук, что означало «никчемный человек». Теперь Кутлуг направил свое войско на запад, против тюргешей – ветви западных тюрков, которые в тот период занимали территорию близ Или, Суяба и Иссык-Куля (Суяб – или «река Суя» – это название столицы западных тюрков, на картах это река Чу, несущая свои воды в Иссык-Куль). Однако в 691 году, во время одного из сражений, Кутлуг скончался. Хотя он оставил сына, власть была узурпирована его знаменитым братом Мочуром, возможно величайшим тюркским завоевателем. Доктор Радлов отождествляет Мочура с каганом Капаганом из тюркских надписей, обнаруженных в долине реки Орхон. В 693 году новый каган совершил набег на Шэньси, и императрица (которая в прошлом была монахиней) отправила одного из своих любовников, буддийского священника, в поход против кагана. Под командованием этого военачальника находилось восемнадцать генералов. Экспедиция оказалась неудачной, священник даже не встретился с врагом. В следующем году его формально обвинили в поджоге и засекли до смерти. Однако, ко всеобщему удивлению, Мочур сам явился ко двору. Довольная императрица даровала ему высокий титул и подарила 5000 кусков шелка. После этого Мочур направил в Китай посла с предложением заключить союз. В 696 году китайский проконсул поднял мятеж и стал именовать себя «Верховным каганом». Выступившие против него императорские войска потерпели сокрушительное поражение. Наконец, решено было принять предложение Мочура при условии, что ему будут возвращены все тюрки, находившиеся в тот момент в Китае. Мочур разбил катаев и присоединил их территории к своим владениям, которые теперь достигли пугающих размеров. Теперь под его властью находилась большая часть территории уйгуров, но три или четыре племена, включая истинных уйгуров и племя хун (как мы уже говорили ранее, это, возможно, остатки народа тугухунь), пересекли пустыню, спасаясь от Мочура, и осели на древней тюркской земле между Ганьчжоу и Ланьчжоу. По всей вероятности, Мочур не стал связываться с киргизами, но нанес поражение западным тюркам, и послы его преемника вступили в спор за китайский престол с послами уже упомянутых выше тюргешей, сменивших западных тюрков. В признательность за услуги Мочура императрица помимо прочих титулов даровала ему еще один: «Великий шаньюй и заслуживающий почтения хахан».

В 698 году Мочур направил императрице письмо, прося ее называть его своим сыном. Он также писал, что имеет дочь и был бы рад устроить ее брак. Кроме того, он опять потребовал вернуть ему всех тюрков, проживающих в Китае, а также попросил прислать ему семян и сельскохозяйственные орудия. Пока императрица колебалась, не зная, стоит ли удовлетворять все требования Мочура, он вел себя крайне дерзко и даже угрожал убить китайского посла. Не видя другого выхода, императрица, по совету одного из своих министров, выселила за пределы Китая несколько тысяч тюркских семей и отправила Мочуру 4000 тонн зерна для сева и 3000 сельскохозяйственных орудий. Все это в значительной степени укрепило положение Мочура и увеличило его ресурсы. Что же до брака, императрица приказала юному принцу, сыну своего племянника, отправиться к Мочуру и жениться на его дочери. В резиденцию кочевника юношу сопровождал внушительный эскорт с дарами. Когда миссия достигла южного ханства у Черных Песков (неизвестное место, возможно, где-то между Кукухото и Пекином), каган заявил военачальнику, возглавлявшему эскорт: «Я предложил выдать свою дочь замуж за отпрыска дома Ли, из императорской династии Тан, а вы привезли мне юнца из семьи У! Мы, тюрки, на протяжении поколений признавали суверенитет дома Ли, и я знаю, что некоторые сыновья императора Ли еще живы. Мне не остается ничего другого, как только выступить в поход со своей армией и помочь им вернуть себе законный престол». Каган взял юного принца под стражу, назначил китайского военачальника одним из своих подчиненных каганов и отправился покорять регион между Калганом и Пекином. Несмотря на то что против него спешно была выдвинута армия численностью 450 000 человек, Мочур взял несколько городов на границе современных провинций Шаньси-Чжили, безжалостно сжигая и убивая всех и вся на своем пути. Недалекая императрица снова выплеснула свою ярость, изменив его имя. Она стала называть

его «мясником». В ответ Мочур захватил еще несколько городов и казнил китайских чиновников. После этого императрица назначила своего слабоумного приемного сына, лишённого императорского трона и низведенного ею до статуса принца, главнокомандующим. Однако прежде чем он успел выступить в поход, Мочур вырезал население захваченных им двух городов – стариков и молодых обоёго пола, всего около 90 000 человек. В 50 километрах от современного города Ичжоу (к западу от Пекина) он перешел через Великую стену, безжалостно убивая всех, кто попадался ему на пути. Навстречу Мочуру выступил один из прославленных китайских военачальников со стотысячной армией, но все было напрасно. В следующем году Мочур даровал двум своим сыновьям и сыну своего предшественника высокие военные чины, разделил между ними армию в 80 000 человек и отдал приказ совершать регулярные набеги. Кроме того, он увел 10 000 лошадей из племенных хозяйств в Восточной Ганьсу и присоединил к своим владениям земли тюргешей, вынужденных искать помощи у Китая.

В 703 году Мочур отправил в Китай посла с требованием женить на своей дочери одного из сыновей императора. Императрица вынуждена была забыть про свою гордость, и два сына императора были представлены тюркскому послу на обозрение. Засим последовал обмен несколькими дружественными посольствами. В 705 году, в результате военного заговора против императрицы, император вернул себе трон, и Мочур ознаменовал это событие, совершив набег близ современного Нинся, одержал победу над китайской армией и увел из загонов еще 10 000 лошадей. В 711 году китайцы воспользовались отсутствием Мочура, отправившегося в поход на тюргешей, чтобы восстановить сдавшиеся города к северу от Желтой реки, русло которой прежде обозначало границу тюркских владений. На северном берегу, в 25 километрах от реки, тюрки возвели монастырь, в котором собирались осенью, чтобы попросить богов ниспослать им удачу. Затем они отпускали животных и ждали, пока река покроется льдом, чтобы перейти ее. Теперь представилась возможность вернуть целую полосу земли к югу от пустыни и возвести три крепости на расстоянии 200 километров так, чтобы одна прикрывала другую. Центральным из этих трех городов, в котором находился тюркский монастырь, была Урада. Со времен падения монгольской династии этим городом владел союз монгольских племен урада, или урьяды. В более поздние времена через город была проложена дорога в уйгурские земли. Поскольку из описаний явствует, что этот город находился к юго-востоку от Тендука, то либо Тендук династии Тан располагался западнее Тендука катаев (тот, что описан Палладием), либо провинция Тендук занимала значительную территорию, а военный центр время от времени перемещался. Восточный город находился недалеко от Кукухото, Тендука китайской империи, сегодняшнего Гуйхуачэна. Западный располагался там, где Желтая река несет свои воды мимо крутых берегов, это место было хорошо известно во времена хунну. Занятая площадь составляла около 160 километров, она простиралась с севера до места, которое в современной Монголии называют Киран-Торохай, или холмы Киран. Здесь было построено 180 дымовых сигнальных станций с целью контроля над всей территорией. Все это принесло прекрасные результаты: на Ордос больше не совершались набеги и появилась возможность существенно сократить расходы на военные нужды.

Одержав победу над тюргешским каганом Согэ и казнив его, Мочур увеличил свои владения, протяженность которых с востока на запад теперь составляла около 4800 километров. Катаи и кумоси вынуждены были платить ему дань, как их предки сяньбийцы – хунну. Наготове у Мочура всегда была армия в 400 000 конных лучников. Однако безмерная власть сделала Мочура тираном, и по мере того, как он старел, многие из его вассальных племен выходили из-под контроля. В 714 году Мочур послал армию на Урумчи, новую резиденцию китайского наместника, тогда известную как Северное ханство. Суяб, тюргешская столица, находился в 1126 километрах к западу от резиденции, киргизское ханство в 1930 километрах к северу, уйгурское – в 1609 километрах к северо-востоку, или в 40 днях пути на верблюдах. Хамил находился в 480 километрах к юго-востоку, а Харашар – в 640 километрах на юго-запад. Все

эти цифры показывают, что доступные нам карты страдают значительными погрешностями. Это нападение было ошибкой: один тегин лишился головы, а шурин Мочура, страшась возвращения к тирану, вместе с женой бежал в Китай. Здесь им был оказан теплый прием, дарованы титулы и щедрые подарки. В 715 году Мочур принял участие в крупномасштабном сражении к северу от пустыни и наголову разбил *токуз-югюз*, или «девять кланов», из племени канкали. В 716 году он вновь отправился на север, чтобы атаковать байкалов, и нанес им сокрушительное поражение на берегах Толы. Опыяненный победой Мочур возвращался назад, когда неожиданно из засады появился небольшой отряд байкалов. Они напали на Мочура и отсекали ему голову. Этот ценный трофей был немедленно отправлен в китайскую столицу. Услышав это известие, сын Кутлуга Кюль собрал племя, убил сына Мочура и всех его братьев, а также большинство его родственников и друзей и объявил себя каганом Бильге, левым чжуки-князем. Этот правитель отличался великодушием: однажды он даже объявил о своей готовности отказаться от власти в пользу своего младшего брата, однако тот отклонил предложение и удовлетворился титулом левого чжуки-князя и главнокомандующего. Каган Сулу из племени тюркешей счел, что настало подходящее время, чтобы объявить о своей независимости, а катая и кумоси на востоке снова начали платить дань Китаю. В 730 году посол Сулу прославился тем, что вступил в спор с послом северных тюрков. Катаи укрепили свои отношения с Китаем путем заключения брачных союзов, и тюркам в будущем так и не удалось сделать их своими вассалами.

Одному старому тюрку по имени Тоньюкук удалось избежать массовой резни. В 1897 году супруга Д.А. Клеменца обнаружила его саркофаг и две колонны с 64-строчной надписью на тюркском в 50 километрах восточнее Урги. Эта надпись почти полностью подтверждает факты тюркской истории, изложенные в китайских источниках. Хотя Тоньюкук был советником Мочура, он удачно выдал свою дочь замуж за вождя одного из племен и благодаря этому спас свою жизнь. Однако он вынужден был вернуться к своему племени. Теперь ему было уже около семидесяти лет, и он пользовался таким уважением, что народ потребовал его возвращения. Впрочем, ряд племен, таких как арсланы, выражали недовольство новыми порядками и отправились в Китай. Теперь, когда последняя группа сдавшихся на милость Китая была расселена на плато Ордос, китайский наместник отнял у них оружие и вскоре отправил их обратно за реку. Поскольку без оружия люди не могли охотиться и защищаться от врагов, они, разумеется, возражали против такого решения. Это недовольство привело к ряду небольших сражений, после которых недовольные вынуждены были спасаться бегством. Один из вождей, Меркрин (или Бильге-хан, годы правления – 683–716; 716–734), решил было совершить набег на китайские территории, но Тоньюкук отговорил его, сославшись на то, что урожай в этом году был обилен, а могущество Китая значительно. В действительности же не было причин для военных действий, не говоря уже о том, что вновь собранная орда нуждалась в отдыхе. Затем Меркрин задумался о постройке новых крепостей и монастырей, но мудрый Тоньюкук сказал: «Нет! Численность тюрков невелика, она не составляет и сотой доли населения Китая. Единственная причина, по которой нам до сих пор удавалось бороться с Китаем, – то, что мы кочевники, все свое носим с собой и все мы искусные воины. Когда мы можем, мы грабим. Когда мы не в состоянии этого делать, мы прячемся, чтобы китайская армия не могла найти нас. Если мы начнем строить города и изменим нашим древним обычаям, то в один прекрасный день обнаружим, что находимся под властью Китайской империи. Более того, сама суть монастырей и храмов в умиротворении нравов, но лишь сильные духом, жестокие и воинственные люди правят человечеством». Эти слова встретили горячий отклик среди всех советников Меркрина. Стоит сравнить их с приведенными выше словами евнуха, сказанными на 850 лет раньше.

Глава 4

Воскрешение и гибель

В 720 году наместник Ордоса посоветовал отправить военную экспедицию в район реки Кера (по-видимому, регион Иртыша), чтобы застать тюрков врасплох. При этом предполагалось заручиться помощью племен кумоси и катаев на востоке и басмилов на западе. Услышав об этих приготовлениях, Меркрин не на шутку встревожился, но Тоньюкук спокойно сказал: «Нет причин для тревоги. Басмилы сейчас в Урумчи, это далеко на запад от катаев. Я не верю, что они объединятся, не верю и в то, что китайская армия когда-нибудь доберется сюда. Если же это случится, мы отступим на север и будем отходить, пока у них не закончатся припасы. Кроме того, басмилы – алчные люди. Когда они получают приказ выступить, поспешат сюда. Я слышал также, что китайский наместник в плохих отношениях с китайским премьером, и тот, конечно, не упустит возможности вставить одну-две палки в колесо. Тогда мы заманим басмилов в ловушку». Из этой речи и из последующих событий мы можем сделать вывод, что тюркское ханство у реки Кера, по крайней мере, в тот момент находилось близ Хамила. Вскоре прибыли басмилы, но, не обнаружив союзников, поспешили ретироваться. Тюрки собирались атаковать их, но мудрый Тоньюкук сказал: «Нет! Сейчас они в 500 километрах от дома и будут сражаться отчаянно. Отпустим их и пойдем по следу». В 120 километрах от Урумчи Тоньюкук разделил тюркскую армию на две части – первая должна была захватить город врасплох, пройдя по редко используемой дороге, а второй предстояло напасть на басмилов. План оказался удачным, все басмилы, мужчины и женщины, были захвачены в плен. На обратном пути Тоньюкук взял Ланьчжоу и увел целые табуны лошадей и многочисленные стада овец. Китайский правитель оказал сильное сопротивление, но из-за сильных морозов его плохо одетые воины не в состоянии были использовать свои луки. Неясно, почему такое мелкое племя, как басмилы (очевидно, это бисерманы, о которых в 1246 году упоминал Карпини), которое упоминается в одном из источников как часть орды Чеби, было удостоено чести заключить союз с Китаем. В любом случае, басмилы жестоко заплатились за это. Не совсем понятно также, как именно Тоньюкук, возвращаясь на восток в Хамил, сумел обойти его с юго-востока. В результате всех этих событий Меркрину удалось вернуть почти все древние владения Мочура. Так же неожиданно, как в свое время Мочур, он отправил послов в Китай. В своем послании он просил императора называть его, Меркрин, своим сыном. Эта милость была ему дарована. Однако когда Меркрин обратился с более серьезной просьбой, а именно дать ему в супруги принцессу, император «посоветовался» и отправил послов восвояси, наделив их щедрыми дарами. В 725 году Чан Юэ (выдающийся государственный деятель и ученый, написавший предисловие к книге Хуань Чжуана о его странствиях) посоветовал увеличить армию, чтобы обезопасить Китай от тюрков. Он доказывал, что союз, или триумвират, второго воинственного сына Кутлуга, мудрого Тоньюкука и Меркрин представляет угрозу для императора и ему лучше не отправляться в путешествие на восток, к вершине Тайшань, без внушительного эскорта. Другой советник предложил пригласить тюркских вождей принять участие в этом путешествии и таким образом обезопасить императора. Император решил последовать этому совету и отправил к тюркам послов. Меркрин, его супруга, тесть и другой сын Кутлуга, Кюль, – все собрались в шатре, чтобы принять посла. Тюркская дипломатия была проста. Обычно говорилось следующее: «Китай заключает брачные союзы с тибетскими псами. Гей [кумасы] и катаи, некогда бывшие верными слугами тюрков, теперь берут в жены китайских принцесс. Как же получилось, что наши предложения о заключении браков не находят ответа?» Посол отвечал: «Но ведь каган выразил желание стать сыном императора, как же могут отец и сын заключать брачные союзы между своими семьями?» Тюрки парировали: «Вы даровали императорское клановое имя Гей и катаям, но им позволено брать в супруги китайских принцесс! Почему же это

не позволено нам? Кроме того, мы подозреваем, что эти так называемые принцессы в действительности не являются дочерьми императора. Да никто и не говорил о том, что кровное родство может послужить причиной отказа. Ваш отказ делает нас посмешищем в глазах других государств». (Здесь следует пояснить, что оседлые тибетцы лассы (лхасы), в отличие от других племен, привлекли к себе внимание значительно позже. Вскоре они уже заключили с Китаем равноправный договор. Первоначальный его текст на китайском языке и видоизмененный текст на санскрите был обнаружен нашей экспедицией на прежнем месте в 1904 году.) В 710 году император отправил в Тибет свою приемную дочь, а в 718 году его преемник выдал девушек из императорского дома за вождей кумоси и катаев. Посол мог лишь обещать, что расскажет о переговорах императору. Вместе с китайской миссией ко двору отбыл посол Меркрина; он должен был принять участие в путешествии императора к горе Тайшань. Император оказал ему радушный прием, но о брачных союзах предпочел умолчать.

Вскоре тибетцы направили тюркам письменное предложение совершить совместный набег на Китай. Однако Меркрин отклонил это предложение и переправил тибетское письмо императору. Этот дружественный акт произвел такое впечатление на императора, что тот разрешил начать взаимовыгодную торговлю на западе, у трех «сдавшихся городов», и одарил кагана значительной денежной суммой. Здесь мы впервые встречаем упоминание чая, который обменивали на лошадей. (Что касается письменного сношения между тюрками и тибетцами, переписка, вероятно, велась на санскрите или согдианском языке, поскольку известно, что книги, отправленные в 648 году правителем тохаров, были написаны на языке «родственном языку Будды».)

После смерти Меркрина Тюркский каганат быстро распался. Сначала власть перешла к сыну Меркрина, затем к его брату, потом к другому сыну. Затем последовала череда убийств. Наконец, уйгуры, карлуки и басмилы объединились и убили правящего кагана. В ходе кровавого сражения между басмилами (которые в течение некоторого времени поддерживали одного из каганов) и уйгурами, с одной стороны, и сыном Кутлуга, Кюлем, – с другой уйгуры одержали верх, и супруга Меркрина нашла приют в Китае, где ей было назначено щедрое денежное содержание на «краску и пудру». Все эти события произошли в 743 году. Так, через два столетия прекратила свое существование северная, или восточная, империя тюрков. Ее частичное воскрешение под названием Уйгурская империя представляется скорее сменой династий. Однако прежде чем мы перейдем к рассказу об уйгурах, вернемся и проанализируем положение западных тюрков после раскола Далобяня.

После моего возвращения в Англию в 1894–1895 годах профессор Томсен из Копенгагенского университета любезно предоставил мне (после того, как я оставил первое издание этой книги для печати в Китае) экземпляр своей книги «Inscriptions de l'Orkhon, déchiffrees par Vilh. Thomsen» (Гельсингфорс, 1894), в которой содержится рассказ Бильге-хана о его деяниях и деяниях его брата, Кюль-тегина. Запись этого рассказа была высечена на камне в 732 году по указанию китайского императора.

Вскоре после этого доктор Радлов из Императорской академии наук в Санкт-Петербурге любезно предоставил мне экземпляры своих превосходных «Атласов» с увеличенными фотографиями различных китайских и тюркских надписей на каменных памятниках.

С того времени Ф. Хирт, Э. Шаванн, Поль Пеллиот и другие внесли огромный вклад в решение проблем тюрко-ведения. Все солидные труды были созданы этими учеными. Их работы позволили мне установить правильную транскрипцию татарских имен. В результате удалось отождествить каганов Бумына и Истеми из различных надписей с братьями Туменом и Шитеми, а каган Капаган оказался известным нам Мочуром.

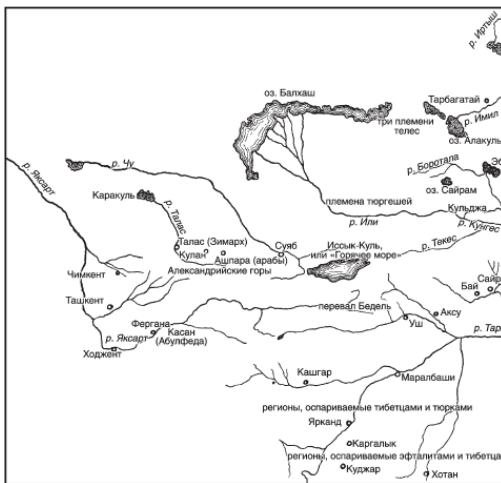
Часть пятая

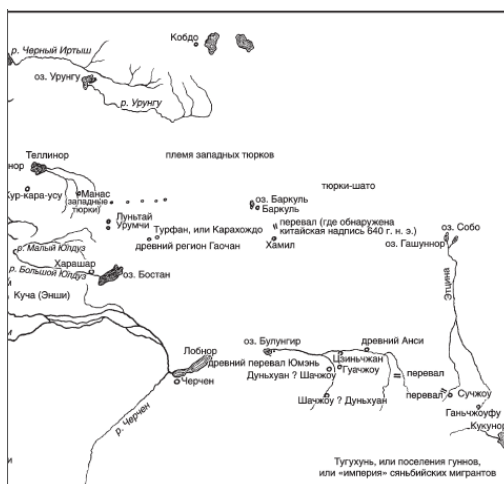
Империя западных тюрков

Глава 1

Временный расцвет и окончательное исчезновение семьи Ашина

После смерти Таспара тюрки избрали Великим каганом его сына Амрака, поскольку сын Мухана Далобянь был рожден матерью не столь знатного происхождения. Это привело к соперничеству, впрочем дружескому, между Амраком и Шету, сыном Кара Иссык-хана, – один из них должен был уступить. Наконец, Шету стал Шаболо-каганом, а Амрак обосновался на реке Тола в качестве «кагана номер два». Обиженный Далобянь отправился в земли, которые во времена хунну принадлежали народу усунь, кочевникам Кульджи. На западе лежало озеро Балхаш; на юге его владения включали Кашгар, а на севере достигали пустыни за Алтаем. Его южное ханство находилось в семи днях пути на северо-запад от Харашара, который располагался где-то близ Кульджи, а северное ханство было в восьми днях пути на север, возможно, близ более позднего Эмила, основанного Гурханом около 1120 года. Под властью Далобяня были канкали, а также Куча и другие сартские государства, карлуки, турруки (т. е., по-видимому, туркоманы, не путать с тюркешами), пустынные тюрки, жившие к северо-западу от Хамила, сам Хамил и, возможно, Ташкурган к востоку от Ташкента. «Во всех этих государствах уклад жизни походил на тюркский, была лишь незначительная разница в языках». По тюркскому обычаю все *ябгу*, *тегины* и *шады* были родственниками кагана. Другие титулы, все – наследственные, были в точности такими же, как у восточных тюрков.

Карта 2

Набросок карты, основанный на данных из книги профессора Э. Шаванна «*Turcs Occidentaux*» (1903)

Далобянь был взят в плен *ябгу* Чулохоу, братом Шаболо, отцом Дуляня Первого, также известным как *ябгу*-хан. (Именно он принимал китайского путешественника Хуань Чжуана в резиденции под названием Тысяча Источников близ Мерке, к западу от Иссык-Куля.) Затем власть перешла к сыну некоего тегина по имени Янсо, внуку Бумына, этот сын носил титул Нили-хан. Нили взял в жены китаянку, родившую ему сына, которого называли Дамань. В свое время Дамань наследовал отцу под именем Нигю Чулохан Дамань, здесь важно не путать его с тезкой – восточным монархом. Его овдовевшая мать, по древнему обычаю хунну, вышла замуж за своего деверя, Басы-тегина, и счастливая пара устроила себе резиденцию в китайской столице. Это случилось приблизительно в 600 году. Чулохан обычно жил в своих кульджанских владениях, но под его властью находился и ряд подчиненных каганов. Один из таких каганов жил к северу от Ташкента, и его обязанностью было держать в подчинении различные племена ху. Другой каган обосновался к северу от Кучи. В то время, когда император Суй уговорил канкали заключить союз с целью нападения на тугухуней, он предложил встречу и Чуло. Но приближенные Чуло сочли, что это слишком рискованно. Тогда император решил рассорить западных тюрков, чтобы не позволить им стать слишком могущественными и независимыми. Следует помнить, после раскола Далобянь нашел приют у Тарду, дяди Шаболо, а Тарду – в то время простой наместник правителя – объявил себя Боке-каганом. Теперь наследование перешло через сына Тарду к его внуку Шегую, а Шегуй направил к китайскому императору послов, прося дать ему в супруги принцессу. Император пообещал Шегую выполнить его просьбу, если тот устроит Чуло взбучку, что Шегуй и поспешил сделать. Застигнутый врасплох Чуло бежал на восток, в Караходжо, – это государство еще не было покорено китайцами, включившими его в свою империю лишь в 640 году. Тогда император послал к Чуло его мать, та должна была уговорить сына прибыть к китайскому двору. Ее переговоры увенчались успехом, и впоследствии Чуло служил в Корее под началом генерала Жумэня, который, как уже упоминалось, потерял там 300 000 человек. В конце концов Чуло пал от руки убийцы, подосланного северным ханом Шибиром (братом другого Чуло).

Когда западный Чуло явился к императору, к китайскому двору прибыл и тегин по имени Данё вместе с Хассан-каганом. (В своей превосходной книге («*Turcs Occidentaux*», 1903) Э. Шаванн предпринимает попытку прояснить загадку этих тюркских имен, разнящихся в каждой династической истории: ему удалось установить, что Нигю Чулохан Дамань и Хассан – это одно и то же лицо.) Данё хорошо зарекомендовал себя, служа императору Суй в Корее, и впоследствии содействовал возвышению династии Тан. Он скончался в 638 году, окруженный поче-

стями. Хассан был взят под стражу слабоумным Янди, после чего западные тюрки присвоили титул кагана его дяде Шегую. Он был первым западным тюрком, создавшим великую империю. На востоке она граничила с Алтайским хребтом, а на западе – с Каспийским морем. Все народы, живущие к западу от известного прохода в Великой стене, признали его сюзеренитет. Шегуй вел спор за власть с восточными тюрками (или северными, как их называли китайцы) и устроил себе резиденцию «к северу от Кучи» (т. е. в Кульдже или близ нее). Однако Шегуй правил недолго, его наследником стал брат, известный как верховный Ябгу, который, как уже говорилось, должен был жить к северу от Ташкента и держать различные туркоманские племена в подчинении. Новый каган был известен под своим прежним именем, а именно Тон-шэху, или Тун– Ябгу-хан, не следует путать его с Ябгу Чулохоу (братом Шаболо и отцом Дуляня), который в конце концов захватил в плен Або-хана. Первый был талантливым полководцем и не только человеком исключительной храбрости, но и чрезвычайно неглупым. Он присоединил к своим владениям территории канкали на севере, оттеснил персов на запад и захватил все древние эфталитские доминионы вплоть до реки Кофен, или Кабул, которые в III веке н. э. принадлежали юэчжам. После того как Китай окончательно сломил власть тюрков, Персия стала одной из 16 провинций на западе. Здесь мы в очередной раз встречаем подтверждение того, что юэчжи – это авары, а не жуаньжуань, все упоминания о которых исчезли за столетие до этого. Из европейских источников известно, что Хосрой Второй из Персии при помощи аваров пытался сохранить пошатнувшуюся империю Сасанидов, а греко-римский император Гераклий заигрывал с могущественным ханом хазаров (здесь, видимо, имеются в виду хазары Каспия, а не великий Ябгу или один из подчиненных каганов, чьи уйгурские племена китайцы называли «гэса»), стремясь нанести Персии как можно больший урон. В 589 году тюрки захватили Балх и Герат, а в 599 году «оказали помощь своим вассалам, кушанцам и эфталитам, в борьбе с армянами и персами». Последний из Сасанидов нашел приют в Китае, а в 684 году его сын Фируз был отправлен назад с титулом царя. Теперь тюркам угрожали арабы.

Каган, как нам говорит китайская история, управлял западом из своей резиденции на территории древнего народа усунь (которых мы всегда называли «кочевниками Кульджи»), однако он перенес эту резиденцию на 480 километров к северу от Ташкента, в район реки Тарас. Все цари Туркестана были его вассалами («герефа») и контролировались «тудуном» (это слово появляется в тюркских надписях), или наместником, в чьи обязанности входил сбор дани. «Западные татары» никогда прежде не переживали такого расцвета. При вступлении на престол династии Тан каган направил императору дань в виде страусовых яиц из Месопотамии (точно так же за 800 лет до этого поступили парфянские кочевники, владевшие этой территорией). Император побудил кагана выступить против Кат Иль-хана, и Ябгу пообещал, что его армия будет готова к выступлению зимой 622 года. Это так встревожило Кат Иль-хана, что он поспешил заверить кагана в своих мирных намерениях и желании сохранять нейтралитет. Ябгу обратился к императору, прося дать ему в жены принцессу, и император счел, что лучше всего будет пообещать кагану принцессу, чтобы припугнуть Кат Иль-хана, а сдерживать обещание или нет – покажут обстоятельства. К кагану направили высокопоставленного сановника, чтобы придать вес посланию императора. Однако брак так никогда и не был заключен, поскольку война с Кат Иль-ханом на некоторое время прервала всяческие сношения между Ябгу и Китаем. Впрочем, в 626 году, после вступления на престол Тайцзуна, каган направил к императору посла, сопровождаемого военачальником в ранге верховного джигина, с щедрыми дарами – табуном в 5000 лошадей и поясом из 10 000 золотых гвоздиков. Каган опасался, чтобы Кат Иль-хан не прослышал о его матримониальных планах и снова не оборвал его связь с Китаем. Как водится, обладавший безмерной властью верховный Ябгу-хан становился тираном. Карлуки подняли восстание, и в конце концов верховный каган был убит своим дядей Багатуром. Однако западные тюрки не хотели видеть его на престоле. Оставался один выход – передать власть сыну Ябгу, ранее бежавшему в Самарканд. Он принял титул «Ирбис Ышбара

Четвертый Ябгу-хан». Вспыхнула гражданская война, восстали канкали и туркестанские государства, Четвертый Ябгу потерпел сокрушительное поражение от сеяньто и канкали. Будучи человеком жестоким и упрямым, он вскоре до такой степени накалил обстановку, что вынужден был снова искать убежища в Самарканде. Власть перешла к одному из его соперников, прежде бежавшему в Харашар. Он известен как Великодушный каган, а китайский император (которому покоренные тюрки присвоили титул Небесного Хана) даровал ему тюркский титул Кутлуга, или Счастливого кагана. Через год после описываемых событий каган умер, престол перешел к его брату, в правление которого западные тюрки подверглись реорганизации – теперь они были разделены на десять племен, или «десять стрел», поскольку вождю каждого племени была вручена стрела власти. Пять племен находились к западу от Суяба, пять – к востоку, во главе племен стояли джигины или чуры. В результате вспыхнувшей вскоре гражданской войны государство было разделено на западную и восточную империи. Некий каган, который первоначально был наместником над киргизами, эфталитами и каспийскими племенами, захватил дорогу к западу от реки Или. Резиденция его располагалась к западу от нынешних Александрийских гор. Под властью кагана находились как уже упомянутые племена, так и «пегие лошади» – крупное кочевое племя, граничившее с киргизами, но говорившее на совершенно отличном от киргизского языке. Питалось это племя, главным образом, кумысом и сыром, а своим названием племя обязано тому, что их лошади были в большинстве своем пегими. Тюрки называли пегих лошадей «гора», поэтому и племя иногда именовалось гора. Кочевники жили в более холодном климате, чем киргизы, почти не пользовались железом, а на севере граничили с племенем, охотившимся на лосей. Весьма вероятно, что это племя очень походило на басмилов, которые охотились на лосей при помощи снегоступов, сделанных из дерева, обтянутого лошадиными шкурами. В борьбе между уйгурами и басмилами, которая последовала за падением Меркрина (Бильге-хана), один из басмилских вождей, из тюрков или Ашина, правил на протяжении короткого времени под именем Гора, или «Конь», каган. Власть второго из двух западных монархов, жившего к северу от Сырдарьи (в месте, которое в 520 году посетил китайский путешественник Сун Юнь, а столетием позже Хуань Чжуан), распространялась на Кучу, Тарим, Шерчен (Черчен у Марко Поло), Харашар, Ташкент, тохаров и группу самаркандских государств. В 640 году преемником этого кагана стал его брат, Ирбис Ышбара Ябгу-хан, также для краткости именуемый Ябгу. Император приветствовал его восхождение на престол, в 641 году прислал ему барабан и штандарт и склонял нового кагана и его соперника Туруга, жившего на северо-западе, к миру. Однако Туруг был настроен воинственно, он атаковал своего южного соперника, убил его и захватил его владения. В 644 году, после завоевания Харашара, китайский наместник перенес свою резиденцию из Баркула в Суяб, где тридцать пять лет спустя за несколько месяцев был возведен обнесенный стеной, хорошо укрепленный город: до этого китайцы имели неоднократные столкновения с Туругом. Народ Туруга, уставший от своего правителя, направил к императору послов, прося назначить нового кагана. Император незамедлительно поставил на этот пост кузена Верховного Ябгу, сына Багатура. Новый каган взял себе титул Ирбис Шегуй-хан и изгнал Туруга, нашедшего приют в Тохаристане. Он отправил императору всех китайцев, которых его предшественник заключил под стражу, и в обмен на жену, или, скорее, на ее приданое, согласился уступить Китаю Кучу, Хотан, Кашгар, Каргарик и небольшое памирское государство – или контроль за перевалом Белур-Таг.

После смерти императора Тайцзуна в 649 году Ябгу из семьи Ашина, по имени Хэлу (потомок Мухана в пятом поколении (т. е. племянник Истеми), владевший долинами Имила и Тараса (Черного Иртыша), решивший обезопасить себя от нападений Ирбис Шегуй-хана и обратившийся за защитой к китайскому наместнику в Урумчи), повернулся спиной к своим благодетелям, захватил прежние владения Туруга и основал свое государство далеко к западу от Тысячи Источников. Новый правитель стал именовать себя Шаболо (Ышбара-Ябгу-хан).

Под его властью находились племена «десять стрел», пять из которых назывались нуширвар (или очень похоже) и считались самыми западными из западных тюрков. Они жили к востоку от реки Яксарт. Помимо ведения войны со всеми племенами запада, Шаболо-хан совершал набеги на Урумчи, в результате чего против него выступило (и весьма успешно) 50-тысячное уйгурское войско под командованием китайского военачальника. В 657 году другая армия, сопровождаемая двумя представителями семьи Ашина, нанесла Хэлу серию сокрушительных поражений. Первое – у реки Или, через которую ему пришлось спешно переправляться, второе – на реке Сырдарья, после захвата владений Хэлу. Люди и лошади Хэлу были измотаны, он нашел приют в одном из небольших городов ташкентского государства – Шотуркате, правитель которого, пообещав взять Хэлу под свою защиту, выдал его Китаю. Хэлу был отправлен в столицу, где его чуть было не принесли в жертву на могиле основателя династии, но потом помиловали. Все владения западных тюрков вплоть до границ с Персией были поделены на кланы под контролем двух тюрко-китайских губернаторов, подчинявшихся китайскому наместнику в Куче. Никогда прежде (да и после) власть Китая не распространялась так далеко на запад. Хэлу умер в 659 году и был похоронен рядом с Кат Иль-ханом, а рассказ о его деяниях высечен на камне.

Из двух «губернаторских» постов, резиденции которых находились близ Суяба и Кучи, один был дарован члену семьи Ашина по имени Мише – прежде он был западным каганом, а затем служил в китайской армии, а другой – правителю Имила, Бучжэню, тоже из семьи Ашина, присоединившемуся к Туругу. Другими словами, восточная и западная части Западной Тюркской империи продолжали находиться под тюрко-китайским управлением. Правители (принадлежавшие к Ашина) имели право назначать многих, если не всех, подчиненных губернаторов, военачальников и других чиновников. Оба правителя помогли Китаю избавиться от Хэлу. Бучжэнь стремился подчинить себе и владения Мише. Поэтому, когда Китай попросил Бучжэня помочь наказать мятежных жителей Кучи, Бучжэнь воспользовался возможностью и возбудил в китайском военачальнике сомнения в верности Мише. Доверчивый генерал, опасаясь попасть в ловушку, решил опередить предателя. Под предлогом раздачи императорских наград он пригласил к себе Мише и его генералов и всех обезглавил. Подобная несправедливость вызвала гнев у племен запада. В 684 году, в начале своего правления, императрица У решила, что было бы ошибкой оставить «десять стрел» без авторитетного правителя, и назначила сына Мише, Юанькина, вождем пяти туругских племен, а Хушэло, сына к тому времени уже умершего Бучжэня, вождем пяти племен нуширвар. В 692 году первый был ложно обвинен коррумпированным чиновником. Сам каган был приговорен к смерти, а его сын сослан на отдаленный остров Хайнань. Чиновник же был убит в 697 году, он пал от руки тех, кому причинил зло, – такие случаи в китайской истории редкость. В 703 году оправданный сын кагана был возвращен из ссылки, но северный тюрк Мочур узурпировал его власть, и сын кагана, не осмелившись вернуться в свои владения, приехал в столицу, где впоследствии и умер. Тем временем Бучжэнь и Согэ, сын Учжилэ, по очереди продолжали править «пятью стрелами» (нуширвар) до тех пор, пока непрекращающиеся атаки Мочура настолько ослабили все «десять стрел», что их жалкие остатки – всего около 70 000 человек – поспешили укрыться на китайской территории. Так подошло к концу правление дома Ашина на западе. Его правители добились определенного успеха, но не продержались у власти так же долго, как северная династия. На двадцать лет, с 670 по 692 год, Харашар, Кашгар, Хотан и Куча попали под власть тибетцев. Затем в Куче было восстановлено проконсульство Энши.

Глава 2

Тюргешские каганы Суяба

Тюргешский вождь Учжилэ принадлежал к одной из двух племенных групп «пяти стрел», занимавших западные территории современного Или; они являлись ветвью западных тюрков, и после описанных событий группа нуширвар попала под власть Хушэло, сына Бучжэня, но его жестокость и тирания в конечном итоге заставили нуширвар покинуть его. Пока Хушэло жил при китайском дворе, Учжилэ удалось наладить отношения с другим вождем из семьи Ашина, носившим тюркский титул Кюль-чур. Имя этого вождя известно лишь из китайских источников – Чун Цзе, что означает «лояльный». На северо-востоке тюргеша граничили с северными тюрками, а на западе с туркестанскими государствами. Предположительно на севере их соседями были киргизы, находившиеся в то время под властью китайского наместника из Урумчи. Южный сосед – Кашгария – уже на протяжении нескольких лет находилась под властью Китая. Сын Учжилэ, Согэ, унаследовав владения отца, получил вместе с ними и высокий китайский титул. Император прислал ему четырех девственниц из своего гарема и даровал различные привилегии. Все это вызвало у вышеупомянутого Кюль-чура зависть, и он послал 700 унций золота китайскому военному министру, чтобы избавиться от соперника. Министр обменялся с Кюль-чуром письмами и, наконец, направил к нему своего человека для переговоров. Этот агент был схвачен разведчиками Согэ и вскоре казнен. Опасаясь осложнения ситуации, Согэ потребовал от императора казнить министра. В 709 году в результате предательства младшего брата Согэ потерпел поражение и пал от руки восточнотюркского завоевателя Мочура. Но Мочур вскоре убил и брата-предателя на том основании, что человек, предавший брата, может предать и союзника. Остатками племени правил Сулу, тюргеш. Благодаря своему миролюбию и способностям ему удалось сплотить «десять стрел», и вскоре его армия насчитывала уже 200 000 человек. В 715 году он направил дружеское послание императору, и тот в качестве ответного жеста прислал Сулу правнучку Бучжэня. Эта принцесса навлекла на себя гнев китайского наместника, его привело в ярость надменное обращение с ним «этой женщины из семьи Ашина». Из мести он заставил голодать лошадей принцессы. Этот инцидент привел к войне с Сулу, угнавшим всех людей и захватившим все запасы из «четырех торговых городов», ранее покорившихся Китаю, а именно: Кашгар, Хотан, Куча и Суяб (или Харашар). В 730 году при китайском дворе послы Сулу поспорили о первенстве с послами Меркрина, заявившими, что тюргеша являются боковой ветвью тюрков. Проблема была решена дипломатично: в зале приемов тюрков усадили с восточной стороны, а тюргешей с западной.

Сулу был равнодушен к материальным благам и следил за тем, чтобы все захваченные в сражениях трофеи делились по справедливости. Он вел переговоры о брачном союзе одновременно с тибетцами, тюрками и китайским императором (надпись Бильге гласит: «Я выдал свою дочь замуж за кагана тюргешей»). Однако обширный гарем обходился недешево, средства Сулу таяли, и он становился все более скупым. Кроме того, одну руку у него парализовало, и он больше не мог принимать участие в сражениях. Как мы помним, древние хунну не испытывали жалости к слабым и увечным. В 738 году он стал жертвой борьбы между Желтым и Черным кланами, а в 742 году встречается упоминание о том, что и тюргеша, и киргизы подчинились китайскому наместнику в Урумчи. После этого Желтый и Черный кланы возобновили свою междоусобную войну, но Китай был слишком занят шанцами (ранними сиаменцами) и тибетцами, чтобы обращать внимание на Туркестан. Приблизительно в 780 году доминирующей силой стали карлуки, а остатки двух кланов – их вассалами. Уйгуры в этот период поглотили остаток орды Бучжэня. После того как в 847 году власть уйгуров пала, племя Бучжэня захватило Харашар. Начиная с этого времени они почти не упоминаются, известно лишь, что

в 907 году они принесли дань угасающей династии Тан. После этого ветвь западных тюрков сама заняла китайский трон, о чем мы сейчас и поговорим.

Глава 3

Тюркские императоры Северного Китая

Во времена великого тюркского раскола, когда Далобянь отправился в дальние земли, в регионах Кур-кара-усу и Манас (т. е. к северу от Тянь-Шаня, Тенгри-Тага, или Небесных гор) жило небольшое племя западных тюрков, известных как шато, или «пустынные» тюрки, и носивших клановое имя Чуюэ. Ранняя история семьи легко прослеживается на протяжении нескольких столетий, но в ней нет ничего достаточно интересного, чтобы приводить ее на страницах этой книги. Когда тюрки и прочие были разделены на две китайские провинции, племя шато жило к востоку от Баркуля. Вожди племени исправно служили в китайской армии, и племя обычно пребывало в окрестностях Урумчи, спасаясь от грозных тибетцев. В 756–762 годах обе имперские китайские столицы попали в руки мятежников, да и тибетцы выдвигали все новые требования. Сообщение с западом было прервано, и для того, чтобы попасть в Китай, послы шато вынуждены были просить разрешения у уйгуров пройти через их территории. В таких обстоятельствах у тюрков шато не было другого выхода, кроме как признать власть тибетцев, и вскоре 7000 тюркских юрт были перевезены в окрестности Ганьчжоу, где тибетцы использовали тюрков в качестве авангарда во время своих набегов на Китай. На протяжении поколений их вожди носили императорское клановое имя Ли (династия Тан), однако теперешний вождь племени, Ли Цзиньчун, или Ли Верный, носил также тибетский военный титул «блон». Когда уйгуры захватили Ланьчжоу, тибетцы не решились оставлять на прежнем месте родственное им племя шато и переселили его «за реку» (по-видимому, здесь имеется в виду Желтая река). Это не входило в планы шато. Вождь племени сказал: «На протяжении нескольких поколений мы служили Китаю, а теперь нас втоптали в грязь. Не лучше ли нам отправиться на восток, в Китай?» И вот в 808 году все племя, в котором к тому времени насчитывалось 30 000 юрт, направилось к притоку Желтой реки (Тао), который впадает в нее близ Ланьчжоу. Здесь тибетцы настигли их и почти полностью истребили. Ли Верный был убит, а жалкие остатки его племени, под предводительством «Справедливого» Чуюэ – советника Ли – достигли Великой стены у Линь-чжоу (южнее Калачана Марко Поло). От племени осталось всего 2000 всадников, большинство из которых были ранены, с собой они вели 1000 верблюдов и 700 других животных. Где-то в горах Северной Шанси для них была создана префектура, и «Справедливый» стал правителем своего народа. Их снабдили скотом, и постепенно сюда начали стекаться разрозненные остатки племени. Воины племени доказали свою храбрость, участвуя в войнах сначала под командованием «Справедливого», а потом и его сына «Верное сердце», считавшегося прародителем тюркской династии, вступившей на китайский престол после династии Тан (923–936). Тибетское могущество было изрядно подорвано, поскольку шато были искусными воинами и их помощь в набеге на китайские территории была неоценимой. В 870 году Чуюэ «Верное сердце» было даровано императорское имя Ли и личный титул «Прославленный»; с этого времени он упоминается в источниках под именем Ли Гочжан. В это время Китай переживал период анархии и испытывал проблемы со своими наместниками, многие из которых стремились сделать свои владения наследственными и полунезависимыми. Помимо этого известное восстание Хуан Чао – своего рода китайского Джека Кейда – опустошило южные провинции. В этих обстоятельствах услуги «Прославленного» и его сына Ли Кэюна, «Полезного», были особенно ценны для Китая. Однако и они вынуждены были отступить перед победоносной армией «Джека Кейда», укрывшись на территории племени татар, чтобы восстановить силы. (Это редкое упоминание о татарах в столь ранний период представляется весьма любопытным.) К сожалению, тирания и казнокрадство одного из китайских генералов, впоследствии обезглавленного «Полезным», привели в конечном итоге к восстанию. На совете знати «Полезный», после демонстрации своего искусства лучника, неожиданно ска-

зал: «К чему жить в пустыне и оставлять долины Китая на милость этого жалкого мятежника Хуан Чао? Почему не завоевать Китай для себя?» Тем временем мятежное войско овладело столицей Сианьфу, и военачальники императорской армии обратились к Ли Гочжану и его сыну с просьбой возглавить кампанию против восставших. Вскоре столица была возвращена, а оба полководца награждены высокими званиями. Отец умер в 887 году, а сын по повелению императора стал принцем Цзинь (т. е. Шаньси). Этот титул унаследовал его сын Ли Цуньсуй. В 907 году империя Тан распалась, на ее руинах китайский полководец-узурпатор основал династию Лян. Но принц Цзинь остался верным имени Тан и сам основал династию, названную Поздняя Тан. Его сын, Ли Сюань, больше известен под своим посмертным именем – как император Минцзун. В его правление было изобретено книгопечатание, и использовалось оно прежде всего для дешевого размножения «Каменных классиков». В этот период о своем могуществе заявили катаи. Однако две тюркские династии шато – Поздняя Цзинь и Поздняя Хань – правили северной частью Китая под покровительством катаев до 950 года. Как и прежде, когда Северный Китай находился под властью династий хунну и сяньби, им правили теперь их потомки – тюрки и катаи. Их власть никогда не распространялась за пределы Желтой реки. Затем на трон взошла китайская династия Поздняя Чжоу, последняя из так называемых Удай, или Пяти династий. В этот период в Фучжоу, Кантоне, Нанкине и юго-западной провинции Сычуань появились многочисленные китайские династии. Наконец, солдаты, уставшие от распрей, заставили своих военачальников, сражавшихся за три династии, выбрать одну. В 960 году империя была объединена под эгидой китайского дома Сун. В новую империю не был включен самый северный регион, где на протяжении 200 лет (906–1120) правила китайская династия наравне с династией Сун, чья власть распространялась на Центральный и Южный Китай. В 980 году эта китайская, или катаяская, династия приняла официальный титул «Та Китай» или «Великий Катай», и, поскольку русские впервые услышали о Китае от татар и ничего не знали о юге, они и по сей день называют эту страну Китаем.

Образ жизни тюрков шато не отличался своеобразием. В отличие от северного и раннего западного правящих домов они принадлежали не к семье Ашина, а к одному из мелких племен, подчинявшихся сначала наместникам запада, а впоследствии Далобяню и его преемникам. Они славились своей храбростью, верностью и воинским искусством. Вся их история, насколько нам известно, тесно связана с китайскими интересами. Примечательно, что одно из слабейших тюркских племен единственное сумело взойти на императорский трон. Официальные историки говорят о Минцзуне с исключительным уважением. Племя шато некоторое время жило на своих прежних землях, близ Кукухото (во времена Марко Поло). Династия нуньчжэней, столетие спустя после Минцзуна, переместилась ближе к Ляодуну, а некто из тендукского племени Северной Шаньси принял христианство и под именем Онгку связал себя брачными узами с семьей Чингисхана. Марко Поло, спутав Онгку с Ван-ханом из племени кераитов, называет его пресвитером Иоанном.

Некоторые члены племени шато вернулись в Кур-кара-усу и в период правления катаяской династии (906—1120) упоминаются как вассальное племя.

Важно помнить, что, когда хунну бежали на запад, бежал туда не весь народ, только шаньюй и три-четыре знатных клана, поскольку кочевая империя никогда не отличалась сплоченностью. Таким образом, когда тюркские императоры сошли со сцены, большая часть их народа, представлявшего собой сплав разных племен, осталась на своем месте, сменились лишь правители. Особенностью хунну и тюрков, отличающей их от более демократичных сяньбийцев и катаев, являлась власть, основанная на наследовании.

Прежде чем мы закончим говорить о тюрках, рассмотрим киргизов и другие малоизвестные племена.

Глава 4

Киргизы

История киргизов ясно прослеживается с самого своего начала. По-видимому, они постоянно, на протяжении 2000 лет, занимали ту же территорию, когда шаньюй Чжичжи покорил их и сделал их орду одной из своих столиц. Киргизы в значительной степени смешались с канкали. И киргизы, и «высокие телеги», которые также известны под названием канкали, или, скорее, их правящие касты, считаются потомками доисторических северных племен, которых мы считали канкали. Они никогда не поддерживали взаимоотношений с Китаем до тех пор, пока не стали известны под названием «киргизы». До этого они носили различные названия, более или менее схожие с этим и, возможно, отражавшие различные диалекты. Наконец, в орхонских надписях мы встречаем упоминание народа телес.

К востоку от них находилось тюркское племя куркан, занимавшее северный и южный берега озера Байкал. Китайцы заметили, что на этой широте необычайно длинные летние вечера: «солнце здесь заходит на время, достаточное, чтобы поджарить одну баранью ногу». Не зная физической географии, они вообразили, что это и есть та часть мира, «где заходит солнце». К юго-востоку жили карлуки, а озеро Балхаш было киргизской вотчиной. Слово «киргиз» (у Менандра *%ер%ij*) – это искаженное уйгурское слово, означающее «загорелые лица». Первоначально этот народ называли «керкур». Китайские географические описания так скудны и туманны, что нам сейчас трудно установить истинное местоположение киргизских владений. Судя по всему, северными соседями киргизов были орочи, тупо и другие тунгусские племена. Различные детали их образа жизни, как то: строительство домов из березовой коры, сани с шестами, охота на соболей при помощи снегоступов, употребление в пищу луковиц по причине нехватки зерна, помещение тел покойных в ящики и развешивание их на деревьях – все это указывает на тунгусский уклад.

Описание, данное самими киргизами, достаточно полное. Когда о киргизах впервые стало известно через тюрков, их армия насчитывала 80 000 хороших воинов. Их земли заболачивались летом и исчезали под снежными сугробами зимой. Киргизы отличались высоким ростом, они были очень энергичны, имели рыжеватый оттенок волос, светлые лица (трудно сказать, как это соотносится с «загорелыми лицами») и зеленые глаза. (Следует отметить, что кочевники Кульджи, исчезнувшие из китайской истории прежде, чем о них услышали тюрки, также привлекали внимание своими рыжеватыми волосами и зелеными или голубыми глазами. Унгры, или венгры, пришедшие в Венгрию в IX веке после гуннов, готов, гепидов, ломбардов, аваров и др., тоже бывали в этом регионе, но этот факт остался незамеченным. В 1910 году мы с венгром Кальманом Немати провели некоторое время вместе с целью выявить азиатское происхождение его народа. Возможно, это были усунь или «кочевники Кульджи» из времен хунну. Усунь вполне могли оказаться киргизами, поскольку история древних киргизов нам известна, кроме того, из источников явствует, что они никогда не были в дружбе с кочевниками Кульджи.) Они считают черные волосы плохой приметой, а своих черноглазых соплеменников относят к потомкам китайского военачальника, сдавшегося хунну в 100 году до н. э. и получившего в жены татарку царской крови. Женщин в племени больше, чем мужчин, они носят в ушах кольца. Самые храбрые из мужчин украшают свои руки татуировками. Когда девушка выходит замуж, она наносит татуировку на шею. Киргизы славятся беспорядочностью связей и похотью. (Здесь следует краткое описание способов, при помощи которых они определяли время, но текст неразборчив.) Год они исчисляют при помощи двенадцати существ (знаков животных, или двенадцатеричного цикла, разработанного китайцами). Например, то, что китаец называет «годом инь», у киргизов «год Тигра». (Шаванн и другие опубликовали немало научных трудов, посвященных спорам татар и китайцев относительно того, кто первым

разработал этот цикл.) Климат здесь в основном холодный, и даже крупные реки наполовину покрыты льдом. Из зерновых киргизы выращивают рис, просо, пшеницу, ячмень и овес, которые растирают в муку при помощи ножной машины. Сеют они в апреле – мае, а урожай собирают в октябре – ноябре. Из вареного риса они делают спирт, но у них нет ни фруктов, ни овощей. (Рис, выращиваемый так далеко на севере, кажется аномалией.) Они заботятся о своих лошадях, у них есть как прирученные, так и дикие. Есть верблюды и овцы. У богатого человека может быть до нескольких тысяч голов скота. Здесь водятся зобастые антилопы, архары и олень, напоминающий сибирскую косулю, но крупнее, темнее и с черным хвостом. Из рыбы водится *мир*, или *мит*, 2,5 метра в длину и бескостная рыба *моген*. Из птиц перечислены дикий гусь, дикая утка, вороны, сороки, ястребы, коршуны. Из деревьев произрастают березы, вязы, ивы и клены. Особенно много было берез, а некоторые из елей были так высоки, что даже выпущенная стрела не долетала до их верхушек. В этой земле много золота, железа и цинка. После дождей всегда добывали очень твердое железо, называемое «каса» или «гаша», пригодное для производства оружия. Обычно его отправляли тюркам в качестве дани. (Китайские источники упоминают, что в 960 году путешествующему императору западные ху преподнесли превосходное железо и кинжалы.) В сражениях использовали луки, стрелы, штандарты. Всадники вырезали из дерева щитки, чтобы прикрыть ноги, а также применяли круглые щитки для защиты плеч от стрел и дротиков. Вождя называют «Аджир» или «Айет», это также и клановое имя. У каждого клана свой штандарт, причем предпочитается красный цвет. В одежде более всего ценится мех соболя или бобра. Зимой аджир носит соболью шапку, а летом островерхий металлический шлем. Соплеменники, ниже его по статусу, носят войлочные шапки, а на поясах – оселки. Самые бедные одеваются в шкуры и не имеют головных уборов. Женская одежда шьется из грубой шерстяной ткани или вышитого шелка из Юго-Западного Китая – предмета бартерных сделок с арабами в Куче или Урумчи. (В 800 году Аббасиды отправили войска в помощь тибетцам, воевавшим с сиамцами; китайские историки называют их «одетыми в черное данзы».) Резиденция аджира окружена не стеной, а частоколом. Из сшитых вместе кусков войлока делают юрты, называемые «митичида». Все подати выплачиваются собольим, кунным или горностаевым мехом. Административный аппарат разделен на шесть категорий: министры, проконсулы, комиссары, резиденты, генералы⁷ и *дакан* (это тюркский титул). Всего семь министров, три проконсула и десять комиссаров – все военачальники, кроме того, пятнадцать резидентов и неизвестное количество генералов и тарханов. Основная пища – мясо и кумыс, лишь аджир может позволить себе хлеб. Из музыкальных инструментов – флейта, барабан, свирель, рожок и колокольчики. Из развлечений предпочитают представления с верблюдами и львами, конные состязания и пляски на канате. Киргизы поклоняются незримым силам, а когда трава на пастбище сохнет, зовут колдуна. В качестве свадебных подарков преподносят овец, лошадей, при этом состоятельные люди могут подарить до тысячи голов скота. На похоронах не режут себе лица, но трижды с плачем обходят вокруг покойного, затем сжигают его, собирают прах и через год сооружают могилу. К зиме укрывают крыши домов корой. Письменность и речь похожи на уйгурские (этот факт служит подтверждением гипотезы о том, что канкалы и киргизы произошли от одного народа). За дезертирство с поля боя, провал дипломатической миссии или кражу отрубает голову. Если сын совершил кражу, его голову привязывают на шею отца, и тот носит ее до самой своей смерти.

Уйгурское племя располагалось в 960 километрах к северо-западу от излучины Желтой реки, а киргизская орда еще дальше – в 40 днях пути на верблюдах. (То есть уйгуры жили где-то близ Каракорума, а киргизы – между Кобдо и Черным Иртышом.) Тюрки охотно выдавали своих дочерей замуж за киргизских вождей, которых делили на три категории: «кизик», «кушапо» и «амей». Когда в Китае впервые услышали о киргизах, те находились под властью

⁷ Сохранена терминология автора.

сеяньто. Однако, когда в 648 году некоторые племена канкали перешли под покровительство Китая, киргизы решили последовать их примеру. Киргизский вождь явился ко двору императора и получил должность китайского префекта под контролем наместника. Так продолжалось в течение столетия, но в 759 году уйгуры нанесли киргизам поражение и прервали их сношения с Китаем. Спасаясь от уйгуров, киргизы присоединялись к караванам арабов, карлуков и тибетцев. Когда власть уйгуров пала, аджир принял титул кагана, в 841 году в сражении убил уйгурского правителя и сжег его резиденцию, оставив в живых его жену – китайскую принцессу. Затем вместе со своей ордой он двинулся на юг в место, находившееся в пятнадцати днях конного пути от уйгурской резиденции. Он собирался отправить принцессу в Китай, когда ее захватили уйгуры. Послы аджира, направленные им к императору для разъяснения ситуации, добрались до столицы нескоро, и император Уцзун (840–846) был рад принять у себя гостей из столь далеких земель. Он обращался с ними так же, как с Бохай (маньчжурское высокоцивилизованное государство, в период с 700 по 900 год добившееся полунезависимости, а затем поглощенное катаями). Бохайцы были самыми цивилизованными из охотников, они стали прародителями династии Цзинь (ньюйчжэньских татар), а позднее лишили власти маньчжурскую династию (1644–1912). Сначала император решил пожаловать аджиру титул кагана, как тюркам и уйгурам. Однако вскоре император скончался, а его преемник решил, что киргизы и Китай общаться на равных не могут. Более того, уйгуры долгое время верно служили Китаю, и титулы им жаловались в период их расцвета, поэтому киргизы так и не получили желаемого. После этого они еще несколько раз присылали дань императору, а потом практически исчезли из политической истории. Во времена маньчжурской династии они были известны как буруты и кайсаки, говорили на одном языке, но друг другу не доверяли. Часть кайсаков жила в России, это киргиз– кайсаки.

Глава 5

Различные тюркские вассалы

Чтобы завершить тему, упомянем некоторые другие тюркские племена. Самым северным племенем были бугу, их войско насчитывало 10 000 солдат. Бугу отличались воинственностью и неуступчивостью, они первыми попали под власть Кат Иль-хана, а затем и сеяньто. Около 750 года они, видимо, были включены в состав Китайской империи. К западу от бугу жили теленгуты (10 000 воинов). Они располагались к востоку от сеяньто, на реке Тонгра, и не имели никаких отношений с Китаем вплоть до 648 года, после чего упоминания об этом племени из источников исчезают. О них говорится в надписи Кюль-тегина. К северо-востоку от сеяньто жили тонгра (15 000 юрт): первоначально они находились под властью Кат Иль-хана, затем были покорены, но продолжали совершать набеги и, наконец, были разбиты уйгурами. К востоку от бугу жило племя байкалов. Воды реки Ангары, протекавшей в 480 километрах от их территории, обладали любопытным свойством: стволы деревьев, пробывшие в реке около двух лет, отвердевали. Язык байкалов немного отличался от языка других канкали. (Возможно, здесь имеются в виду не байкалы, а баргу Марко Поло, жившие к северо-востоку от Каракорума и называвшиеся кара-монголами.) На севере теленгуты граничили с гусерами и адирями, на юге – с кыбырами. Приблизительно в 270 километрах к северо-востоку от байкалов жил народ кук – оленеводы, охотники на лосей. В пятнадцати днях пути к востоку жили угаи, обычаи которых были схожи с обычаями байкалов. Еще восточнее расселились сибь, кумоси и катаи, упомянутые в этой книге.

Часть шестая Империя уйгуров

Глава 1

Возвышение и крах первого северного доминиона

Хунну покорили северный народ, называемый китайцами динлин, о котором они знали лишь то, что во времена сяньбийцев динлин иногда сражались на стороне Китая. Китайцы были озадачены, узнав, что и на западе есть народ динлин. Как мы уже говорили, китайские историки причисляли киргизов и «высокие телеги» то к динлин, то к канкали. Нам известно, что киргизы и уйгуры говорили на одном языке. Когда исчезло название динлин, появилось новое слово – телесцы. Так стали называть все племена, жившие к северо-востоку, между тюрками и катаями, покоровшиеся Тайцзуну из династии Тан в 648 году. Телесцы отличались от тюрков лишь тем, что в браке мужчина посещал свою супругу столь часто, как он того хотел, и возвращался после рождения сына. Однако предками телесцев были, видимо, «высокие телеги». Очевидно, что первоначально уйгуры были мелким телесским племенем, а затем создали великую империю, дав ей родовое имя. Владения телесцев простирались на запад до Каспия, и даже в эпоху монголов мы встречаем упоминание о живущих там канкали. Кроме того, «канкли» на тюркском языке означает «телега», и китайское слово «канли», использовавшееся во времена Чингисхана для обозначения племени канкали, – это то же самое китайское «канли», использовавшееся в VI веке для одного из тегингов кагана Шибира. Следовательно, можно утверждать, что использовавшие телеги хунну и тюрки, жившие к северу от пустыни, в районе Иссык–Куля и Сырдарьи (или Яксарта), в древние времена именовались динлин, затем «высокими телегами», затем телесцами и, наконец, когда доминирующей силой стало уйгурское племя, уйгурами и канкали. Возможно, монгольское слово «делегей» – «земля» – имеет какую-то этимологическую связь с телесцами, подразумевая «автохтонный, коренной». В начале этой книги я старался приводить как можно меньше неизвестных терминов, чтобы читатель лучше уловил суть излагаемого вопроса. Поэтому я использовал слово «канкали», не приводя пояснений. Теперь, когда читатель ознакомился с основными представлениями, можно идти дальше.

Вкратце отмечу, что уйгурские племена – это древние хунну, которых мигрировавшие на запад правящие касты оставили позади. Это были не тюрки из семьи Ашина и не киргизы. Это были сильные, смелые кочевники, искусные наездники и лучники, больше всего любившие набеги. Как только в семье Ашина появилось новое имя – Тюрк, они стали частью тюркского доминиона. Чулохан насильно аннексировал телесцев и наложил на них непосильную дань. Именно в этот период впервые пролилась кровь. Страшась их восстания, Чулохан коварно истребил многих вождей телесцев. Затем восстание подняли уйгуры, бугу, тонгра и байкалы. Своим правителем они избрали *джигина* по имени Уйгур. Уйгурский клан – Яглакары населял земли, расположенные к северу от сеяньто, на реке Селенга. Уйгурская орда насчитывала до 100 000 человек, из них половина – это боеспособные воины. Они жили в бесплодной пустыне, а стада их в большинстве своем состояли из овец. Первым именем джигина было Шигяньсыгинь, во времена Шибира его сын Пуса, воспитанный заботливой матерью, прославил свое имя. Он покориł племя сеяньто, сокрушив его армию численностью 100 000 человек, и получил прозвище «Живой Герефа». Резиденция его находилась на реке Тола. Впервые он отправил послов с данью в Китай в 629 году, когда первая тюркская империя уже потерпела крах и равным ему по силе был только вождь сеяньто. После смерти Пусы один из его вождей раз-

бил сеяньто и захватил их земли. Впрочем, через несколько лет сеяньто восстановили свои силы. Тем временем другие телесцы, включая уйгуров, теленгутов, байкалов, бугу, тула, гусеров, адиров, кыбыров, белых сибов, секиров, гуннов и киргизов (последние снова объединились с телесцами) покорились Китаю, а вожди их стали сановниками Китайской империи. По их просьбе из Китая до уйгурской и киргизской резиденций были проложены хорошие дороги с промежуточными остановками. Тумиду внешне придерживался китайских стандартов, но в действительности являлся новым хаканом. Его собственные доминионы управлялись следующим образом: у него было двенадцать министров (шесть для внутренних дел, шесть – для внешних сношений), а орда была организована по тюркским обычаям. По невыясненной причине (по-видимому, уличенный в прелюбодеянии) его племянник убил дядю, наследником Тумиду стал сначала его сын Бисуду-каган, затем внук Баз-каган и правнук Дугяйчжи.

Все более могущественной и грозной силой становилась вторая тюркская империя Мочура. Он захватил древние владения телесцев. Вследствие этого племена уйгуров, кыбыров, секиров и гуннов ушли на юг, в колыбель тюркского народа близ Ганьчжоуфу, где время от времени помогали Китаю в его борьбе против тибетцев. В 717 году сын Дугяйчжи Вугтебер принял участие в сражении, закончившемся гибелью Мочура. Его сын, снова ложно обвиненный китайским проконсулом, был изгнан в Южный Китай, где и умер. Впоследствии проконсул пал от руки одного из родственников Мочура, а дорога на Баркуль была закрыта. Этот родственник бежал во владения тюрков, где вскоре скончался. Сами тюрки переживали смутные времена, вызванные смертью Меркрина. Сын упомянутого выше родственника, убившего проконсула, по имени Пэйло, вступил в борьбу, в которой приняли участие басмилы и карлуки. В результате вождь басмилов лишился головы, а Пэйло, отправивший послов в Китай, принял титул «Кутлуг Билге-каган». Император сделал его китайским принцем и переселил дальше на юг, в тюркскую столицу Орхона. Это место должно быть где-то близ Каракорума, поскольку нам известно, что оно находилось в 800 километрах к северу от самого западного из трех «сдавшихся городов». Он присоединил к своим владениям территорию девяти кланов, с армиями которых незадолго до своей гибели столкнулся Мочур. (Нет необходимости приводить здесь громоздкие названия этих кланов, упомяну лишь о хазарах, которые два столетия спустя откликнулись на приглашение Ли Гочана и его сына – это два знаменитых военачальника. По всей видимости, они мигрировали на запад, поскольку история династии Тан рассказывает о хазарском племени, живущем к северо-западу от арабов, т. е. халифов. Нам известно, что хазарский хан задолго до этого помогал Риму в борьбе против Персии и аваров, а согласно китайским источникам, Персия находилась рядом с тюркскими хазарами.) Земли карлуков и басмилов тоже были аннексированы, по крайней мере частично, и в сражениях эти племена всегда выступали в авангарде. Китайский император официально пожаловал Пэйло титул кагана. Он одержал несколько побед над теми тюрками, что сражались во имя потомков Кутлуга (Кутлуга времен Меркрина). Получив санкцию императора, он расширил свою империю до Алтая на западе, на юге его владения граничили с пустыней. Фактически он снова завоевал древний доминион хунну.

В 756 году Пэйло умер. Наследником его стал сын Моянчур, или Билгечур, или *тегин* Кале. Его личным именем было Моянчур. Он оказал помощь Китаю в борьбе против мятежного тюрка Амрошара, который после войны с катаями, в которой он выступал на стороне Китая, взбунтовался против императора. (Это тот самый Амрошар, который оставил запись о том, что тюрки почитают мать больше отца.) Моянчур также сражался вместе с прославленным военачальником Го Цзы-и, который считался членом христианской секты несториан. Тибетцы теперь владели древней землей юэчжей, и обе китайские столицы находились в руках мятежников. Впрочем, вскоре столицы были освобождены при помощи уйгуров, которым сначала отдали на разграбление восточную столицу, современный город Хоэнаньфу, а потом откупи-

лись 10 000 кусками шелка. За верную службу император щедро наградил Моянчура, ежегодно он получал 20 000 кусков шелка.

Любопытно, что в 758 году посол аббасидского халифа и уйгурский посол боролись за первенство при китайском дворе. Как и в аналогичном споре между западными и восточными тюрками, был достигнут компромисс – послы– соперники вступили в зал приемов одновременно, но через разные двери. Моянчур получил в жены китайскую принцессу, но вел себя с ней надменно и только после внушения посла пал перед ней ниц в знак уважения к императору.

Моянчур прожил недолго. В 760 году его преемником стал второй сын Пэйло – Идигянь, который, увидев, что Китай переживает смутные времена, заключил союз с претендентом на престол, а затем совершил набег на Шаньси. При помощи унижительных для Китая дипломатических переговоров императору удалось на некоторое время сдержать Идигяня. Однако вскоре он и его хатун приказали засечь до смерти императорских послов за то, что те «вели себя не так, как требует уйгурский этикет». Хатун не была китайской принцессой, она была всего лишь дочерью военачальника Пугу, тюрка, занимавшего высокий пост при китайском дворе, семья которого породнилась с династиями Суй и Тан. Критическое положение, в котором находился в тот момент Китай, не позволило императору немедленно отомстить за нанесенное оскорбление. Вскоре императорские войска при помощи уйгуров разбили мятежников в Шаньси и освободили восточную столицу. Такая же судьба постигла мятежников, находившихся к востоку от Пекина и проливших там море крови, «убивая людей, похищая женщин и навлекая на себя всеобщие проклятия».

В 765 году генерал Пугу поднял восстание под предлогом воображаемого народного недовольства и вместе с тибетцами и уйгурами совершил набег. Однако вскоре он умер, не успев нанести Китаю серьезного урона. Идигянь поспешил обвинить Пугу во всех грехах и предложил Го Цзы-и вместе атаковать тибетцев, если сын Пугу, брат хатун, будет прощен. Хатун умерла в 768 году, ей на смену была прислана младшая сестра. Китай в этот период был так истощен, что для того, чтобы доставить девушку и 20 000 кусков шелка уйгурскому кагану, в повозку запрягли полуголодных животных, принадлежавших первым лицам государства. Ощущая свою незаменимость, уйгуры становились все более дерзкими. За каждого коня, пригоняемого ими в Китай, они требовали сорок кусков шелка, а всего количество коней уже доходило до 20–30 тысяч. Послы их сменяли друг с друга с пугающей быстротой, и каждый ожидал радушного приема. Наконец, словно издеваясь, уйгуры попросили императора принять еще 10 000 лошадей. Несчастный император, не желая более притеснять свой народ, вынужден был искать компромисс. Другими словами, татары продемонстрировали доминирующую силу, которую Китай не в силах был сломить. Один уйгурский убийца был помилован без суда, другого освободили из тюрьмы его товарищи. В 778 году уйгуры совершили набег, разгромили китайскую армию, посланную им навстречу, и убили 10 000 человек. Вторая экспедиция китайской армии оказалась более удачной.

В следующем году император скончался. Чтобы сообщить об этом уйгурскому вождю, к нему был направлен евнух. Посол встретился с каганом у Великой стены, и тот даже не поздоровался с китайским послом. Один из министров кагана по имени Дуньмага попытался убедить кагана не накалять обстановку и не проявлять враждебность, однако каган не прислушался к этому совету. Тогда Дуньмага убил кагана, его родственников и еще 2000 человек, занял место правителя и стал именовать себя «Верховным Кутлуг-Билге-каганом». В 780 году из Китая прибыл посол, официально подтвердивший полномочия нового правителя.

По мнению уйгуров, они стояли выше, чем девять кланов – истинные виновники последнего набега. 2000 человек из девяти кланов пали от руки Дуньмаги за то, что дали Идигяню неверный совет. Вскоре после этого несколько уйгурских вождей и вождей девяти кланов, разжившихся богатствами в китайской столице, возвращались домой, и на обратном пути в их караване была обнаружена контрабанда – китайские девушки. Находку сделал один из усерд-

ных пограничных офицеров, протыкавший длинным шилом каждый тюк, чтобы проверить его содержимое. Контрабандисты из девяти кланов, напуганные известием о восшествии на престол Дуньмаги и устроенной им массовой резне, решили не возвращаться домой и предложили китайскому губернатору план убийства всех уйгурских вождей. Губернатор одобрил план и отправил императору послание, в котором говорилось, что уйгуры ничего не стоят без своих вассалов – девяти кланов. Затем губернатор направил к уйгурскому вождю своего офицера, дав ему указание вести себя как можно грубее. Каган, разумеется, разъярился и поднял на офицера свой хлыст. Тогда из засады появилось китайское войско, убившее и уйгуров, и других татар, захватившее 100 000 кусков шелка, несколько тысяч верблюдов и лошадей. Затем он доложил императору, что уйгуры засекли до смерти одного из китайских военачальников и попытались захватить город, поэтому он счел своим долгом нанести по мятежникам удар и теперь имеет честь возратить императору похищенных девушек и т. п.

Император незамедлительно отозвал не в меру усердного пограничного офицера и направил евнуха в уйгурскую резиденцию для объяснения случившегося. В то же время были направлены указания особому послу, направлявшемуся к уйгурам, чтобы подтвердить новые полномочия кагана – посол должен был ожидать дальнейших приказаний. Он продолжил путь лишь в следующем году, взяв с собой гробы с телами убитого дяди кагана и трех других высокопоставленных уйгуров. Каган приказал своим приближенным выехать навстречу послу, которого немедленно обвинили в том, что он не воспрепятствовал злодеянию. Посол объяснил, что дядя кагана лишился жизни из-за ссоры с пограничным офицером и император не отдавал приказа о его убийстве. Пятьдесят дней посол и его свита находились под стражей, им не позволено было видеть кагана, и их едва не казнили – на этом настаивали некоторые уйгурские сановники. Наконец каган направил послание следующего содержания: «Мой народ требует вашей казни. Я – единственное исключение. Но мой дядя и его приближенные мертвы. Убив вас, мы лишь смоем кровь кровью, этим ничего не изменишь. Думаю, лучше будет смыть кровь водой. Я имею в виду вот что: кони моих офицеров стоят почти два миллиона, и вам лучше заплатить за них!» После этого он отправил к императору своих послов, и тот, проглотив оскорбление, выплатил требуемую сумму.

Три года спустя уйгуры обратились к императору с предложением заключить брачный союз. Император, все еще переживавший прошлое унижение, заявил своему премьер-министру: «Этот брачный союз станет причиной войны между нашими потомками. Я не могу согласиться на это». Премьер спросил: «Надеюсь, ваше величество не думает о том, как засекли до смерти наших послов на глазах дочери Пугу?» – «Да, – ответил император, – я все еще помню об этом. Только положение Китая в тот момент помешало мне отомстить за оскорбление». – «Однако это Идигань, зная, что ваше величество захочет отомстить, ждал лишь предлога к войне, – возразил министр. – Он пал от руки нынешнего кагана. С другой стороны, последний, несмотря на гибель своего дяди, продемонстрировал определенное великодушие. Думаю, что предложение о браке следует принять. Разумнее всего будет вспомнить правило, которого придерживались пятьдесят лет назад тюркские каганы Меркрин и Сулу, ограничившие свиту до двухсот человек, а количество лошадей, приведенных для продажи, до тысячи голов». Император уступил, и каган в благодарность за принцессу (которая поочередно была супругой четырех каганов) предложил императору свои услуги в борьбе против западных тюрков (некоторые из них присоединились к уйгурам, когда Суябом овладели карлуки).

Каган Дуньмага обратился к императору за разрешением изменить название своего народа на более воинственное. Император согласился, и китайцы стали называть племя Дуньмаги «хуйгурами», или «стремительными соколами». Подобно этому германцы, называвшие себя немцами, обратились к римскому императору за позволением называть себя не германами, а германцами. (Здесь возникает другой вопрос: мусульман Татарики стали называть уйгурами спустя несколько столетий после описываемых событий, а в эпоху Чингисхана так назы-

вали исключительно татар-мусульман, тогда как новое название – «уйгуры» – применялось в отношении всех уйгурских государств возле Урумчи и Пиджана, а также к историческому народу, происходившему из региона Каракорума. В XIII веке мы встречаем упоминание Каракитая, называвшего правителя Самарканда «царем гуй-гуй». Этой путанице в терминах мы обязаны тому факту, что уйгуры исчезли из поля зрения китайцев на одно-два столетия. Нет ни одного китайского источника, который бы рассказывал о том, когда и как уйгуры восприняли через сарацин мусульманство. Арабы и персы называли всех кочевых татар их прежним именем – именем единственной известной им доминирующей нации, существовавшей между ними и Китаем, то есть тюрками.)

В 789 году каган умер, ему наследовал сын Долосы. В период между 751 и 766 годами Урумчи, и Баркуль, и современная провинция Ганьсу попали в руки тибетцев. Единственным связующим звеном между этими регионами стала территория уйгуров. Разумеется, уйгуры стали взимать огромные суммы за безопасный проход по своей земле. Как мы уже говорили, Шато вынуждены были присоединиться к тибетцам, поскольку Китай не мог предоставить им защиту в Урумчи. Росло и могущество карлуков, и уйгуры вынуждены были отступить на юг. На смену Долосы пришел его племянник Ачжо, успешно сражавшийся против тибетцев и карлуков. Ачжо умер в 795 году, не оставив наследников, и уйгуры вынуждены были избрать правителем одного из министров по имени Кутлуг. Любопытно, что этот каган удостоился теплого приема в Китае, поскольку среди его подданных было несколько манихейских миссионеров (два года спустя в китайских анналах мы встречаем упоминание о манихейских храмах с персидскими священниками, эти храмы находились в тогдашней уйгурской столице Караходжо). В 808 году на трон взошел другой каган, он попросил у императора новую жену – прежняя к тому времени уже скончалась. Несмотря на то что Китаю политически важно было сохранить уйгуров в качестве своих союзников, чтобы использовать их в борьбе против тибетцев и связать Китаю руки в подавлении мятежей на своей территории, император своего согласия на брак не дал. В 821 году каган снова обратился к императору с той же просьбой. На этот раз новый император удовлетворил ее. Но вскоре после этого каган скончался, и посол сообщил о согласии императора его преемнику. За невестой отправилось пышное уйгурское посольство. На сей раз это была настоящая дочь императора. В посольстве было около 2000 племенных вождей, а в подарок Китаю было отослано 20 000 лошадей и 1000 верблюдов. Однако лишь пятистам уйгурам позволено было войти в столицу. Приблизительно в это время катая признали сюзеренитет уйгуров и Китая.

Император и каган скончались в 824 году, преемник и младший брат последнего был убит в 832 году, ему наследовал племянник – тегин Ху. В период его правления, видимо, произошла измена, поскольку один из уйгурских вождей присоединился к Шато и вместе с ними напал на своего правителя, совершившего самоубийство. Власть перешла к другому тегину – Кэси, однако могущество уйгуров стремительно таяло, этому способствовал голод, эпидемии и снежная зима, погубившие большую часть скота. Один из вождей, присоединившийся к киргизам, отправился в резиденцию уйгурского правителя, убил кагана и спровоцировал раскол: один из тегингов с пятнадцатью племенами укрылся у карлуков, остальные нашли приют у тибетцев или близ Баркуля. Тринадцать племен, живших близ резиденции, отправились на юг, поселились по соседству с Шаньси и избрали тегина Уге своим каганом.

Глава 2

Период странствий

Мы уже рассказывали, как киргизы, напав на уйгурскую орду, завладели китайской принцессой. Подобно хунну, которые заявили о своем родстве с династией Хань, поскольку некогда китайская принцесса была послана одному из их предков, киргизы теперь заявляли о своей кровной связи с династией Тан, потому что китайский генерал Ли тысячу лет назад перешел на сторону хунну, взял в жены татарку и стал прародителем киргизов! Но Уге действовал быстро: он освободил принцессу и двинулся на Кукухото, или Тендук. Его нападение было отражено, однако император по совету одного из своих мудрых министров решил не стравливать киргизов и своих старых союзников уйгуров и направил на границу послов для проведения расследования. Принцесса же направила императору послание, в котором говорилось, что поскольку хаканом теперь является Уге, то она, принцесса, может выйти замуж за него. Изголодавшимся уйгурам была направлена помощь в виде тысячи тонн зерна, но их просьба выделить им в качестве временной резиденции современный Тайчжоу (между Тендуком и Пекином) удовлетворена не была. Помимо тех племен, что находились под властью Уге, были и другие уйгурские племена, вожди которых пытались самостоятельно вести переговоры с Китаем. Переговоры сменялись набегами, несколько племен нашли пристанище среди ширви, «черных телег» (возможно, черные киргизы) и других небольших племен, объединившихся с катаями. Резиденция Уге находилась в горах к северу от Датун, где он собрал значительное войско численностью в несколько сот тысяч человек. Некоторые уйгурские вожди предпочли перейти под власть Уге, получили звания и были отправлены на охрану границ. Вскоре Уге обратился к императору с просьбой отдать ему город Тендук. Снова получив отказ, Уге в ярости совершил несколько набегов на окружающие территории. Одному из уйгурских вождей по имени Умус было пожаловано императорское имя, он решил оказать Китаю помощь в борьбе с Уге. Нападение на резиденцию Уге произошло ночью, китайская принцесса, а также 20 000 или 30 000 заключенных были освобождены. Уге удалось бежать, он нашел приют у «черных телег», которые впоследствии убили его за солидный куш. Жалкие остатки его войска под командованием нового кагана Эняня (около 5000 человек) получили помощь от вождя племени кумоси. Но кумоси и сами являлись для Китая помехой, и в 847 году им был нанесен сокрушительный удар. Уйгуры постепенно исчезают из этого региона, здесь остается лишь около 300 знатных людей, нашедших убежище у ширви. Когда китайский император потребовал от ширви выдать ему кагана, Энянь оставил своих людей на произвол судьбы, а сам вместе с женой и сыном, а также девятью приближенными бежал к карлукам. Остальные уйгуры превратились в рабов ширви. Киргизы направили против ширви армию в 70 000 человек и освободили уйгуров. Их поселили на севере пустыни, где они некоторое время влачили жалкое существование, а затем небольшими группами стали уходить в древние владения тюрков близ Ганьчжоуфу.

Глава 3

Последние уйгуры запада

Когда могущество западных тюрков было сломлено, некоторые соплеменники Бучжэня присоединились к уйгурам. А когда уйгуры были рассеяны киргизами, западные тюрки нашли прибежище у Баркуля. Видимо, в течение некоторого времени они занимали Харашар. Своим правителем они избрали тегина – вождя племени, жившего у Ганьчжоу. Император Сюаньцзун отнесся к этим беглецам милостиво и официально даровал тегину титул хакана. В 866 году генерал Пугу с уйгурской армией, действуя от имени Китая, изгнал тибетцев из Ганьсу и групп городов Кучи, а голову тибетского военачальника отослал в качестве трофея императору. Однако вскоре после этого начала распадаться и сама китайская династия Тан. Визиты уйгуров стали нерегулярными, и в истории они почти не упоминаются. Ближе к концу IX века они предложили Китаю военную помощь, но китайцы сочли за благо отклонить предложение, однако уйгуры время от времени появлялись при дворе, приводя с собой коней и привозя драгоценные камни, которые обменивали на чай, шелк и т. п.

В 996 году уйгурский каган предложил Китаю нанести удар по государству Хиа (хорошо организованное государство; как писал Марко Поло – тангутское; было основано на плато Ордос сяньбийцами). В 1001 году каган направил в Китай посла с данью и заявил, что его государство теперь простирается на восток до Желтой реки, а на запад до Снежных гор (к востоку от Иссык-Куля), под его властью находится несколько мелких княжеств и прекрасное войско. Он был бы рад, если бы император направил к нему своего военачальника, чтобы нанести удар по тангутам, захватить их правителя и привести его к императору в цепях. Император тепло поблагодарил кагана за это предложение. По-видимому, предложение исходило от Богра-хан Гаруна, тюркского правителя, резиденция которого находилась в древней столице западных тюрков Суябе. Под властью Гаруна находились Кашгар, Хотан и т. д. По словам Пеллиота, именно этот правитель обратил кашгарцев в ислам. В 1004 и 1007 годах уйгуры снова прислали дань императору. В последнем случае дипломатическую миссию сопровождал бонза, он просил разрешения построить в китайской столице буддийский монастырь, чтобы молиться там за здоровье императора. Эта просьба не была удовлетворена. (Первые императоры династии Сун не поощряли распространение буддизма. Катаи теперь имели могущественную империю в Монголии, Маньчжурии и Северо-Восточном Китае. Их история гласит, что в 1001 году «санскритский бонза», который был также выдающимся врачом, был направлен уйгурами к китайскому двору. Этот случай, очевидно, вдохновил автора XVI века на создание знаменитого китайского романа «Санскритский бонза», герой которой имел дело с любовными зельями. События, описанные в романе, происходят на столетие позже реальных.) В 1008 году уйгуры опять отправили в Китай дань, а в 1011 году обратились с просьбой позволить им соорудить место для отправления молитв в современном Пучжоу в Шаньси. (Мы уже упоминали манихейские храмы в Караходжо. Очевидно, что религиозные настроения захлестнули теперь весь тюркский народ. В это время западные тюрки стремительно превращались в смешанный народ и находились в состоянии постоянной войны с Газневидами, Саманидами (902–999) и другими династиями в персо-самаркандском регионе, о которых мы можем говорить лишь вскользь по причине отсутствия разборчивых китайских текстов. Похожие на сов, безбородые монголы, знакомые всем, кто жил в Северном Китае, почти так же отличаются внешностью от европейских тюрков, как китаец от испанца.)

Очевидно, второстепенные уйгурские вожди отправляли дань династии Сун или южно-китайскому двору независимо от центральной власти, резиденция которой находилась в Суябе. Возможно, впрочем, что эта «дань» на деле являлась торговой спекуляцией. В 1008 году уйгуры из Цзиньчжоу (в провинции Ганьсу, почти на границе с Шаньси) направили импера-

тору драгоценный пояс. Позднее некий Эрогут отправил в Китай донесение о своей победе над тангутами, и его генералы были соответствующим образом награждены. Эрогут, очевидно, был правителем Ганьчжоу, и его поездки в Китай были сопряжены с определенными трудностями, поскольку требовали эскорта из тибетцев. Следующее упоминание об уйгурах гласит, что некий Куксара, уроженец Караходжо, враждовал с уйгурским каганом из-за того, что последний отказался выдать за Куксару свою дочь. В результате этой вражды путь в Китай снова был закрыт, и каган отправил послание императору с просьбой убедить тибетское племя открыть дорогу. Вскоре путь был открыт. (Есть теория, согласно которой «Кук» означает «Будда», а «сара» – «сын» на тангутском, но Куксара постоянно воевал с тангутами, а значит, не мог принадлежать к их племени. Более того, хотя тангутские правители и происходили от Тоба, в основной своей массе население было тибетским.) В 1018 и 1021 годах в Китае снова появились уйгурские послы, в последнем случае их сопровождал каган Кучи, приведший с собой стадо овец. Китайская империя в Северном Китае в этот период переживала свой расцвет, а династия Сун, правившая Центральным и Южным Китаем, своей изнеженностью напоминая Византийскую империю, практически ничего не знала о татарах. В обоих случаях верховная власть империи была данником странствующих гуннов, аваров, тюрков и татар. Катаи, вероятно, оттеснили некоторые уйгурские племена дальше на запад и завладели древними землями хунну и тюрков к северу от пустыни. Кур-кара-усу и Пиджан определенно находились под властью катаев, которые после своего распада основали новую империю с центром в Суябе и даже в Кермане близ Бухары. Из этого следует, что катаи довольно хорошо знали Туркестан. Это до некоторой степени объясняет, почему в описываемое нами время существовало множество мелких уйгурских ханств (стремявшихся наладить дружественные отношения с Южным Китаем и катаями). В XI веке было по меньшей мере три ханства, два из которых получили пышные китайские титулы. Они продолжали оказывать Китаю помощь в борьбе с тангутами. Представление об этих государствах мы можем получить из ответа одного из послов, сказавшего, что число боеспособных людей в его стране достигает 200 000 человек. На протяжении XII века они активно участвовали в торговле на территории провинции Шэньси. История катаев утверждает, что уйгуры по всей Ганьсу, т. е. из Ганьчжоу, Шачжоу, Хэчжоу и Арслана, находились в зависимости от китайской империи. Местоположение Арслана не определено: возможно, это Арслан, упоминавшийся при Меркрине, или Арслан Беласагуна (ок. 1020). Впрочем, здесь мы уже выходим за пределы рассматриваемого нами вопроса.

Часть седьмая

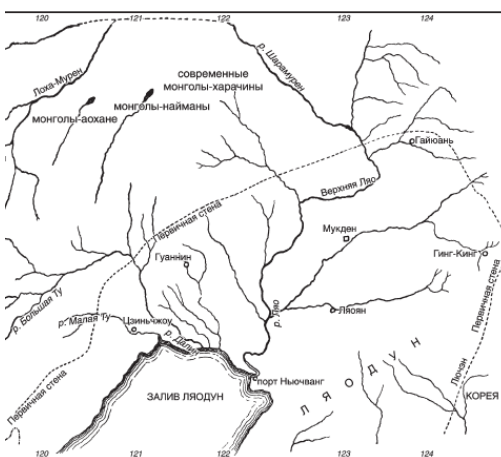
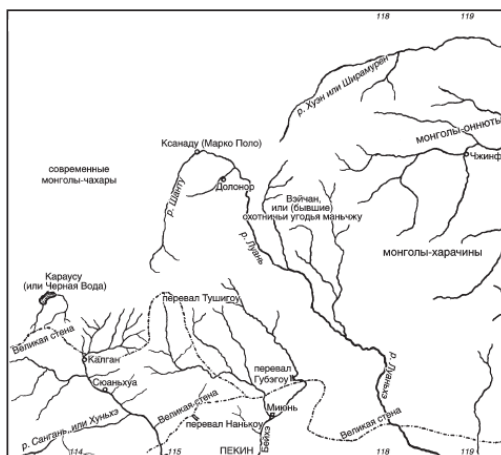
Империя катаев

Глава 1

Царство основателя Амбаганя

Катаи, или кидани, принадлежали к тому же народу, что и кумоси. Как уже говорилось, оба племени придерживались обычая развешивать тела покойных на деревьях в горах. А катаи через три года еще и собирали кости и сжигали их, совершая возлияния и произнося следующие слова: «Зимой в полдень я могу есть, глядя на юг, летом – глядя на север, в моих охотничьих угодьях всегда много свиней и оленей». Это упоминание о свиньях снова напоминает нам об отличительных чертах тунгусов или «свиных» народов. Катаи и кумоси были потомками древнего народа сяньби и жили в их прежних владениях. Кумоси первоначально были восточной ветвью племени юйвэнь, в VI веке породившего династию правителей Северного Китая. Но до этого Мужун сяньбийцев оттеснил племена кумоси и катаев к северу, в регион Ширамурен между Сунгари и пустыней. Первый император Тоба воспользовался этой возможностью, чтобы наказать кумоси за набег, совершенный ими в 388 году. В 479 году катаи, которые вместе с кумоси регулярно, с 440 года, платили дань в виде лошадей, мигрировали вместе со своим вождем Багатуром к югу от реки Лоха, притока реки Ширамурен. В 493 году кумоси предприняли попытку совершить набег, но нападение было отражено. Они были помилованы, и им было позволено открыть торговлю с китайцами, проживавшими в пределах Великой стены. После этого они регулярно присылали императору дань – лошадей и собольи меха. К середине VI века династия Поздняя Вэй решила наказать катаев, вследствие чего они были отрезаны от кумоси на долгие двадцать лет и переселились к северу от Ширамурен. Династия Цзи (Тоба) выстроила новый участок Великой стены длиной 480 километров от перевала Наньчжоу близ Пекина на запад до Датун, чтобы держать катаев на расстоянии. Таким образом, мы видим, что китайцы имели весьма слабое представление о катаях, скудные сведения о них поступали через их более цивилизованных родичей Тоба и Юйвэнь – династий Северного Китая.

В этот период тюрки стали оказывать давление на кумоси и катаев – 10 000 китайских семей мигрировали в Корею, предпочитая покинуть свои владения, чем стать тюркскими вассалами, а 4000 семей предпочли с той же целью отдаться на милость Китая. Это создало дополнительные проблемы для императора династии Суй, поскольку он стремился поддерживать хорошие отношения со своими соседями-тюрками. Он попытался убедить катаев вернуться назад и велел тюркам проявить великодушие. Однако катаи, находившиеся близ китайской границы, отказались повернуть назад и заключили союз с кумоси в целях взаимопомощи. Они убили тюркского тудуна, которого каган Шаболо направил к ним в качестве правителя, и послали дань слабоумному императору Янди. Некоторые из вождей лично явились ко двору в правление Ли Юаня, основателя династии Тан. Несмотря на это, они продолжали время от времени совершать набеги на китайские территории. Напомню, что Кат Иль-хан предложил выдать Тайцзуну опасного мятежника, если император отдаст ему катаев. Однако император был достаточно великодушен, чтобы отклонить это предложение. В 648 году он создал новую провинцию Сунмо, назначив проконсулом китайского вождя и дав ему императорское имя Ли. Под его началом находилось десять подчиненных губернаторов. В то же время в современном Гуаньчжуне была создана резиденция китайского наместника, контролировавшего восточных варваров. Ситуация оставалась неизменной до 696 года, когда правнук первого получившего назначение поднял восстание, убил наместника и объявил себя каганом.

Карта 3

Набросок карты, основанный на карте Ч. Вебера (1893 г.)

Армии, посланные для подавления мятежа, потерпели сокрушительное поражение. Наконец, император решил прибегнуть к помощи тюркского кагана Мочура, который присоединил земли катаев к своим владениям. Когда могущество Мочура стало слабеть, вожди кумоси и катаев снова отправились в Китай и получили в супруги китайских принцесс. Затем катаи сочли, что интересы тюрков им ближе, и попытались убедить кумоси в том же. В последующие годы прокатилась череда восстаний, набегов, помилований, свадеб, посольств и т. д. Кумоси стали заигрывать с ширви и уйгурами, предлагая тем объединиться для совершения набегов. Наконец, они, как и катаи, решили, что разумнее всего будет заключить союз с уйгурами. В 842 году уйгуры наказали катаев, возможно за их сношения с Китаем. Китайский император в очередной раз взял катаев под свое покровительство. В этот период китайская династия Тан начала угасать, и катаи, все это время накапливавшие силы, решили воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы подчинить себе кумоси, сибо, ширви и другие небольшие племена, проживавшие в этом регионе.

После того как катаи объединились и создали независимое государство, как описывалось выше, они называли его «хиаолка мури», поскольку оно располагалось на обоих берегах «мури», т. е. реки (Ширамурен). Здесь жило восемь племен, каждое имело своего вождя. Однако через определенные промежутки времени избирался главный вождь. В качестве символов власти ему вручали барабан и штандарт. Если в государстве начинался голод, царила эпидемия или умирал скот, вождь смешался со своего поста. Основным занятием катаев, как и ныне восточ-

ных монголов, являлось разведение лошадей. С началом военных действий китайцы поджигали степную траву, чтобы вызвать в стане катаев голод и уничтожить их лошадей. В начале X века, когда династия Тан уступила место тюркам Шато, главным вождем восьми племен был избран человек по имени Амбагань, неясного происхождения. Большое количество китайцев стекалось в его владения в поисках спасения от царившей в Китае анархии. Амбагань оказывал им радушный прием и строил для них города. Только теперь Амбагань узнал, что выборную систему китайцы считают аномалией. Он уже на протяжении девяти лет являлся «президентом» китайской республики, и постепенно стали появляться слухи о том, что он мнит себя царем. Вскоре он провозгласил себя верховным правителем и перестал беспокоиться о переизбрании. Теперь Амбагань стал настолько могущественным, что тюрки-шато, представлявшие династию Поздняя Тан, были только рады заключить с ним союз, чтобы избавиться от династии Поздняя Лян. Однако по какой-то необъяснимой причине Амбагань передумал, объявил себя вассалом Лян и совершил набег на территорию между Калганом, Джехолом и Пекином, составлявшую часть владений тюрков-шато. Набег этот оказался неудачным, тюрки нанесли ему ряд поражений. В то же время он продвинулся в глубь пекинской равнины, где нашел множество подходящих для разграбления городов. С этого времени Амбагань стал задумываться о захвате власти в Китае. В это время ранние маньчжуры создали государство Бохай, располагавшееся между владениями Амбаганя и Кореей. Эта новая сила заставила катаев повременить с походом против Китая. Амбагань отправился в поход на Бохай, захватил столицу государства и изменил название страны на «Восточная Тань». Правителем государства он назначил своего сына Дуюя. С этого времени государство Бохай исчезло, и лишь время от времени императоры из китайской династии Сун угрожали восстановить его, чтобы напустить страх на катаев. Японцы, имевшие дипломатические отношения с государством Бохай, отказались признать новоиспеченного правителя. Вскоре после описываемых событий, в 926 году, Амбагань умер. Ли Сюань, император из династии Поздняя Тан, был более убедителен, чем его предшественник: ему удалось уговорить китайцев, бежавших к катаям, вернуться на родину. Всего в Китай вернулось 100 000 человек. В правление Амбаганя делопроизводство стало осуществляться в письменной форме, а один из живших при его дворе китайцев изобрел для Амбаганя письменность на основе китайских иероглифов. Пока что надписи, сделанные на этом искусственном языке, не поддаются расшифровке. Кроме того, Амбагань принял титул «Небесный императорский царь», стремясь, очевидно, стать равным императору Китая или даже превзойти его.

Сохранились записи китайца, прошедшего несколько лет у катаев. Он дает весьма любопытное описание страны, приводит даже некоторые географические названия, однако отождествить их с нынешними названиями затруднительно. Столица государства была обычным городом. Для торговли здесь деньги не использовались, в их качестве выступала ткань. Здесь были ткацкие фабрики, дома терпимости, жили священники и монахи (буддисты и таоисты), ремесленники, врачи, ученые, чиновники. Китаец упоминает также о городе, окруженном стеной, который находился в 1000 километров от Пекина. Этот город был выстроен для пленных, и численность его населения доходила до 3000 человек. Территория к востоку от города была населена племенами охотников, живших в юртах из шкур. Из описаний легко узнать племена нуньчжэней и все еще варварские маньчжурские племена. Очевидно также, что автор записок дошел до современного Шанхайгуана, где некогда процветали военные поселения династии Тан. Затем он отправился к южным кумоси, которые «были похожи на катаев, только более кровожадные». Затем путешественник рассказывает то, что ему стало известно из третьих рук о тюрках, уйгурах, киргизах и канкали, проживавших на западе. Этот китаец, видимо, служил секретарем китайского высокопоставленного чиновника, поэтому он так хорошо узнал страну катаев. Вернувшись в Китай, он написал книгу под названием «Среди катеранов». Книга рассказывает в основном о китайских доминионах времен Амбаганя и его непосредственного преемника и содержит немало материала для изучения специалистами.

Глава 2

Катаи завоевывают тюрко-китайскую империю

После смерти Амбаганя престол должен был перейти к его старшему сыну Дуюю, правителю Восточной Тань, т. е. государства Бохай. Но мать всегда отдавала предпочтение второму сыну с непроизносимым родовым именем. Он больше известен под своим китайским именем – Дэгуан, «сияющая добродетель».

Амбагань, судя по всему, скончался вскоре после того, как назначил Дуюя правителем Бохая. Во всяком случае, его супруге удалось сохранить в тайне смерть мужа до тех пор, пока к ней не прибыл ее второй сын, которого она поспешила объявить наследником. Вполне естественно, что такое развитие событий Дуюю не понравилось, однако, поскольку его брат был человеком большой храбрости и выдающихся способностей, да и приближенные поддерживали выбор матери, Дуюй в течение нескольких лет не мог заявить о своих правах. Впоследствии, в 930 году, он нашел приют в Китае, т. е. у Ли Сьюаня. Этот император династии Поздняя Тан пожаловал ему свое клановое имя Ли (которое задолго до того приняли его тюркские предки), а также сделал Дуюя высокопоставленным военачальником.

Поскольку гарнизоны, использовавшиеся для того, чтобы не допускать татар на перевал Шанхайгуан, пришли в упадок, катаи воспользовались этой возможностью, чтобы совершать набеги на Китай – долина Пекина оставалась незащищенной. Ли Сьюаня это так тревожило, что он отправил своего зятя (впоследствии основавшего династию Поздняя Цзинь) с войском для защиты Шаньси. Однако зять восстал против наследников Ли Сьюаня и отправил послов к катаям, объявив себя их вассалом и посулив уступить часть провинций Шаньси и Чжили. Катаи не замедлили воспользоваться представившейся возможностью и перешли через перевал Гусиные Ворота, известный еще древним хунну. Армии Тань были разбиты, а Ши Цзинь, зять Ли Цуньсюя (первый император Поздней Тан), стал императором катаев, но на чрезвычайно унижительных условиях. Ли Сьюань умер в глубокой старости, и последние его слова были обращены к богу: «Я простой татарин, которого толпа вознесла на трон. Единственное, о чем я прошу: пока Небо хранит меня, дай мне сил творить для моего народа добро». Пекин стал областной столицей китайской империи и с этого времени назывался Ляо, что означало «железо». (Отметим, что преемники катаев, нюйчжэни, называли свою империю Цзинь, или «золото».)

Китайская империя, до того весьма скромных размеров, теперь, после включения в ее состав Китая, распространяла свою власть на 16 китайских провинций, расположенных к югу от Великой стены, Маньчжурию и Северную Татарию. Однако катаи не отказались от кочевого образа жизни. Вместе с тем Дэгуан построил управление своей империей по китайскому образцу, поскольку, видимо, только это могло удержать китайцев на родине. Император шато должен был присылать 300 000 кусков шелка в год, не считая драгоценных украшений и прочего. Отношения «отец – сын» были заменены на «сюзерен – вассал».

Весной 945 года Дэгуан вторгся в Китай, захватил несколько городов в провинции Чжили и направился к древней столице Тоба – городу Чжандэфу, уничтожая все на своем пути. Перед натиском китайской армии катаи отступили, но китайские военачальники трусили и не решились преследовать противника. Император Цзинь, уже будучи больным, взял командование в свои руки, и катаи, уже двигавшиеся в свои владения, немедленно повернули назад, чтобы принять сражение. Воины императора сражались доблестно, и армия катаев была разгромлена. Дэгуан бежал в Пекин, где приказал высечь своих военачальников. Однако вскоре, благодаря предательству китайского полководца, Дэгуану удалось заманить китайскую армию в ловушку, и через некоторое время он уже въезжал в столицу империи Цзинь. Собственно империи Цзинь

пришел конец (947), теперь это была империя «Великого Ляо». Китайскому предателю досталась южная империя.

После смерти Дэгуана трон перешел к его племяннику Уюю, сыну Дуюя. Это был довольно жестокий человек, но нрав имел веселый и был неплохо образован. Когда катая помогали зятю Ли Цуньсюю занять трон, наследник Ли Сьюаня (приемный сын) убил Дуюя. Уюй был рядом со своим дядей, когда тот отправился в поход на Китай, и присутствовал при его кончине. В своем завещании Дэгуан назвал преемником именно Уюя. В 948 году он совершил набег и захватил город Нейцзю в Шуньдэфу, но потерял во время этого похода половину своего войска. На шестой год своего правления Уюй собрал вождей племен, чтобы определить цель следующего набег, вожди высказались против, и, когда Уюй стал угрожать им, они его убили. Преемником Уюя стал его сын, Шулюй.

Летом 959 года второй император династии Чжоу (приемный сын первого императора), путешествуя, свернул в сторону китайской границы. Неясно, зачем ему это понадобилось, – в правление Шулюя не совершалось никаких набегов. Несколько китайских офицеров немедленно сдались императору. Целью, по-видимому, было заявить права Китая на Хюнчжоу и Бачжоу. Император отдал приказ об атаке, но почувствовал себя плохо, обдумал ситуацию и отправился восвояси в свою столицу. Эта китайская демонстрация не слишком обеспокоила Шулюя. В 960 году была основана высокоцивилизованная и прославленная династия Сун, первым делом ее основатель решил проявить справедливость по отношению к татарам. Он приказал вернуть всех украденных лошадей и запретил живущим у границы людям совершать набег за пределы Великой стены: на протяжении многих лет живущие у границы катая захватывались в плен и отправлялись на службу в тюркско-китайскую кавалерию. Однако катая не оценили великодушие императора, они по-прежнему совершали свои набег. Так продолжалось несколько лет, пока император лично не возглавил поход с целью наказать катаев. В то же время, в 969 году, был убит Шулюй, ему наследовал сын Уюя Минцзи. С этого времени китайские императоры упоминаются только под своими китайскими именами. Минцзи изменил название своей империи Великий Ляо – на Великий Китай.

Глава 3

Период относительного мира

Осенью 970 года 60 000 катаев совершили набег на Китай близ столицы провинции Чжили (города Баодинфу), но 3000 китайцев под командованием талантливого военачальника, проинструктированного императором, сумели нанести превосходящим их в численности катаям поражение. Чтобы обезопасить страну от набегов, император предложил за голову каждого катая 24 куска шелка. По оценке императора, за два с половиной миллиона кусков шелка он мог бы купить всю китайскую армию.

С 975 года отношения между катаями и Китайской империей стали налаживаться, начался обмен дружественными посольствами. В 979 году вспыхнула война, и император династии Сун временно оккупировал Пекин и несколько городов поблизости. Катаи потеряли в сражениях около 10 000 человек. В следующем году китайское войско численностью 100 000 человек совершило набег на Шаньси и Чжили. Император, который первоначально желал вернуть себе Пекин, увидел, что прилегающие районы опустошены войной, и отказался от своего намерения. Набеги продолжались до самой смерти Сяня в 983 году. На троне его сменил 12-летний сын Лунсюй, мать которого стала «регентшей». Набеги и войны прекратились. Император издал указ, по которому предписывалось возратить катаям все награбленное у них имущество, из чего следует, что зачинщиками набегов часто выступали сами китайцы.

Император не оставил попыток вернуть Пекин, и в 980 году внушительная китайская армия перешла через Великую стену между перевалом Гусиные Ворота и Пекином. Согласно плану императора, одна половина армии должна была наступать на Датун, а другая – совершить ложное нападение на Пекин, чтобы оттянуть на себя основные китайские силы, затем обойти их с флангов, зайти в тыл и нанести удар вместе с первой половиной армии. Императорская армия (вторая ее половина) без особого труда взяла несколько крупных городов, расположенных к югу от Пекина. Несмотря на блестящие успехи своего войска, император тревожился, что слишком быстрое наступление отрезет армию от баз снабжения. Стояла жаркая погода, солдаты были истощены и измучены, поэтому наступление пришлось прервать. Все военачальники, участвовавшие в этом походе, были разжалованы.

В 1003 году к императорскому двору прибыл китайский чиновник, работавший у катаев. Он известил императора о том, что происходило в китайской империи. Выяснилось, что в Пекине катаи удерживали 18 000 китайских кавалеристов. Общая численность армии восьми племен и четырех гарнизонов, расположенных к северу от Великой стены, составляла около 180 000 конных воинов, из которых 5600 всегда охраняли монарха. Армия численностью 94 000 человек предназначалась для совершения набегов на Китай.

Поздней осенью 1004 года китайский правитель со своей армией вторгся в Китай. Наиболее упорные сражения развернулись близ Хэцзяньфу. Катаям почти удалось окружить основные части императорской армии к северу от современного Гайчжоу. Судьба китайской армии, казалось, была предрешена, но на помощь пришел случай: выстрелом из засады китайский принц был ранен в голову и в ту же ночь скончался в своем лагере. Этот инцидент заставил катаев отступить. Через китайского военачальника, захваченного ими в плен, они предложили китайцам заключить мир. Главным предметом споров на переговорах была территория к югу от 39-й параллели, которую династия Цзинь в свое время уступила катаям. По утверждению китайцев, эта территория была возвращена Китаю вторым императором династии Чжоу. В результате китайцы сохранили за собой эту территорию и получили право именовать себя «старшим братом», а катаям должны были выплачиваться ежегодные субсидии в виде 200 000 кусков шелка и 100 000 унций серебра.

Весной 1005 года три пограничных пункта – Сюнчжоу, Бачжоу и Баодин – по указу императора были открыты для торговли, здесь были основаны таможенные пункты. Дружеский обмен дипломатическими миссиями между Китаем и катаями продолжался в течение нескольких лет.

В начале 1010 года скончалась китайская регентша, вскоре после нее умер ее любовник, вместе с «королевой– матерью» правивший государством. Это был чрезвычайно проницательный и способный человек, и со временем катая оценили его по достоинству. Лишившись своих лучших советников, китайский монарх стал непопулярен в народе.

В этот период в китайскую империю были включены владения нюйчжэней. Двадцать лет назад они предложили Китаю военную помощь, но она была отвергнута. Тогда нюйчжэни прекратили посылать императору дань и устремили свои взоры на катаев. Теперь катая известили Китай, что они собираются напасть на Корею, которая прежде была тройственным союзом, вроде Англии, Шотландии и Ирландии, а с 930 года стала единым государством, обладавшим некоторой независимостью, но платившим дань Китаю. В 986 году Корея по просьбе Китая атаковала катаев под предлогом того, что, совершая набег на нюйчжэней, катая прошли по территории Кореи. На этом основании нюйчжэни пожаловались Китаю на Корею, полагая, что она является соучастником катаев. В 1000 году корейцы тоже пожаловались Китаю на то, что с того дня, как император Цзинь отдал долину Пекина катаям, Корея постоянно подвергалась набегам с их стороны. Не найдя у Китая сочувствия, Корея построила на своей границе шесть крепостей, после чего катая объявили Корее войну. В состоявшемся сражении катая потеряли почти всю свою армию и вынуждены были набирать солдат из жителей пекинской долины.

В нашем распоряжении есть довольно полный отчет о путешествии в Пекин через Сюнчжоу и Чжочжоу. В отчете есть краткое описание Пекина: среди прочего в VII веке Тайцзунном здесь был выстроен монастырь. В то время, впрочем, как и теперь, богатые люди летом покидали город, обосновываясь на окружающих холмах. К северу от столицы Датун люди жили в огражденных частоклом хижинах с соломенными крышами и занимались в основном сельским хозяйством. Вдоль холмов они насадили деревья, чтобы защитить урожай от надвигающегося песка. Люди, жившие в горных долинах, занимались отжигом древесного угля. Из скота они разводили овец (или коз), свиней, иногда волов, лошадей и верблюдов. Расстояние от центральной столицы до столицы проконсульства, основанной династией Тан и в описываемое нами время занятой бохайцами, составляло около 250 километров через реку Ширамурен. Затем еще около 100 километров до храма Амбаганя и династической гробницы: здесь хранились в качестве реликвии его сапоги, высота которых составляла 1–1,5 метра. Древние китайские владения располагались к северу от Ширамурен. К югу лежали земли кумоси. В северной столице были восточные и западные ворота, а все постройки были обращены фасадом на восток. В 100 километрах к северо-западу от этой столицы находились «Прохладные луга», куда летом приезжал монарх со своей семьей, чтобы спастись от жары. Ни языком, ни обычаями кумоси не походили на катаев: они были прекрасными земледельцами, лучниками и великолепными наездниками.

Судя по всему, останки Амбаганя первоначально были захоронены на кладбище чуть севернее центральной столицы (Датун), в месте, где поклонялись Небу и Земле. «Здесь находится войлочная юрта, вход в которую обращен на восток. К святилищу не ведут ступени, земля устлана войлоком, а за святилищем стоят две большие юрты. Для охоты в здешних местах иногда используют ручных леопардов. У катаев свои методы рыбной ловли: они ставят на льду юрту, бурят во льду отверстие и зажигают в юрте яркий огонь. Рыба, привлеченная светом, собирается у проруби, и катая вылавливают ее в больших количествах».

В соответствии с китайскими законами вдова монарха и придворные облачались в национальные татарские костюмы, а монарх и китайские официальные лица надевали китайские костюмы. Кроме того, высокопоставленные катая носили войлочные шапки, верх которых

украшался золотым цветком. Волосы убирались под шапку. Часто надевали пурпурное одеяние, похожее на халат, и кожаный пояс, украшенный красным или желтым шнуром. Катайцы носили и шляпы с полями, как в Китае.

Таковы некоторые особенности жизни катаев, привлечшие внимание китайских послов. Несомненно, многочисленные китайские чиновники, жившие при катаяском дворе, могли бы составить куда более интересные описания северного царства, однако при дворе царицы взаимная ревность и зависть, а границы находились под пристальным наблюдением с целью воспрепятствовать проникновению в страну шпионов. Кроме того, китайцы, искавшие приюта в катаяской империи, принадлежали по большей части к низшим классам общества и были неграмотными.

Глава 4

Общее описание китайской империи в XI веке

Китайский император Чжэньцзун из династии Сун скончался в 1022 году, и Лунсюй поспешил выразить Китаю свои соболезнования. Сам он умер в 1031 году и получил полный комплект похоронных услуг в виде стенаний, плача, приношений и т. п. Трудно сказать, почему китайцы первоначально, после смерти его матери, называли этого монарха «неспособным», а потом прибавляли, что он всегда жил в мире с Китаем и никогда не создавал проблем. Наследником Лунсюя стал его восьмой сын Цзунчжэнь, китайское имя которого звучало как Мубугу. У Китая сложились непростые отношения с ордосским государством тангутов, правитель которого в 1028 году захватил уйгурский город Ганьчжоу. Цзунчжэнь увидел в этом благоприятную возможность и собрал войска в пекинской долине. После этого он направил своему «старшему брату», китайскому императору, послание, в котором поднял вопрос о десяти округах, возвращенных императором Чжоу, и пожаловался на попытку императора Тайцзуна из династии Сун в 986 году захватить излучину Желтой реки и пекинскую долину. Два округа, напоминал Цзунчжэнь, все еще остаются в руках китайцев. Китайские послы, не владевшие в полной мере дипломатическим искусством, не сумели скрыть от китайского императора свои истинные цели: катаям нужны были крупные ежегодные субсидии. Император направил катаям ответ с послом, эскорт которого напоминал войско. Посол должен был напомнить катаям монарху, что мир, не нарушавшийся ничем на протяжении сорока лет, был выгоден обеим сторонам и было бы неразумно разрушить то, что с таким трудом создали их предки. Императорский посол объяснил, что война 979 года разразилась из-за того, что катая поддерживали врага Китая. Что до тангутов, то Китай и сам в состоянии справиться с ними. Посол заверил, что Китай не держит на своих границах войск больше, чем нужно для мирного времени. Письмо императора оканчивалось призывом сохранить добрососедские отношения и не раздувать мелкие проблемы в повод для требования уступки территорий. Император заявил, что увеличит субсидии катаям на сумму податей, взимаемых на спорных территориях. Послание императора произвело на Цзунчжэня большое впечатление, и он тут же предложил заключить брачный союз. Однако китайский посол заявил, что брачные союзы не в состоянии удержать стороны от конфликтов и что все приданое принцессы не стоит ежегодных субсидий. В конечном итоге Цзунчжэнь согласился с этим, и субсидии были увеличены.

В 1044 году катая объявили войну тангутам на том основании, что те укрывали у себя перебежчиков. В этой войне успех был на стороне катая, в 1049 году они объявили о своей победе. В 1054 году Цзунчжэнь направил к императору посла, прося передать, что так благодарен Китаю за сохранение пятидесятилетнего мира, что желал бы иметь портрет императора. Он также отправил императору прирученного слона. В следующем году Цзунчжэнь отправил императору свой собственный портрет, а вскоре после этого, на двадцать шестом году правления, скончался. Этого монарха считали великодушным. Он поощрял распространение буддизма, многие бонзы занимали при его дворе высокие посты. Наследником Цзунчжэня стал его сын Хунцзи, после его восшествия на престол состоялся обычный обмен с Китаем дружественными миссиями и портретами монархов.

Очевидно, в 1006 году был заключен договор, согласно которому катаям не разрешалось пользоваться приграничными реками. Однако жители пограничных территорий вскоре стали тайно ловить рыбу и собирать тростник. Какое-то время китайские власти бездействовали, лишь периодически выражали робкие протесты. Однако вскоре на должность «губернатора» китайского пограничного района Сюнчжоу был назначен новый чиновник. Он схватил нескольких нарушителей и казнил их, а лодки уничтожил.

В феврале и марте катая обычно отправлялись на 60-дневную охоту, после чего шли рыбачить, прорубая во льду проруби. Затем наступал сезон соколиной охоты, когда катая добывали диких уток, гусей и т. п. Летом, чтобы спастись от палящего зноя, они уходили в Угольные холмы или Верхнюю столицу. Осенью они отправлялись в горы охотиться на оленей. По ночам загонщики играли на рожках, имитируя олений крик.

У катаев было два знатных клана: Сяо – представители царского дома кумоси и Елюй – представители правящего дома катаев. Все жители империи от 15 до 50 лет должны были служить в армии. Перед началом военного похода закалывались пегий бык и белый конь – эти жертвоприношения предназначались Небу, Земле, Солнцу и духам. Согласно катаяским обычаям, каждый воин должен был иметь трех коней, седло, попону, защиту для коня из железа или кожи, одного слугу для обеспечения провизией, второго – для присмотра за снаряжением, четыре лука, 400 стрел, длинное и короткое копья, топор, шило, маленький штандарт, кремьнь, кувшин, мешок для провианта, кусок войлока и зонт, а также 60 метров веревки и бушель высушенного зерна. Армия появлялась на юге в ноябре, а уходила оттуда в феврале, вырубая деревья, поджигая дома, уводя с собой женщин, стариков и детей. Сначала ворота городов подвергались атакам небольших отрядов, которые в случае неудачи отступали за подкреплением. Во время штурма в авангарде пускали пленных, заставляя их заполнять рвы землей и сучьями. Армия состояла из батальонов, в каждом из которых было от 500 до 700 всадников, в зависимости от дороги, по которой они продвигались. Батальоны наступали поочередно, сменяя друг друга по мере усталости. Таким образом обеспечивалась непрерывная атака. Монарх всегда был окружен охраной, в которой служили ветераны. Катаяские войска, состоявшие главным образом из пехоты, вынуждены были нести на себе запас провизии и снаряжение, вследствие чего после нескольких дней пути солдаты выбивались из сил.

Глава 5

Тирания, восстание нюйчжэней и крах

В 1066 году катаи снова стали именовать своего императора «Великий Ляо». В 1067 году они направили в Китай посольство по случаю восшествия на престол императора Шэньцзуна, но вместе с тем усилили свои укрепления и пополнили запасы зерна и оружия, а также стянули к границам дополнительные войска. Китайский монарх Хунцзи был способным и волевым администратором, обладал спокойным и уравновешенным характером. Единственным его недостатком было то, что он слишком потакал своим фаворитам. В результате дворцовых интриг монарх и его мать пали от руки одного из фаворитов. Убийца, а также тысячи других людей были казнены по приказу премьер-министра. В 1101 году после смерти деда, правившего на протяжении 47 лет, на престол взошел его внук по имени Яньси.

Китайский император Чжецзун скончался за год до того. В этот период Китай снова находился в состоянии войны с тангутами. Катаи решили выступить посредниками. Узнав об этом, продажный китайский чиновник (столь красочно описанный в упомянутом ранее романе) задержал китайских послов и вместо них направил миссию с просьбой о военной помощи. Яньси пришел в ярость. Четыре года спустя он снова направил послов, стремясь вмешаться в дела Китая. В конечном итоге его алчность и жестокость привели к тому, что все вассальные государства, входившие в его империю, восстали против тирана. Одним из таких вассалов было племя нюйчжэней, вождь которых, Агуда, поднял мятеж в то время, когда император охотился на оленей. Агуда захватил территории близ современной Нингуты и нанес удар по армии Бохая, посланной навстречу ему. Жители этого города издавна с пренебрежением относились к нюйчжэням, имея обыкновение избивать их, а при торговых сделках недоплачивать изрядные суммы. Теперь нюйчжэни вспомнили старые обиды и принялись истреблять катаев. Против восставших была направлена армия под командованием китайского военачальника. Численность войска не превышала 5000 человек, в нее входили кумоси и катаи. В этом регионе давно царил мир, армия быстро пополнялась добровольцами. Многие из них, уверенные в победе катаев, привезли с собой свои семьи. Нюйчжэни, перейдя реку Сунгари, застали войско катаев врасплох. Катаи в панике бежали, в то время как нюйчжэни беспрепятственно брали в плен женщин и детей, уводили скот, грабили казну. Нюйчжэни преследовали отступающую армию врага на протяжении 50 километров. Вскоре Агуда нанес еще одно поражение катаям и принял императорский титул, назвав свою империю Цзинь, или «Золотая». Прибывшие к нему китайские послы долгое время не могли получить аудиенцию. В это время как раз восстало Бохайское государство, бохайцы убили деспотичного китайского наместника и провозгласили правителем своего военачальника. В руки бохайцев попал почти весь Ляодун, за исключением современного Мукдена. Один из китайских министров вызвался возглавить 20-тысячную армию против бохайцев. Ему сопутствовала удача: бохайский император был обезглавлен. В 1118 году в китайской империи воцарился голод, он был настолько сильным, что в империи были зафиксированы случаи людоедства.

Теперь на пост главнокомандующего Яньси назначил своего дядю. Он выступил против нюйчжэней, но потерпел поражение и вынужден был отступить с остатками своей кавалерии, а нюйчжэни тем временем захватывали город за городом и дошли до реки Далин. Яньси находился в центральной столице, когда до него долетело известие о поражении его армии. Он тут же приказал набить 500 мешков драгоценностями, взял 200 лучших коней и приготовился к побегу. Своим приближенным он сообщил, что решил искать приюта у его брата, императора Сун или у тангутского правителя, с семьей которого Яньси был связан брачным союзом. Впрочем, он выразил сожаление, что в случае прихода нюйчжэней народ его будет истреблен.

Однако нюйчжэни решили отдохнуть и потому повернули назад, Яньси получил драгоценное время.

В 1120 году нюйчжэни захватили Верхнюю столицу, разрушив все императорские гробницы. А у катаев разгорелись распри по поводу наследования престола. У Яньси было четыре сына, трое из которых были от разных матерей. Мать второго сына – самого перспективного наследника – была убита в результате дворцовых интриг, а мужа двух ее сестер с кавалерией перешли на сторону нюйчжэней. Между тем армия последних уже перешла реку Ляо. В 1121 году нюйчжэни овладели центральной столицей, и Яньси опять вынужден был бежать. По мере того как он удалялся от столицы, войско его таяло. В этом походе второй сын Яньси, не без интриг со стороны отца, покончил жизнь самоубийством. В конце концов с Яньси остался лишь старший сын с 300 всадниками.

Между тем нюйчжэни отправили послов к китайскому императору и получили субсидии, которые до этого выплачивались катаям. Агуда считал себя равным императору, поэтому тот обратился к правителю нюйчжэней как к «Его Величеству, Великому Императору Цзинь». Китайцы и нюйчжэни разделили сферы влияния: Пекин и Тяньцзинь остались в руках китайцев, нюйчжэни получили центральную столицу и Юнпинфу. Огромные табуны китайских коней, пасшихся на равнинах южнее Тяньцзиня, тоже отошли нюйчжэням. Однако формально Пекин находился в руках нюйчжэней. Теперь, когда китайской империи пришел конец, китайцы могли сосредоточить свое внимание на нюйчжэнях. Китайцы требовали уже не только вернуть им Пекин, но также желали забрать и Юнпинфу. В ответ на это военачальник нюйчжэней заявил китайцам, что если они не умерят свои претензии, то не получат ни Пекина, ни податей с прилегающих к нему шести округов – все это будет передано нюйчжэньской династии. В этот период Юнпинфу стал столицей империи Цзинь. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о том, что Китай должен будет увеличить денежные субсидии, которые ранее выплачивались катаям, а теперь нюйчжэням. Кроме того, Китай обязался предоставить нюйчжэням 2 000 000 мер зерна. В обмен на это китайцы получали пекинскую долину до Великой стены и три перевала.

Пока нюйчжэни и китайцы проводили переговоры, беглый китайский император Яньси дошел до Тендука, а затем продвинулся дальше и осел в одном из городов провинции Шаньси. Однако вскоре один из нюйчжэньских военачальников захватил всю семью Яньси. Теперь беглец искал прибежища на плато Ордос, в государстве Ся или у тангутов, но тангуты из страха перед Китаем не решились предоставить ему приют, и Яньси в конце концов укрылся в одном из тибетских племен. В начале 1125 года, когда в его распоряжении все еще находилось до тысячи всадников, нюйчжэни застали Яньси врасплох и взяли его в плен. При нем была золотая статуя Будды высотой почти 5 метров и множество других ценностей. Уходя от погони, Яньси постепенно бросал ценности. Нюйчжэньский военачальник вел себя очень вежливо, он спешился, опустился на колени перед своим пленником и подал ему кубок с вином, после чего Яньси был перевезен в Маньчжурию и заключен под стражу близ современного Владивостока. Так пала китайская империя.

Вскоре после этого нюйчжэни, уставшие от вероломства китайцев, штурмом взяли город и потребовали отдать им территорию Китая, расположенную к северу от Желтой реки. Тангуты между тем поспешили объявить себя вассалами нюйчжэней. В 1126 году нюйчжэньская армия пересекла Желтую реку на крошечных лодчонках и захватила китайскую столицу – современный Кайфэнфу. Нюйчжэни потребовали увеличить размер субсидий, признать нюйчжэньского императора равным императору Китая и передать нюйчжэням определенные территории. Китайцы не сразу осознали серьезность своего положения. Чтобы преподнести им урок, нюйчжэни нанесли китайским войскам ряд сокрушительных поражений и штурмом взяли столицу, при этом китайский император сдался нюйчжэньскому полководцу. Вместе со своей обширной семьей китайский император был перевезен в Татарию. Теперь владения нюйчж-

эней охватывали почти всю современную провинцию Шаньси, провинции Шаньдун и Чжили, а также часть провинции Хунань. На китайском престоле впоследствии еще появлялись собственно китайцы: с 1368 по 1643 год. С того времени страна находилась в руках маньчжу – мелкого племени, связанного с нюйчжэнями и говорившего на сходном с ними языке. Таким образом, за исключением династий Хань (200 до н. э. – 200 н. э.) и династии Тан (600–900) ни один из правящих домов не был в состоянии надолго удержать под своей властью Северный Китай.